

XXI
ПОЛИТИКИ

Кирилл БЕНЕДИКТОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖАННЫ Д'АРК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МАРИН ЛЕ ПЕН

Кирилл Бенедиктов

Политическая биография Марин Ле Пен. Возвращение Жанны д'Арк. (Серия «Политики XXI века») – М.: Книжный мир, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-8041-0796-4

Новая книга известного российского писателя Кирилла Бенедиктова (более 10 литературных премий) представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части политического класса Франции, которая испытывает искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке – России.

Франция – давний и сложный политический партнер России в Западной Европе. Франко-русские отношения отмечены и ожесточенными войнами между нашими странами, и эпохами мира и даже «Сердечного согласия». Но нам известна и Франция – законодательница моды, центр европейской культуры, страна, окутанная романтичным флером... Наверно поэтому Франция всегда была для русского человека чем-то вроде земли обетованной, приковывающей внимание, вызывающей повышенный интерес.

Но что мы действительно знаем о Франции, о ее внутренней, скрытой от туристов провинциальной жизни, об обстановке, в которой «закалялась сталь» молодой девушки, ставшей в будущем одной из самых известных женщин-политиков – наряду с Маргарет Тэтчер, Ангелой Меркель и Кондолизой Райс?

Сможет ли Марин Ле Пен преодолеть сопротивление своих политических врагов и стать новым де Голлем? Сможет ли осуществить мечту своей жизни – «Фрекзит» и добиться того, чтобы ее прекрасная Франция покинула тесные узы Евросоюза? Станет ли реальностью новый франко-русский союз, если у руля Пятой республики встанет современная Жанна д'Арк? И не постигнет ли ее судьба средневековой предшественницы, ставшей жертвой коварных англосаксов?

Предлагаемая читателю книга – фактически первая изданная в России полная биография лидера Национального Фронта Франции Марин Ле Пен.

Книга издана при содействии Фонда ИСЭПИ

© К.С. Бенедиктов, 2015

© Книжный мир, 2015

*Памяти моих учителей –
Анатолия Васильевича Адо
и Владимира Сергеевича
Посконина*

*Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И, как в омут погружусь бездонный,
В дикую мою, родную Русь.*

*Ты была ей дивною мечтою,
Солнцем стольких несравненных лет,
Но назвать тебя своей сестрою,
Вижу, вижу, было ей не след.*

*Только небо в заревых багрянцах
Отразило пролитую кровь,
Как во всех твоих республиканцах
Пробудилось рыцарское вновь.*

*Вышли, кто за что: один — чтоб в море
Флаг трехцветный вольно пробежал,
А другой — за дом на косогоре,
Где еще ребенком он играл;*

*Тот — чтоб милой в память их разлуки
Принесли «Почетный легион»,
Этот — так себе, почти от скуки,
И средь них отважнейшим был он!*

*Мы собрались, там поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали — женщин обижали,
Пропивали ружья и кресты.*

*Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.*

*В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуетя, что она сильна.*

*Вот, ты кличешь: — «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездье Змия
Загорелась новая звезда.*

Николай Степанович Гумилев
1918 г.

ВВЕДЕНИЕ

История российско-французских отношений знала как периоды острой вражды (война 1812 г., Крымская война 1853-1855 гг.), так и периоды весьма тесного сближения как цивилизационно-культурного (вторая половина 18 века – 1812 г.), так и военно-политического (франко-русский союз 1891-1917 гг.) Бесславный конец последнего союза многими русскими франкофилами воспринимался как предательство со стороны России ее «возлюбленной сестры» Франции – именно так это было отражено в пронзительном стихотворении Н.С. Гумилева, выбранном мной эпиграфом к этой книге. И надо сказать, у русских франкофилов были все основания винить Россию в тяжком грехе предательства: пришедшие к власти в России большевики заключили с Германией сепаратный Брестский мир, что позволило немцам продвинуться почти до самого Парижа.

Хотя отношения между Францией и Советским Союзом, по понятным причинам, не могли быть такими же сердечными, как во времена Российской Империи, взаимное притяжение двух стран ощущалось и в этот период. Достаточно вспомнить франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г., документ, значение которого в историографии явно недооценено. Принято считать, что история не знает сослагательного наклонения, но нетрудно представить себе, как изменилась бы история Европы, если бы не саботаж англичан на военных переговорах в Мо-

скве в 1939 году¹. Безусловный интерес представляет тот факт, что наиболее дальновидные французские политики подчеркивали необходимость франко-советского союза задолго до подписания этого пакта. Например, искренний русофил Эдуард Эррио вспоминал о событиях 1935 г.:

«Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года (выделено мною. — К.Б.). На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения...»².

Можно, наконец, вспомнить знаменитые слова генерала де Голля о Европе «от Атлантики до Урала», напугавшие Хрущева в год Карибского кризиса, но позже охотно цитировавшиеся адептами конвергенции и нового мышления³. Они были не просто

1. 17 и 20 августа 1939 г. глава французской военной миссии генерал Думенк сообщал из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения. [...] Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию». Под давлением Лондона Польша не изменила свою позицию, что и привело в итоге к событиям сентября 1939 г.

2. Эдуард Эррио. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914-1936.

3. Хрущев был возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Советским дипломатам было дано указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз. Был подготовлен срочный запрос, ответ на который шокировал Хрущева. На встрече с советским послом С.А. Виноградовым Шарль де Голль сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе с Советским Союзом».

красивой метафорой, данью цветистому галльскому красноречию, но продолжением интеллектуальной традиции, представленной, в частности, такими выдающимися личностями, как **Пьер Паскаль** и **Пьер Шоню**, — традиции, которая, как мы увидим на страницах этой книги, жива во Франции до сих пор.

Последним на данный момент периодом сближения Москвы и Парижа — увы, весьма кратким — следует считать 2003 г., когда обе страны сблизились на почве противостояния военному вторжению США и их союзников в Ирак. Едва не сложившаяся ось «Париж-Берлин-Москва» заставила Кондолизу Райс произнести в июне того года сакраментальное: *«Мы должны наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию»*. В общем и целом, неплохие отношения между Россией и Францией сохранялись до конца президентства Ж. Ширака⁴, но уже с приходом к власти Николя Саркози становится очевидным разворот Пятой республики в сторону Вашингтона (а также явное потепление между Парижем и Варшавой, к которой Ширак не питал особенной симпатии как верному вассалу Вашингтона в Европе).

Тем не менее, очевидно, что Франция — одна из двух стран Западной Европы, с которой Россия может образовывать стратегические союзы; вторая — это, разумеется, Германия. В 2013 — начале 2014 года часть экспертного сообщества в России была практически уверена в том, что союз Берлина и Москвы (где Германия будет поставщиком технологий и управленческих моделей, а Россия — поставщиком ресурсов и рабочей силы) настолько выгоден обеим странам, что не может не стать реальностью. Собы-

4. Который неоднократно говорил о «привилегированном партнерстве» между Россией и Францией.

тия на киевском Майдане и последовавшие военные действия в Новороссии похоронили этот амбициозный проект, так как стало ясно, что Германия не готова идти на союз с Россией против воли своих старших партнеров по НАТО.

Но только ли в недоброй воле Вашингтона дело? Достаточно очевидно, что без общей ценностной платформы – именно ценностной, а не идеологической – создание по-настоящему крепкого союза между Россией и ведущей европейской страной невозможно, без нее такой союз будет в лучшем случае ситуативным, тактическим, а не стратегическим. С Германией таких общих ценностей у России нет, или почти нет. С Францией же история другая. Именно между Россией и Францией возникло взаимное идеологическое притяжение, основанное на разделяемых значительной частью общества консервативных ценностях.

По мнению крупного специалиста по франко-российским отношениям **Тома Гомара**, *«во Франции можно выделить шесть основных подходов к интерпретации российской политики. Три из них роднит между собой строгая критика режима: это защитники “прав человека”, обеспокоенные нарушением общественных свобод, хулители “великорусской идеи”, которых тревожат даже слабые проявления русского национализма, и эксперты в области распространения ядерного оружия... Напротив, три других подхода подчеркивают позитивную стабилизацию России. Ссылаясь на баланс мировых держав, первые видят Россию как “великую страну” и “стратегического партнера”. Для вторых Россия – огромный рынок с мощным потенциалом роста. Третьи видят в Путине последнего защитника русских интересов, который проводит политику*

национальной независимости — что-то вроде голлизма по-русски»⁵.

Более того: не будет преувеличением сказать, что часть французского политического класса с надеждой смотрит на Россию как на хранительницу и защитницу традиционных европейских ценностей, павших под натиском глобализации и насаждаемой повсюду агрессивной цивилизационной англосаксонской модели. Как считает французский юрист и политолог **Эммануэль Леруа**, на протяжении ряда лет бывший членом Национального Фронта:

«Последний оплот, который они (англосаксонская финансовая олигархия. — К.Б.) должны завоевать, находится на берегу Москвы-реки. И война, которую они ведут, они ведут, чтобы завоевать Кремль. Это тотальная война: идеологическая, культурная, религиозная, экономическая, технологическая и, разумеется, собственно война в классическом ее понимании».

Разумеется, когда мы говорим о части французского политического класса, мы по умолчанию имеем в виду и значительную часть французского общества, поскольку в состав этой группы симпатизантов России входят как интеллектуалы, формирующие повестку дня и влияющие на общественное мнение, так и политические активисты, мобилизующие электорат. Среди таких лидеров выделяется глава партии Национальный Фронт Марин Ле Пен, являющаяся сейчас наиболее симпатизирующим России европейским политиком.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой опыт политической биографии Марин Ле Пен как яркого представителя той части по-

5. *Thomas Gomart. La politique russe de la France: fin de cycle? // Politique étrangère. 2007/1.*

литического класса Франции, которая чувствует, может быть, не всегда рационально объяснимую, но искреннюю симпатию к далекой «сестре» на Востоке. Личность лидера Национального Фронта неотделима от истории самой партии, которую на протяжении почти сорока лет возглавлял отец Марин, Жан-Мари Ле Пен. Жизни и политической карьере Ж.-М. Ле Пена в контексте возникновения и становления Национального Фронта посвящена вторая глава этой книги. Непростые взаимоотношения отца и дочери, которым в книге уделено немало внимания, отражают глубинные процессы, происходившие и происходящие в настоящий момент в недрах Национального Фронта, не всегда очевидные для стороннего наблюдателя. Разворачивающаяся буквально на наших глазах полная драматических поворотов история противостояния отца и дочери, напоминающая классический шекспировский сюжет, описана в седьмой главе книги, посвященной последним (по времени) событиям в истории Национального Фронта, в частности, департаментским выборам весны 2015 г.

Описание борьбы Марин Ле Пен за власть в партии, процесса «де-демонизации» (*dédiabolisation*) Национального Фронта, было бы неполным без рассказа о ближайших ее соратниках и советниках: вице-президентах НФ Луи Альо и Флориане Филиппо, а также казначее партии Валлеране де Сен-Жюсте. Им посвящена отдельная глава, в которой также рассматриваются важные для истории модернизированного Национального Фронта сюжеты: сближение с еврейской общиной Франции и Израилем, проблема «гомосексуального лобби» в руководящих эшелонах партии и скандал, связанный с финансированием НФ со стороны российских банковских структур.

Подробно описана в книге и борьба Марин Ле Пен с европейской бюрократией в стенах Европарламента — борьба, в которой лидер Национального фронта, несмотря на мощную электоральную поддержку внутри страны, противостоит безликим, но сплоченным и хорошо организованным европейским «аппаратчикам». Каким образом «новой Жанне д'Арк» удалось сломить сопротивление евробюрократии и расстроить интриги конкурентов-евроскептиков, рассказывается в главе «Битва за Европу».

Наконец, последняя глава исследования посвящена в основном проблеме отношения Марин Ле Пен и Национального Фронта к России, и анализу возможностей создания нового консервативного союза между Россией и Францией, а также той роли, которую лидер НФ играет в изменении отношения к России в правом сегменте французской политической элиты.

* * *

Для понимания личности и идейной эволюции лидера Национального Фронта чрезвычайно важны написанные ей самой книги: автобиография «**Против течения**» (Marine Le Pen, *À contre-flots*. Paris, éd. Grancher 2006) и вышедшая в январе 2012 г., за несколько месяцев до президентских выборов, книга «**Чтобы Франция жила**», представляющая собой идеологическую программу Марин Ле Пен (Marine Le Pen, *Pour que vive la France*, Paris, éd. Grancher, 2012).

Личность Марин Ле Пен привлекает внимание журналистов и политических аналитиков даже больше, чем изрядно «демонизированная» СМИ фигура ее отца. Однако в случае с Марин Ле Пен задача критиков существенно осложнялась тем, что ее образ изначально был куда более привлекательным, чем brutальный имидж Ле Пена-старшего. Поэтому

все усилия противников НФ были направлены на то, чтобы «разоблачить» новый образ партии, активно создаваемый Марин. В этом ключе написана книга Каролин Фуре и Фьяметты Веннер «**Марин Ле Пен**» (второе издание которой так и называется: «**Разоблаченная Марин Ле Пен**» (*Caroline Fourest, Fiametta Venner. Marine Le Pen démasquée. Paris: Grasset, 2012*))

Каролин Фуре – профессиональный журналист, в сферу интересов которой входят в основном религиозные фундаменталисты. В 2011 г., когда готовилось первое издание книги про Марин, она работала в печально известном еженедельнике Charlie Hebdo. Именно тогда на редакцию Charlie было совершено первое нападение – ее забросали бутылками с «коктейлем Молотова». А за несколько лет до этого Фуре подписала обращение 12 французских интеллектуалов с требованием «остановить новый тоталитаризм – исламизм». Что касается Фьяметты Веннер, то она известна не только как журналист, «разоблачающий» организации католиков-традиционалистов, но и как лесбийская активистка.

Фуре и Веннер ставили своей задачей «расшифровать» операцию по «де-демонизации» Национального Фронта, в проведении которой, как они указывают в предисловии ко второму изданию, Марин Ле Пен, «казалось, преуспела» к маю 2011 г. Будучи яркими представителями как раз того глобализированного, антитрадиционалистского общества, против которого выступает Национальный Фронт, они являются убежденными противниками Марин Ле Пен, что и предопределило неудачу обозначенной в самом начале книги претензии на некую объективность.

Несмотря на то, что Фуре и Веннер обещали «не исказить, не демонизировать» образ лидера НФ –

реакция самой героини книги (Марин подала на авторов в суд) показывает, что это намерение так и не было реализовано. Во втором издании Фуре и Веннер сделали особый упор на «разворот Марин Ле Пен в сторону путинской России», который, без сомнения, представляется им серьезным грехом – ведь в России безжалостно попирают права сексуальных меньшинств и возрождают православную церковь. Не гнушаются они и изысканиями в ворохе грязного белья, что особенно очевидно в главе, посвященной судьбе Сандры Кац, кандидату от НФ в кантоне Кудекерк-Бранш (департамент Нор), которую пресса объявила «девушкой по вызову»⁶.

В отличие от крайне тенденциозной, хотя и насыщенной интересными фактами, книги Фуре и Веннер, книга Патриса Машуре, журналиста и редактора канала France 3, «**В коже Марин Ле Пен**» (*Dans la peau de Marine Le Pen, Paris: Edition de Seuil, 2012*), написана в куда более выдержанном тоне. В ней дается комплексный портрет нового лидера НФ: личности сложной, подверженной приступам гнева, ранимой, эгоцентричной, но в то же время умеющей отлично ладить с людьми. Безусловный интерес представляет описание Машуре съезда НФ в Туре в январе 2015 г., на котором Марин была избрана новым президентом партии вместо своего отца.

Исследование социолога Сильвен Крепон «**Опрос в сердце нового Национального Фронта**» (*Sylvain Crepon. Enquete au Coeur du Nouveau Front National. Paris, Nouveau Monde edition, 2012*) представляет собой фундаментальное исследование изменившейся с приходом Марин Ле Пен партии. Крепон, доктор со-

6. То, что Сандра Кац не была таковой, стало очевидно уже после ее самоубийства в ноябре 2011 г. (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/11/22/une-candidate-fn-sandra-kaz-se-suicide-226775>).

циологии из университета Западный Париж – Нантер занимается изучением Национального Фронта более 20 лет, она автор нескольких книг, посвященных крайне правым. Монография Крепон интересна тем, что рассматривает партию в динамике, анализирует изменения, произошедшие в ней с приходом новой команды во главе с Марин Ле Пен. Крепон очень подробно и тщательно исследует опыт административного руководства, полученный Марин на посту муниципального советника города Энен-Бомон (в департаменте Па-де-Кале) – своего рода опытного полигона Национального Фронта.

Нельзя не упомянуть и о посвященных Марин Ле Пен книгах, относящихся к жанру fiction. Например, роман Фредерика Деслорье «**Двести дней Марин Ле Пен**», увидевший свет в 2011 г., повествует о том, что произошло после победы Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 г., когда ей удалось разгромить и Саркози, и социалистов (*Frederic Deslauriers. Deux cent jours de Marine Le Pen. Paris: Plon. 2011*). В вышедшем полгода назад романе Мишеля Уэльбека «**Покорность**» все происходит с точностью до наоборот – но только в 2022 г. (*Michel Houellebecq, Soumission, Paris, Flammarion, 2015*). После того, как результаты президентских выборов были аннулированы после масштабного мошенничества с подсчетом голосов, на объявленных дополнительных выборах лидер мусульман Франции Мухаммед Бин Аббес побеждает Марин Ле Пен, опираясь на социалистов и правых. На следующий день страна погружается в средневековье, нормы ислама и законы шариата заменяют двухтысячелетнее наследие европейской цивилизации. Когда левые обвинили Уэльбека в том, что он своим романом сделал «подарок Марин Ле Пен»,

писатель ответил: «Вряд ли ей нужны мои подарки — у нее и так все хорошо».⁷

Французские СМИ, что не удивительно, также оказывают НФ и его лидеру самое пристальное внимание. Наиболее интересные материалы, однако, содержит партийная пресса, а именно официальный орган партии *Le Nouveau National Hebdo*, пришедший на смену старой газете Фронта *National Hebdo*, которую на протяжении многих лет возглавлял Р. Гоше. Помимо этой, выходящей раз в неделю газеты, события, происходящие в партии, и деятельность Марин Ле Пен, существуют три достаточно влиятельных СМИ, отражающие позицию французских националистических сил: *Minute*, *Présent* и — особенно — *Rivarol*.

Основанный в январе 1951 командой журнала *Ecrits de Paris*, к которой присоединились «молодые волки» Антуан Блонден, Жюльен Гернек (Франсуа Бриньо) и Морис Ге (*Gait*), *Rivarol* является самой «отвязанной» газетой крайне правых, одержимой всемирным еврейским заговором и засильем гомосексуалистов в правительственных кругах. Национальному Фронту *Rivarol*, в общем, всегда симпатизировал, но в 2005 г. между ними пробежала черная кошка: редактор еженедельника Жером Бурбон опубликовал запись своего конфиденциального разговора с Жан-Мари Ле Пен, в котором последний весьма откровенно высказывал некоторые свои взгляды на историю Второй мировой войны. Тем не менее, до 2010 г. еженедельник поддерживал НФ и его лидера, позволяя себе, тем не менее, критиковать их по тем

7. По странному стечению обстоятельств, роман Уэльбека увидел свет 7 января 2015 г. — в тот день, когда исламские террористы расстреляли журналистов в редакции *Charlie Hebdo*.

или иным конкретным поводам (то, что в СССР называлось «товарищеская критика»).

Однако в 2010 г. все изменилось. Газета заняла крайне враждебную позицию в отношении Марин Ле Пен, которая как раз начала предвыборную кампанию с целью занять пост президента НФ (подробно об этом рассказывается в четвертой главе книги). Главный редактор издания, Ж. Бурбон, католик-интегрис, седевакантист⁸ и ярый антисемит, постоянно атаковал «клан Ле Пен» и часто употреблял вместо слов «Национальный Фронт» (Front National) слова «Семейный Фронт» (Front familial). К Марин, из-за проводимой ей политики «де-демонизации» партии, предполагающей отказ от антисемитской и гомофобной риторики, Бурбон относится с нескрываемой враждебностью.

«Для меня Марин Ле Пен – демон, абсолютный враг со всех точек зрения, в моральном, политическом и интеллектуальном плане. Это абсолютная катастрофа, я не испытываю к ней ни малейшего доверия. Все, что я испытываю – это тотальное отвращение; впрочем, это взаимно».

Отношение Minute и Présent к дочери Жан-Мари Ле Пена претендует на несколько большую объективность, хотя в 2010 г. эти СМИ также поддерживали кандидатуру соперника Марин Ле Пен на выборах президента партии Бруно Гольниша. С весны 2014 г. Présent полностью поддерживает Марин; в том числе и в ситуации ее конфликта с отцом в апреле-мае 2015 г.

8. Католики-интегрисы (от лат. *integrum* – «целостный»), стремятся свети к минимуму заявленное папой Иоанном XXIII «обновление» и сохранить традиционные положения вероучения в целостности. Седевакантисты – сторонники течения в интегральном католицизме, считающие, что после Второго Ватиканского собора престол святого Петра остается вакантным, а Папой является узурпатор. Некоторые седевакантисты полагают, что с приходом Бенедикта XVI ситуация изменилась к лучшему.

Наконец, два журналиста одной из ведущих и наиболее авторитетных газет Франции, Le Monde, Абель Местр и Каролин Монно, ведут досье «Крайне правые» (<http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/>), где Марин Ле Пен уделяется немало внимания. При общей тенденциозности этой газеты в ее отношении к Национальному Фронту и его лидеру нужно признать, что в ряде случаев Местр и Монно пытаются объективно подойти к анализу «жареных фактов», которые другими изданиями подаются в однозначно негативном ключе. Примером может служить история с кредитом, полученным НФ от Первого Чешско-Российского Банка, о которой подробно рассказывается в четвертой главе книги.

На русском языке литература, посвященная Марин Ле Пен, почти отсутствует. Единственным исключением является книга «**Нужна ли России Марин Ле Пен?**» бывшего спецкора «Правды» во Франции В. Большакова, выпущенная издательством «Алгоритм» в 2012 г., а также книга «**Марин Ле Пен. Равняться на Путина!**» представляющая собой компиляцию интервью и выступлений лидера Национального Фронта, в основном, посвященных России, снабженная послесловием того же Большакова. Вот и все, что есть на русском языке об одном из наиболее интересных политиков современной Европы.

В течение долгих лет отечественные публицисты и даже некоторые политологи повторяли затертые еще в советское время штампы о якобы «неофашистском» характере партии Национальный Фронт. Естественно, когда несколько лет назад внезапно выяснилось, что новый лидер НФ более чем кто-либо из европейских политиков симпатизирует России и поддерживает ее действия на международной арене, эти штампы сослужили нашей стране плохую службу.

Правда, с тех пор кое-что все-таки изменилось: усилия Марин Ле Пен по превращению Национального Фронта в «рукопожатную» политическую силу принесли свои плоды не только во Франции, но и у нас. Но представление о том, что при Жан-Мари Ле Пене НФ был ультраправым движением, а при его дочери слегка сдвинулся в сторону мейнстримной партии, по-прежнему очень распространено и в российской журналистике, и даже в экспертной среде.

Между тем, как будет показано в этой книге, Национальный Фронт с самого начала довольно резко отмежевывался от действительно экстремистских и — что греха таить — близких неонацизму движений, сыгравших определенную роль в его возникновении. Вся его история с 1972 до 2011 г., (когда власть в партии перешла к Марин Ле Пен) — это история постепенного превращения изначально маргинальной и существовавшей в политическом «гетто» партии в мощную и способную заставить считаться с собой силу, претендующую на интеграцию в устоявшуюся политическую систему. Марин Ле Пен — при всем уважении к ее усилиям по модернизации партии — лишь продолжила процесс, который шел в НФ, по меньшей мере, с конца 1980-х годов (т.н. «первая дедемонизация», в ходе которой в руководство партии были приглашены университетские преподаватели, такие, как Бруно Гольниш, видные активисты правополитических партий, такие, как Бруно Мегре, и интегрированные в парижскую элиту юристы, такие, как Валлеран де Сен-Жюст). Эти события (включая раскол Мегре) сыграли значительную роль в формировании Марин Ле Пен как политика — поэтому, хотя наша книга и не является историей Национального Фронта, им уделено в ней определенное внимание.

И сейчас Национальный Фронт представляет собой в полном смысле слова системную политическую силу, и не так важно, «первую» или «третью» партию Франции – главное, что это уже мейнстрим. Более того: как будет показано в шестой главе, именно у партии Марин Ле Пен есть реальный шанс стать новой голлистской партией для современной Франции.

Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать портрет модернизированного Национального Фронта, проанализировать все его победы и (относительные) поражения. Автор ставил перед собой более узкую и достаточно скромную задачу – познакомить читателя с биографией Марин Ле Пен, вписанной в контекст крайне правого движения во Франции, которое – по целому ряду причин – является наиболее симпатизирующей новой России и проводимой ею политике политической силой современной Европы.

Получилось это или нет – судить читателю.

Глава первая

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ИЗ МОНТРЕТУ

«Твой папа – фашист» (1968-1984)

Марин Анн Перрин Ле Пен, младшая дочь Жан-Мари Ле Пена и Пьеретт Лаланн, родилась в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен⁹ 5 августа 1968 г.

Фамилия «Ле Пен», как всегда утверждал ее отец, на местном бретонском диалекте (Жан-Мари родился в Бретани в окрестностях городка Трините-сюр-Мер) означала «главарь», «босс». Но есть и другая версия, согласно которой древние формы этой фамилии (Le Paen, Le Réen) употреблялись для обозначения «язычников» (по-французски «раïen») ¹⁰. Впрочем, в семье Ле Пенов все были добрыми католиками, а традиции, переходящие из поколения в поколение, чтились и соблюдались здесь неукоснительно. По-

9. Место, замечательное во всех отношениях. Помимо того, что там родился Жан-Поль Бельмондо, а умер Георгий Иванович Гурджиев, Нейи-сюр-Сен долгое время был вотчиной Ашилла Перетти, бывшего доверенного телохранителя генерала де Голля. С поста мэра Нейи-сюр-Сен А. Перетти шагнул на еще более высокий уровень, став председателем Национального собрания Франции (который занимал до 1972 г., когда вскрылись его связи с корсиканской мафией). А секретарем Перетти была некая Андре Мала, мать будущего президента Франции Николя Саркози (впоследствии также ставшего мэром Нейи).

10. Если это так, то Ле Пены оказываются однофамильцами знаменитого основателя и первого Великого магистра ордена тамплиеров Гуго де Пейна (*Hugues de Payens* или *Hugo de Paganis*).

этому Жан-Мари, придававший большое значение обрядам, устроил торжественные крестины своей младшей дочери 25 апреля 1969 г. в церкви Св. Марии Магдалины в 8 округе Парижа.

Однако крестного отца для Марин он выбрал весьма своеобразного.

Анри Ботей, известный также под именами Месье Эрик и Император Пигаль, был личностью по-своему выдающейся. Начинал он как скромный ученик пекаря, но довольно быстро сделал карьеру управляющего ночными клубами, барами с сомнительной репутацией и дешевыми отелями для влюбленных. В середине 70-х он был осужден за сутенерство (которое, в отличие от проституции, во Франции запрещено), но каким-то образом ухитрился вести дела и из-за решетки. Выйдя на свободу, Ботей принял участие в жестокой войне банд за контроль над районом Пигаль. В него несколько раз стреляли, его пытались взорвать — но он выходил из всех переделок живым и невредимым и в конце концов выиграл эту войну. При всем том Ботей вовсе не походил на классического гангстера: это был низенький (1,5 метра ростом, за что его называли за глаза «Rase-Mottes», что можно перевести и как «Недомерок»), очень обаятельный жизнелюб, носивший роскошное пальто из норки и передвигавшийся по городу на белом «Роллс-ройсе». Однако в 1968 г., когда он стал крестным отцом Марин Ле Пен, ни «Роллс-ройса», ни норкового пальто еще не было и в помине: Ботей был просто молодым и веселым парнем, занимавшимся, как все полагали, гостиничным бизнесом.

«Ботей все сделал превосходно, — вспоминала в 1988 г. мать Марин, Пьеретт Ле Пен (к тому моменту уже четыре года как разведенная с Жан-Мари). — Крещение было с большой помпой проведено в церкви

Св. Марии-Магдалины. Для тех, кто не верит в «знаки», приведу только один пример. Капеллан Попо, проводивший обряд, окропил водой лоб Марин и насыпал соль ей на язык...¹¹ Попо был знаменитостью. Известен он был всей «братве» как капеллан тюрьмы Френе...»¹²

По словам Пьеретт, когда «Месье Эрика» арестовала полиция, ее муж объяснил ей причину весьма туманно: *«Это было predeterminedо... Он зарабатывал слишком много денег, фискалы его выследили»*. Но спустя несколько дней Пьеретт прочла в газетах, за что именно был арестован Ботей, и *«газеты выпали у нее из рук»*. Однако Жан-Мари решительно отказался говорить с ней на эту тему; единственное, что он сделал, это строго-настрого запретил маленькой Марин смотреть телевизор, пока не схлынет вся шумиха вокруг ареста «крупнейшего сутенера Парижа». Марин была очень привязана к «месье Эрику». *«С ней он был сама любезность и доброжелательность: настоящий крестный...»*, — вспоминала Пьеретт.

Возникает, разумеется, вопрос, что связывало бывшего «зеленого берета» и ловкого сутенера из парижских предместий? Вопреки распространенному заблуждению Анри Ботей не был родственником Жан-Мари Ле Пена. Зато они оба участвовали в работе Комитета Тиксье-Виньянкура: Ле Пен был руководителем избирательного штаба, а Ботей финансировал избирательную кампанию Тиксье-Виньянкура. Была и еще одна ниточка, связывавшая Жан-Мари Ле Пена и Анри Ботея: Пьер Дюран, журналист, старый друг и компаньон Ле Пена, по свидетельству Пьеретт Ле Пен, был одним из самых доверенных помощников месье Эрика, через которого сутенер ру-

11. У католиков святая вода – соленая. Капеллан должен был с молитвой посолить воду и окропить ей малышку.

12. Le parrain proxo de Marine Le Pen // Bakchich 10-06-11 (<https://www.bakchich.info/france/2010/06/11/le-parrain-proxo-de-marine-le-pen-57903>).

ководил своим бизнесом даже из тюрьмы. Но следует иметь в виду, что Пьеретт в своих воспоминаниях все же чересчур пристрастна: позже станет ясно, что у нее были на то причины.

Пьеретт Лалан и Жан-Мари Ле Пен познакомились в 1958 г. — когда ей было 23, а ему 30 — а поженились в 1960. Пьеретт — блондинка-фотомодель — родила мужу трех дочерей: Мари-Каролин, Янн и Марин. Со стороны казалось, что их брак идеален: Жан-Мари окружал жену заботой, и все, что он от нее требовал, — чтобы она всегда хорошо выглядела. В Трините-сюр-Мер, на родине Жана-Мари, она целыми днями загорала в саду, «одетая лишь в собственные волосы», как шутили в семье Ле Пена. *«Я для него — как привал для воина»*, — говорила Пьеретт друзьям. Однако за этим благополучным фасадом бушевали нешуточные страсти, о которых она поведаст миру уже после развода. Насколько ее откровения соответствовали действительности — судить трудно; но известно, что впервые о желании расстаться с мужем она заявила еще в 1972 г. — как раз когда Жан-Мари возглавил Национальный Фронт. Но в тот момент все как-то обошлось, и семья Ле Пен, крепкая, словно хорошо сработавшаяся боевая группа, прошла плечом к плечу бурные семидесятые годы. Все пятеро бросали вызов окружавшему их миру — даже в поездках к морю на уик-энд опускали стекла в «Бьюике» и вовсю горланили песни, эпатируя спешащих на отдых буржуа. Песни были не простые, а военные, например, популярная в годы Первой мировой «La Madelon», а иногда и вовсе боевые марши Иностранного Легиона.

Летом 1972 г., когда Марин было четыре года, сестры Ле Пен проводили каникулы на побережье Средиземного моря в Палава-ле-Фло неподалеку

от Монпелье. Однажды старшие сестры, заигравшись с детьми Алена Жаме, одного из друзей отца, принимавшего участие в создании Национального Фронта, попросту забыли Марин на пляже. Только вернувшись домой, они обнаружили, что младшей с ними нет. Были организованы поиски, и через некоторое время малышку нашли. Франс Жаме вспоминала впоследствии, что ее поразила совершенно недетская выдержка четырехлетней Марин: *«Хотя она долго оставалась одна, но не впала в панику и не заплакала»*.

Она росла с сознанием того, что окружающий мир враждебен ей и ее семье.

В школе сестры Ле Пен подвергались постоянной травле. Одноклассники кричали им: «Ваш отец – фашист!», а учителя только отводили глаза. Имя Жан-Мари Ле Пена внушало добропорядочным обывателям страх, но страх испытывали и его дети.

Марин родилась в год, когда Пятую республику сотрясали студенческие волнения, позже названные Красным маем. «Новые левые» правили бал в Сорбонне и Нантере, в моде были Ленин и Троцкий, самые радикальные гошисты самозабвенно цитировали председателя Мао – «винтовка рождает власть!» Правые консерваторы и традиционалисты находились не просто в гетто – они были раздроблены на крошечные партии и движения, которые никто не принимал всерьез. Но шли годы, и усилия отца Марин по созданию единой националистической партии понемногу приносили плоды – и довольно скоро левые, особенно анархисты, увидели в нем своего смертельного врага. В ночь Хэллоуина (во Франции она называется «Ночь всех святых», Toussaint) 1976 г. в окно их дома кто-то бросил самодельную бомбу. По счастливой случайности, никто не пострадал, но взрывом

разворотило половину кухни и выбило стекла в доме. Дети – и, прежде всего, восьмилетняя Марин – пережили настоящий шок. *«Именно тогда я поняла, что я дочь человека, за которым охотятся, которого хотят убить»*, – признавалась она много лет спустя журналистам.

Спустя несколько недель семья Ле Пен переселилась из 15-го округа Парижа в более спокойный и безопасный Монтрету. Место было великолепное – считается, что именно из Монтрету (коим заканчиваются Елисейские Поля) открывается лучший вид на Париж. Но и здесь постоянное ощущение нависшей над ними угрозы не оставляло детей. *«Там царила атмосфера смерти, – вспоминала гораздо позже средняя дочь Жана-Мари, Янн, которой на тот момент едва исполнилось 13. – Я прятала под подушку зубчики чеснока, чтобы отогнать злых духов»*¹³.

Поместье, в котором поселилась семья Ле Пен, Жан-Мари унаследовал от эксцентричного миллионера Юбера Ламбера, владевшего процветающим бизнесом по производству цемента и строительных смесей. Монархист Ламбер разделял крайне правые идеи и был большим поклонником Жана-Мари, которого считал эталоном француза, мужественным и решительным. Умер Ламбер при странных обстоятельствах: неизлечимо больной, и, по-видимому, страдавший психическими отклонениями, он, по свидетельству родных, был «полностью изолирован» в последние месяцы своей жизни. Единственным человеком, с которым он общался, был Жан-Мари Ле Пен.

Помимо огромных денежных сумм (по разным данным, от 30 до 40 миллионов «тяжелых франков»),

13. *Pascale Nivelle*. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

Ле Пен унаследовал от цементного короля трехэтажную виллу площадью в 365 квадратных метров посреди роскошного парка почти в пять гектаров¹⁴. Именно сюда переселилась семья Ле Пен после взрыва в 15-м округе Парижа.

В Монтрету Жан-Мари Ле Пен устроил *«свое правительство и свой двор»*. Он разработал целую систему ритуалов, например, обязательное фотографирование хозяина и его гостей на верхней площадке лестницы, устраивал праздники, костюмированные вечера. Он очень старался, чтобы члены семьи не думали о нависающей над ними угрозе и наслаждались жизнью. А угроза была вполне реальной: в марте 1978 г. сионистскими боевиками из никому до той поры неизвестной группировки «Коммандос Памяти» был убит – взорван в своем автомобиле – друг Ле Пена, историк **Франсуа Дюпра**. Ему отомстили за ревизионизм – Дюпра доказывал, что во время Второй мировой войны было уничтожено гораздо меньше евреев, чем официально признанные 6 миллионов, а газовых камер в немецких лагерях смерти якобы не существовало вовсе. Вместе с Дюпра в машине находилась его жена – она чудом выжила, но осталась инвалидом на всю жизнь. Жан-Мари вполне мог чувствовать себя следующим в списке – а хуже всего было то, что невидимые враги не щадили и тех, кто находился рядом с их жертвами.

Но удар, обрушившийся на семью Ле Пен, последовал совсем с другой стороны.

В 1984 г. в поместье Ле Пена в Монтрету гостил журналист газеты Le Figaro Жан Марсилли, работавший над биографией Жана-Мари (к тому моменту Национальный Фронт стал уже заметным полити-

14. Ныне поместье Монтрету оценивается приблизительно в 6,5 млн. евро.

ческим явлением). Между молодым журналистом и уставшей от жизни в «золотой клетке» Пьеретт вспыхнула симпатия... и 10 октября 1984 г. мать троих детей и жена лидера Национального Фронта со скандалом ушла из дома вместе с несостоявшимся биографом Ле Пена.

Скандал продолжился и после ее ухода: Пьеретт изо всех сил старалась скомпрометировать имя Ле Пена, давала бесчисленные интервью, не жалея черной краски для описания характера и привычек своего бывшего мужа. Впрочем, не жалела она и дочерей, которые остались с отцом, сплотившись вокруг него, как верные солдаты вокруг своего раненого командира. Чтобы уязвить самолюбие Жан-Мари, фотографировалась обнаженной на обложке «Плейбоя». Фотографии, которые до сих пор можно без особого труда отыскать в сети, вызывают смешанные чувства: все-таки экс-модели к этому времени было уже почти под пятьдесят. Янн Ле Пен, которая увидела фотографии во время своего медового месяца, путешествуя по Юго-Восточной Азии, высказалась про них очень грубо: «... наружу, половая тряпка в ж...е». Пристали репортеры и к Марин, но та нашла другие слова: «Мама — это тайный сад, а не общественная помойка»¹⁵. Тем не менее, она очень тяжело переживала разрыв родителей: «Полтора месяца я не могла есть — меня рвало каждый раз, когда я пыталась проглотить кусок», — вспоминала она в автобиографии.

А Пьеретт не унималась. Ее рассказы о «зоологическом антисемитизме» бывшего мужа во многом способствовали формированию легенды о «фашиствующем политике», которая сопровождала лидера Национального Фронта долгие годы. Помимо всего

15. Там же.

прочего, она наотрез отказалась отдавать Ле Пену запасной стеклянный глаз, который всегда носила в сумочке (в драке на предвыборном митинге Ле Пен потерял глаз и носил искусственный). Жан-Мари был в ярости. «*Ты приползешь в Сен-Клу* (западный пригород Парижа, где располагалась вилла Монтрету) *на коленях*», — писал он Пьеретт. И не экономил на эмоциях, описывая, что он станет делать с ней в этом случае. Щадя эстетические чувства читателя, не станем останавливаться на карах, которые Ле Пен обещал бывшей жене¹⁶.

Много лет спустя Пьеретт, оставленная всеми своими любовниками и мужьями, без гроша в кармане, действительно вернулась в брошенную когда-то семью — и почти на коленях. Хорошо зная крутой нрав своего бывшего мужа (Жан-Мари уже давно был женат вторым браком на полу-француженке, полугречанке Жани), она попробовала наладить контакты со старшими дочерьми — Мари-Каролин и Янн. Те приняли «блудную мать», сняли ей квартиру и начали планомерную «осаду», целью которой было убедить отца принять раскаявшуюся Пьеретт. И только после того, как Жан-Мари, характер которого с годами смягчился, великодушно разрешил бывшей жене поселиться в садовом домике в Монтрету, младшая дочь Пьеретт, Марин тоже ее простила.

Но это случится только через много лет, а пока шестнадцатилетняя Марин осталась без матери.

16. Надо сказать, что после развода Пьеретт досаждала Жану-Мари еще и постоянными намеками на то, что в жилах его дочерей течет не вполне «чистая» французская кровь. В отличие от стопроцентного бретонца Ле Пена, Пьеретт Лаланн происходила из семьи виноделов с юга Франции (регион Медок), и ее генеалогическое древо было изрядно «подпорчено» средиземноморским влиянием: она с гордостью рассказывала, что среди ее предков были не только итальянцы, но и левантийские арабы, и даже евреи.

«У нее никогда не было матери, это невероятно»¹⁷, — сказал о ней Жан-Клод Мартинес, вице-президент Национального Фронта, исключенный из партии в 2008 г. Это, конечно, преувеличение — все-таки до 16 лет Пьеретт явно имела какое-то влияние на дочь, но можно согласиться с нынешним гражданским мужем Марин Луи Альо, который утверждает, что Марин была воспитана своим отцом. И свидетельство самой Пьеретт, утверждавшей, что «Марин всегда была абсолютным клоном своего отца», окончательно убеждает нас в том, что из Марин всегда была самой преданной «папиной дочкой»¹⁸.

Отношения в семье после ухода Пьеретт оставались очень близкими и доверительными, хотя Жан-Мари воспитывал дочерей в несколько гипертрофированном духе «зеленых беретов». В комнате Марин висел плакат «Война — это черное солнце, под которым люди мужают». В кругу друзей отца сестры распевали песни Иностранного Легиона. Когда они пытались пожаловаться на какие-то неудобства, Ле Пен повторял: «Вы должны уметь выжить голыми на снегу». Сестры обожали отца... и боялись его.

«Фигура отца жутко мешала нашей личной жизни, — вспоминала позже Янн. — Это было непросто для нас... и еще сложнее для наших парней». В автобиографии Марин вспоминала, что «статус дочери Ле Пена» давил тяжким грузом на молодых людей, с которыми она знакомилась. «Разделить мою жизнь — означало брать на себя ответственность за все, что меня окружало... начиная с детства: покушения, сплетни, предвыборные кампании...» И она, и ее

17. Portrait de Marine Le Pen en fille de sa mère // <http://www.lesinrocks.com/2011/06/05/actualite/portrait-de-marine-le-pen-en-fille-de-sa-mere-1114390/>.

18. Pascale Nivellet. Elle n'a rien d'une blonde // Libération, 15.01.2011 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/01/15/elle-n-a-rien-d-une-blonde_707387).

сестры привыкли к разделению мира на две части: в одной – семья Ле Пен, в другой – все остальные. *«Мы были ежами, – подтверждала Янн. – Более недоверчивыми и подозрительными, чем другие. Мы познали горечь предательства: и со стороны друзей, и со стороны близких».*

Приблизительно в это же время Ле Пен-старший в телешоу «Час истины» выскажет свое кредо: *«Я люблю своих дочерей сильнее, чем моих кузин, моих кузин – больше чем моих соседей, моих соседей больше, чем незнакомцев».* Его услышат пятнадцать миллионов человек, но на самом деле эта максима будет обращена только к троице – Мари-Каролин, Янн и Марин. Особенно к Марин.

Дальнейшая судьба сестер сложилась, естественно, по-разному, но мощное гравитационное поле Жан-Мари Ле Пена и – что не менее существенно – его детища, партии Национальный Фронт, скорректировало жизненный путь каждой из них.

Мари-Каролин, старшая из сестер, которую в семье называли «Каро», в 1998 г. рассорилась с отцом в результате внутрипартийного конфликта. Каро и ее муж, Филипп Оливье¹⁹, последовали за «предателем» Бруно Мегре, который пытался сместить Жан-Мари Ле Пена с поста президента Национального Фронта²⁰. Ле Пен заклеил дочь позором в эфире TF1 (гневно обрушившись на всех *«женщин, которые склонны следовать за своими мужьями или любовниками скорее, чем за своими отцами»*), а в частном разговоре заявил ей: *«Ты больше не моя дочь».* Мари-Каролин не стала унижаться и вымаливать прощения. Они вместе с мужем продолжали партийную карьеру, но уже в движе-

19. Это был второй брак Мари-Каролин; первым ее мужем был Жан-Пьер Гендрон, также активист Национального Фронта (а до этого член «Французского действия», «Нового порядка» и других крайне правых организаций).

20. Подробнее об этом – в третьей главе.

нии Мегре. В 2011 г. корреспондент France Soir задал 82-летнему Жан-Мари вопрос о его отношениях со старшей дочерью. Ответ был вполне в духе Ле Пена: метафоричным и выпендренным. *«Энцефалограмма показывает плато. Она (Мари-Каролин. — К.Б.) поддавалась двойному греху неверности и неблагодарности».*

Марин, которая в момент конфликта возглавляла юридический департамент Национального Фронта, вела активную борьбу против Мари-Каролин, однако впоследствии примирилась с «предательницей» — в СМИ писали, что важную роль в примирении сестер сыграла Пьеретт, отдавшая, таким образом, долг своим детям за то, что они помогли ей вернуться в клан. *«Сегодня наши дети регулярно видятся, — говорила Марин в 2011 г. — Что касается меня, я полностью ее простила. Ведь она — моя сестра».*²¹ Каро полностью ушла из политики и посвятила себя семейной жизни. А вот ее муж, Филипп Оливье, даже был некоторое время одним из наиболее доверенных советников Марин Ле Пен, когда она заняла пост президента Национального Фронта²².

Что касается Янн, то она попыталась «соскочить» с подножки семейно-партийного экспресса, едва став совершеннолетней. Самая чувствительная и ранимая из сестер, тяжело переживавшая «атмосферу смерти», сгушавшуюся вокруг Монтрету, она была нонконформисткой в изначально нонконформистском семействе. *«Я — лепеновская хипушка»*, — говорила Янн о себе. За месяц до получения диплома бакалавра она бросила лицей, не предупредив родителей, и уехала

21. Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11.
(<http://archive.francesoir.fr/actualite/politique/roman-des-soeurs-pen-92762.html>)

22. Правда, потом он снова отдалился от своей свояченицы и в январе 2015 г. вступил в партию «Вставай, Франция!» голлиста Николя Дюпон-Эньяна.

на Маврикий работать аниматором в отеле. Потом быстро — и тоже никого не предупредив, — вышла замуж за стюарда («*Это было заманчиво, поскольку он не имел никакого отношения к политике*»). Но этот брак оказался неудачным, и в 1993 г. Янн все-таки вернулась во «Вселенную Ле Пен» и вышла замуж во второй раз — за президента молодежной организации Национального Фронта Самуэля Марешаля. С ним она тоже впоследствии развелась, но перед этим родила троих детей — в том числе, Марион Марешаль Ле Пен, которая ныне считается восходящей звездой движения²³. Впоследствии Янн работала помощником депутата Европарламента, одного из наиболее влиятельных партийных деятелей, Бруно Гольниша. Несмотря на это (Гольниш был соперником Марин в борьбе за пост президента НФ в 2011 г.) Янн до сих пор очень близка с Марин, которая называет ее «моя сестра-близнец».

Что касается самой Марин, то она даже не предпринимала никаких попыток вырваться из силового поля Жана-Мари и его партии. Она — единственная из всей семьи — была предана отцу без каких-либо оговорок. «*Ради отца Марин была готова на все*», — писал редактор France Soir Тугдуаль Дени. И хотя в детстве Марин мечтала о том, чтобы стать фотографом или, в крайнем случае, сделать карьеру комиссара полиции, судьба ее была предрешена: она должна была стать наследницей своего отца. Не случайно писатель и политик **Ален Сораль** заявил как-то: «*У Жана-Мари Ле Пена есть сын. Его зовут Марин*».

23. В 2013 г. журнал L'Express опубликовал материалы, согласно которым биологическим отцом Марион Марешаль является известный журналист и дипломат Роже Ок (Roger Auque), который в 1987-1988 г. находился в заложниках у движения Хезболла в Ливане. Марион не оспаривала этот факт, но подала в суд на издание за вмешательство в частную жизнь.

«Завсегда и клубов»: Марин собирает команду

Несмотря на то, что жизнь в тени харизматичного и скандального политика, каким был Жан-Мари Ле Пен, значительно ограничивала свободу действий молодой девушки, Марин в полной мере отдала дань соблазнам юности. *«Она проводила больше времени в ночных клубах, чем на митингах»*, — свидетельствовал историк Национального Фронта. Тот же историк осторожно упоминает о том, что будущий президент НФ была весьма равнодушна к «эфебам», меняя смазливых бойфрендов, как перчатки²⁴. Однако к серьезным чувствам она явно была не готова.

В отличие от Янн она получила диплом бакалавра в лицее Флорен-Шмит в Сен-Клу и без особого труда поступила в университет Париж Пантеон-Асса (Panthéon-Assas) — лучший юридический университет Франции, преемник прославленного факультета права средневековой Сорбонны. Под сенью этого университета с 1968 г. функционировал студенческий союз «Группа совместной обороны» (GUD). Как и многие другие студенческие крайне правые организации, GUD возник при непосредственном участии бойцов «Запада», группировки, о которой будет подробно рассказано во второй главе.

GUD был крайне правым союзом, члены которого охотно использовали для убеждения оппонентов бейсбольные биты. За это его периодически запрещали, но GUD, меняя названия, регулярно возрождался, как феникс из пепла²⁵. Казалось бы, дочери

24. Le roman des sœurs Le Pen // France Soir, 18.04.11.

25. Летом 2014 г. один из бывших активистов GUD, Андре Шанкю, организовал в Париже ассоциацию «Франция – Донбасс» и «коллектив Франция – Россия», проводившие митинги в поддержку Новороссии. Несколько

Жан-Мари Ле Пена была прямая дорога в активисты Группы совместной обороны, но ее отношения с GUD складывались непросто. Она принимала участие в вечерних посиделках Группы в барах Латинского квартала, но не афишировала своих связей с GUD и отнюдь не разделяла ее идеологию. По воспоминаниям однокашников Ле Пен, она в то время вообще не имела ни определенных идеологических воззрений, ни какой-либо политической культуры.²⁶ И это несмотря на то, что в ряды партии своего отца она вступила в возрасте 18 лет (в 1986 г.) Тем не менее, именно на этих совместных «выходах» с активистами GUD Марин познакомилась с **Фредериком Шатийоном** – известным «заводителом» крайне правых акций, основателем ассоциации боевых искусств «**Молот Тора**». Впоследствии это знакомство еще сыграет важную роль – когда Марин возьмется за формирование своей команды.

Но в этот период своей жизни, хотя она и согласилась вступить в Национальный круг студентов Парижа (CNER) – студенческое движение, близкое к Национальному Фронту, – политика интересовала ее гораздо меньше, чем возможность сделать карьеру адвоката. Марин окончила университет в 1990 г., затем поступила в Центр профессиональной подготовки адвокатов, блестяще сдав экзамены²⁷.

Даже такие крайне предвзято относящиеся к Марин авторы, как Фуре и Веннер, признают, что мно-

членов GUD отправились на Донбасс воевать за независимость ДНР и ЛНР (http://www.liberation.fr/monde/2014/10/24/l-extreme-droite-tete-de-pont-du-soutien-a-moscou_1129071).

26. *Christiane Chombeau*. Le Pen, fille & père. Paris: Ed. du Panama, 2007. P. 171.

27. Во Франции кандидат на должность адвоката должен – после получения высшего юридического образования – сдать вступительные экзамены в одном из региональных центров профессиональной подготовки, проручиться там год, пройти стажировку и еще раз сдать экзамены.

гие ее коллеги по адвокатуре, в том числе и левых взглядов, находили ее «симпатичной» и «трудолюбивой». Что, впрочем, не мешало другим коллегам выражать свое негодование тем, что «дочь того самого Ле Пена» учится с ними под одной крышей. Порой Марин приходилось сталкиваться с настоящей обструкцией: в столовой, например, молодые адвокаты могли демонстративно пересесть за другой столик, только чтобы не обедать рядом с ней. Один из ее соучеников вспоминал: когда он в коридоре Центра обсуждал с Марин какую-то профессиональную проблему, экс-председатель студенческого союза подошел к ним и заявил: «*Я запрещаю тебе разговаривать с этой шлюхой!*»²⁸.

Травля, которой Марин подвергалась в школе, продолжалась и в адвокатском сообществе (сам университет Париж-Асса оказался счастливым исключением: в нем было много крайне правых студентов из GUD, да и некоторые преподаватели симпатизировали националистам). Казалось, профессиональная карьера для нее закрыта: не случайно ей настойчиво рекомендовали отказаться от участия в конкурсе на место секретаря судебного заседания: «Из-за вашей фамилии у вас нет шансов добиться успеха в этом состязании». Впоследствии мы увидим, что в демократическом французском обществе даже простое членство в такой партии, как Национальный Фронт, могло послужить причиной увольнения университетских преподавателей права (случай Луи Альо). Но в адвокатуре, к счастью для Марин, царили другие законы: здесь более всего ценились ораторские таланты и дар убеждения. И тем, и другим Марин Ле Пен, несомненно, не была обделена. Одним из состязаний, в котором она проявила свои выдающиеся способ-

28. *Christiane Chombeau. Le Pen, fille & père. P. 182.*

ности, был «процесс»... над Карлом IX — организатором Варфоломеевской ночи. На этом процессе Марин должна была защищать короля, обвиняемого в «преступлениях против человечности» и «нарушении ночной тишины». Это далось начинающему адвокату нелегко. *«Когда день настал, я почувствовала, что не могу произнести ни слова — так силен был мой страх»,* — вспоминала Марин в автобиографии²⁹. Но она преодолела свой страх и заняла второе место (из шести).

В январе 1992 г. Марин сдала очередные экзамены, защитила диплом DEA в области уголовного права и получила сертификат, позволяющий заниматься адвокатской деятельностью (CAPA). Став членом адвокатской коллегии Парижа, она некоторое время стажировалась в юридической конторе, где ей порой приходилось защищать права нелегальных иммигрантов и людей без документов, которые не могли нанять своего адвоката. Позже она вспоминала об этом не без гордости: будучи убежденной противницей засилья мигрантов во Франции, свои профессиональные обязанности Марин выполняла безупречно. Недаром ее отец в своих интервью повторял: у Марин много недостатков, но есть у нее одно достоинство, неизменное с детских лет — ответственность.

В 1993 г., в возрасте 25 лет, Марин в первый раз приняла участие в парламентских выборах, став кандидатом Национального Фронта в 16 округе Парижа, вотчине респектабельных правых, симпатизировавших Жаку Шираку. Победить ей, разумеется, не удалось, но и завоеванные 11,1% голосов стали вполне достойным результатом для новичка. А в сердце Марин навсегда поселился азартный холодок политической гонки.

29. *Marine Le Pen. À contre-flots*. Paris: Grancher 2006. P. 150.

Марин проработала адвокатом в Париже шесть лет. В 1998 г. она завершила адвокатскую карьеру, возглавив юридический департамент партии своего отца. С тех пор вся ее жизнь была без остатка посвящена Национальному Фронту.

В 1998 г. Марин и Янн, «сестры-близнецы», приняли самое деятельное участие в проекте мужа Янн, Самуэля Марешаля, который задумал создать новую молодежную структуру Национального Фронта.

Самуэль Марешаль, сын пастора-пятидесятника, вступивший в НФ на год раньше Марин (в 1985 г.), женился на средней дочери президента партии в 1993 г. У него сложились прекрасные отношения со свояченицей (*la belle-soeur*), которая, используя свой юридический опыт, помогла ему оформить новое движение, получившее название *Génération Le Pen* — «Поколение Ле Пен». На тот момент молодежная организация НФ — *Front National de la jeunesse* — находилась в полумертвом состоянии. Ее подкосил раскол, произошедший в Национальном Фронте в 1998 г. по вине Бруно Мегре³⁰. Среди активистов FNJ оказалось слишком много сторонников Мегре, многие из них ушли из движения вслед за своим кумиром, а лояльность оставшихся была сомнительна. Марешаль, возглавлявший FNJ с 1992 г., по-видимому, пришел к выводу, что в старом формате добиться оживления молодежного крыла невозможно. «Поколение Ле Пен» изначально задумывалось как более широкая и менее скованная партийной дисциплиной организация, к тому же свободная от «мегретистов». В ряды «Поколения» вступали молодые националисты, разделявшие идеологию «Третьего пути», — то есть находившиеся в оппозиции как к либерализму, так и к социализму, отвергавшие «тотальную американиза-

30. О нем будет подробно рассказано в третьей главе.

цию» как в сфере политики, так и в сфере культуры. Одной из задач, которую они ставили перед собой, была защита национальной идентичности перед лицом наползающей на Францию глобализационной угрозы. Среди них было немало и тех, кто считал Мегре предателем.

«Поколение Ле Пен» стало площадкой, на которой Марин встречалась и завязывала полезные контакты с людьми, которые впоследствии станут ее верной армией для штурма руководящих партийных высот.

Филипп Руже, казначей «Молодежного Нацфронта», сторонник «Третьего пути». Жан-Эмиль Номе, журналист, писавший в правых и крайне правых СМИ, таких, как *Minute*, *Présent* и *National Hebdo*, о том, какую опасность представляют для французской идентичности «исламизация и американизация». Гийом Вузийо, член центрального комитета НФ и друг Луи Альо, молодого и многообещающего партийного функционера из Тулузы (в будущем он станет гражданским мужем Марин). И несколько выходцев из GUD – Тома Лаган и Фредерик Шатийон, знакомство с которым Марин свела еще в бытность студенткой факультета права университета Париж-Асса. У парней из GUD, в свою очередь, были друзья, которых они «подтянули» к новому движению, например, рок-музыкант Джек Маршал (вместе с Шатийоном и Лаганом написавший очень интересную книгу *«Чумные Крысы: история студентов-националистов 1965-1995 гг.»*). Отношения и связи, формировавшиеся в этот период вокруг Марин Ле Пен, были замечательны еще и тем, что зачастую выходили за рамки привычного «гетто» крайне правых групп. Например, упомянутый выше Джек Маршал был глубоко интегрирован в среду «рока французской идентичности» (RIF) – течения, которое

было несравненно более широким, чем музыкальная субкультура националистов. А Фредерик Шатийон, несмотря на крайне правую ориентацию, поддерживал контакты с **Аленом Соралем** – известным французским писателем, социологом и кинорежиссером. До 1993 г. Сораль был членом Французской коммунистической партии, но впоследствии разочаровался в ФКП и перешел на консервативные позиции (в 2007 г. Сораль вступил в НФ, где сразу стал членом ЦК). Впоследствии Сораль и Шатийон основали политическую лево-консервативную ассоциацию **«Равенство и примирение»**, неоднократно выступавшую с поддержкой российской политики, в том числе, на Украине и на Балканах³¹.

Отношения Марин с Шатийоном были близкими и доверительными не в последнюю очередь потому, что Шатийон влюбился в подругу детства Марин, Мари д'Эрбе де Тун, впоследствии также работавшую в партийных структурах НФ (в частности, именно она вела видеоблог Ж.-М. Ле Пена «Бортовой журнал»)³². Вскоре Шатийон и де Тун поженились.

Вся эта разношерстная компания держалась вместе не только благодаря организаторским способностям Самуэля Марешаля, но и благодаря харизме Марин Ле Пен. Довольно скоро ядро «Поколения Ле Пен» стало заметной политической силой внутри «Вселенной Национального Фронта» – и далеко не всем ветеранам движения это понравилось. В штаб-квартире

31. Например: <http://www.egaliteetreconciliation.fr/Poutine-au-defile-militaire-a-Belgrade-Washington-irrite-28506.html#forum>; <http://www.egaliteetreconciliation.fr/L-Eurasie-centre-des-enjeux-entre-les-puissances-33383.html>.

32. После обострения конфликта между Жан-Мари Ле Пенем (почетным президентом партии) и нынешним руководством НФ в апреле 2015 г. Мари д'Эрбе де Тун заявила о своем выходе из партии, обвинив Луи Альо и Жильбера Коллара в заговоре с целью свержения патриарха. (<http://www.lesinrocks.com/2015/04/29/actualite/la-presentatrice-frontiste-marie-dherbais-quitte-le-fn-11745413/>).

НФ в Сен-Клу (довольно уродливом здании, неофициально звавшемся «Пакетбот») компанию Марин и ее друзей снисходительно именовали на английский лад «завсегдатаями ночных клубов» (night-clubbers). Один из старых соратников Ж.-М. Ле Пена, Жан-Клод Мартинес, отзывался о них так: *«Люди, сплотившиеся вокруг отца (Марин. — К.Б.), знали, что такое война, у них было свое видение мира... А эти не знали ничего, они были бессмысленными мальчишками и девочками, маленькими негодяями»*³³.

Нравы в компании «завсегдатаев ночных клубов» царили весьма свободные. *«Фронт» — это контробщество, где все спят со всеми»,* — язвительно замечал барон Лоран де Сент-Африк, автор знаменитой книги-разоблачения *«В тени Ле Пена» (Dans l'ombre de Le Pen, Paris: Hachette Littérature, 1998)*. Так это или нет, но браки среди партийных активистов действительно были делом не просто обычным, но само собой разумеющимся: удивление, скорее, вызывали единичные случаи, когда кто-то из обитателей «Вселенной Национального Фронта» выходил замуж или женился на человеке со стороны.

В 1997 г. Марин вышла замуж в первый раз — за предпринимателя Фрэнка Шоффруа, поддерживавшего НФ (в том числе, и финансово). Брак этот продержался недолго — до 1999 г., но в нем у Марин родилось трое детей (в мае 1998 г. Жанна, а в следующем году близнецы Луи и Матильда) — все они были крещены в традиционалистской католической церкви Святого Николая в Шардонне³⁴. Шоффруа был, мяг-

33. Интервью с Ж.-К. Мартинесом, цит. по: *Caroline Fourest, Fiametta Venner. Marine Le Pen demasquée. Paris: Grasset, 2012. P. 107.*

34. Церковь Сен-Николя-дю-Шардонне была захвачена в 1977 г. отрядом католиков-традиционалистов и превращена в центр богослужения движения лефевристов (не признающих решения Второго Ватиканского собора). В захвате церкви принимал участие нынешний казначей НФ Валлеран де Сен-Жюст, о котором будет подробно рассказано в четвертой главе.

ко говоря, сложным человеком, всегда державшим под рукой пистолет и легко выходявшим из себя. Инициатором развода была, по-видимому, Марин — по крайней мере, существует версия, что в семейную ссору, разгоревшуюся после того, как она объявила о своем намерении уйти от Шоффруа, вынуждена была вмешаться полиция, прибывшая, чтобы «успокоить разъяренного мужа»³⁵.

В 2002 г. Марин вновь вышла замуж, за Эрика Йорио, советника НФ в регионе Па-де-Кале. Этот брак продержался чуть дольше — до 2006 г. После развода Йорио ушел со всех постов в Национальном Фронте и исчез с политического горизонта.

За фасадом довольно бурной личной жизни Марин протекала и другая, не менее динамичная и наполненная событиями. Она пыталась продвигаться по карьерной лестнице в партии своего отца — но это получалось у нее с переменным успехом (во всяком случае, в начале). В 1997 г. ее не избрали в состав ЦК партии на съезде в Страсбурге. Но тот съезд вообще был неудачным для Ж.-М. Ле Пена: в партии набирали силу сторонники Бруно Мегре, который уже не особенно скрывал свое желание сместить старого вождя и самому стать во главе НФ. Именно «мегретисты» забаллотировали кандидатуру Марин: впрочем, возможно, в данном случае к стремлению ограничить всевластие семьи Ле Пен примешивалась еще и ревность. Как утверждают Фуре и Веннер, за кулисами съезда ее избранию активно противился Филипп Оливье — муж старшей сестры Марин, верный сторонник Мегре. По его мнению, лишь одна из дочерей Ле Пена была достойна занять место в ЦК партии — жена самого Оливье, Мари-Каролин³⁶.

35. *Christiane Chombeau*. Le Pen, fille & père. P. 194.

36. *Caroline Fourest, Fiametta Venner*. Marine Le Pen demasquée. P. 109.

Результаты голосования стали для Марин настоящим ударом. Партия, которую она привыкла воспринимать как одну большую семью, повернулась к ней другой, неприглядной стороной, представ настоящим «террариумом единомышленников» — конгломератом борющихся за власть и влияние групп и фракций, в котором против нее готовы были выступить даже близкие родственники. Впрочем, история эта повлияла не только на нее, но и на ее отца, Жан-Мари Ле Пена, который со все большим подозрением наблюдал за эволюцией своей старшей дочери. Нет никаких оснований считать (как это делают Фуре и Веннер), что Ле Пен-старший до событий 1998 г. прочил в свои преемницы Мари-Каролин. Но то, что раскол, произошедший в партии в 1998 г., заставил его пересмотреть свое отношение к младшей дочери, — не вызывает сомнений.

Впрочем, прежде чем повести речь о расколе 1998 г. и попытке Бруно Мегре захватить власть в партии, необходимо рассказать о том, что же представлял собой Национальный Фронт. А для этого придется заглянуть на тридцать лет назад, в то время, когда в Нейи-сюр-Сен родилась героиня нашей книги, а на улицах Парижа гремели выстрелы и пламенели огненные цветы «коктейлей Молотова».

Глава вторая «ВРЕМЯ ДУБИНОК И ЖЕЛЕЗНОЙ РУКИ»: РОЖДЕНИЕ НФ

Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что партия Национальный Фронт стала детищем «революции» 1968 г. Точнее можно выразиться так: не будь в истории Пятой Республики 1968 г., не было бы и Национального Фронта.

Майские уличные бои между левацкими студенческими организациями, такими, как «Движение 22 марта», «Революционная коммунистическая молодежь», «Союз марксистско-ленинской коммунистической молодежи» и ультраправым крылом студенчества выдвинули в первые ряды крайне правых экстремистские группы, принципиально не признававшие парламентских методов борьбы. Среди них выделялись группировки «Запад» (L'Occident) и «Служба гражданских действий» — чисто боевая организация, созданная для охраны митингов правых партий и превратившаяся со временем в полувоенное формирование. Активисты «Запада» увлеченно дрались с левыми, особенно во время акций в поддержку народа Вьетнама. СГД занималась более серьезными делами: торговала оружием, принимала заказы на устранение профсоюзных лидеров, участвовала в подавлении забастовок. В студенческой среде также существовали десятки мелких ультраправых объедине-

ний, но все они были разобщены и аморфны. Разногласия между ними были весьма велики, и ни о какой общей идеологической платформе, на которой бы их лидеры могли объединиться, чтобы начать настоящую политическую борьбу, речи, конечно, не шло.

Что, в самом деле, общего могло быть у гангстеров из СГД, неонацистов «Запада» и традиционалистов из группы «За молодую Европу» или проповедовавшими идеологию «третьего пути» консервативными революционерами из группы «Метро-Молодежь»? У «Французского дела» (*l'Œuvre française*), руководитель которого — Пьер Сидо — был ультраколониалистом, ратовавшим за возвращение Алжира и других отпавших от метрополии «заморских территорий» — и «Национальной реставрации», преемницы «Аксьон Франсез», наследницы идей **Шарля Морраса**? Объединяла их разве что неприязнь к левым, но и то с оговорками. Ведь были и такие поборники «Третьего пути», как аспирант Института Политических Наук Жан-Жиль Мальяракис, издававший еженедельник «Аксьон Насьоналист», на страницах которого печатались авторы, утверждавшие, что враг номер один — это Соединенные Штаты и правящая там еврейская плутократия, а единственная правильная модель общества — «ни трестов, ни Советов» (*ni Trust, ni Soviets*). Мальяракис по мере своих скромных сил боролся с масонами (в которых видел замаскированных троцкистов), но при этом не жаловал и консерваторов. В его идеологии причудливо сплетались идеалы Великой французской революции, национал-синдикализма и даже неосоциализма. При всем том Мальяракис считал себя ультраправым и впоследствии на недолгое время примкнул к Жан-Мари Ле Пену.

Весь этот разношерстный конгломерат имел куда больше точек отталкивания, нежели соприкосновения, и подходил под единое имя крайне правой лишь постольку, поскольку ни на одном другом фланге политического спектра места для его компонентов больше не было. Однако входившие в него группировки находились в постоянном движении и развитии, и именно из этой питательной среды под влиянием кризиса 1968 г. и появился в конечном итоге гомункулус Национального Фронта.

Поражение генерала де Голля на референдуме 1969 г. означало вступление Франции в полосу относительной внутренней дестабилизации, в кратковременный, но яркий период повышенной активности экстремистских движений, самый могущественный противник которых добровольно сложил с себя президентские полномочия.

«То было время дубинок и железной руки, — писал журналист *Le Monde* Ален Ролла, — время последних бойцов ОАС, продолжавших свою алжирскую войну на земле метрополии, где они охотились на выходцев из Северной Африки»³⁷.

28 апреля 1969 г. генерал де Голль объявил о своей отставке. С 28 мая по 27 сентября только в Париже и его пригородах было совершено пятнадцать нападений на маленькие кафе, принадлежавшие североафриканцам, или на общежития, где жили алжирские рабочие. Проблема иммигрантов из Алжира и других бывших колоний впервые стала одной из самых болезненных в политической жизни страны. В это же время подняли голову многочисленные неонацистские группировки: на стенах Латинского квартала появлялись надписи вроде *«Слишком много евреев!*

37. Rollat A. Les hommes de l'extrême droite: Le Pen, Marie, Ortiz et les autres. Paris, 1985. P. 48.

Гитлер был прав». На парижском *Marché aux Puces* большим спросом стали пользоваться старая униформа СС и эмблемы со свастикой.

В это же время в рядах крайне правых произошли важные структурные изменения. 31 октября 1968 г. специальным правительственным декретом была распущена группировка «Запад». Однако некоторые активисты и бывшие руководители «Запада», в частности, историк **Франсуа Дюпра**³⁸, ученик и сподвижник **Мориса Бардеша**, сотрудничавший в его журнале «Защита Запада», выступили с инициативой создания новой организации – идейного центра пестрого конгломерата ультраправых движений. Такой организацией стала созданная 15 декабря 1969 г. группа «Новый порядок» («*Ordre Nouveau*»), собравшая под своими знаменами около 5000 сторонников, главным образом, молодежь. Очень скоро «Новый порядок», у которого были отделения в Париже, Лионе, Ницце и Марселе, объединил вокруг себя наиболее активные круги ультраправого студенчества.

Но «Новый порядок» не был лишь усовершенствованным «Западом» – в него вошли и некоторые бывшие аппаратчики Комитета в поддержку **Тиксье-Виньянкура**, и последователи **Дорио**, и монархисты из «Аксьон Франсез», и бывшие ОАСовцы вроде редактора издания *Minute* Франсуа Бриньо. Одним из самых энергичных и амбициозных активистов, вступивших в ряды «Нового порядка» в эти дни, был бывший член Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, руководитель его избирательного штаба, Жан-Мари Ле Пен.

38. Формально в 1968 г. Дюпра уже не входил в руководящее звено «Запада», поскольку годом раньше был исключен из движения как вероятный полицейский осведомитель (*Frédéric Charpier. Génération Occident: de l'extrême droite à la droite. Paris, 2005*).

В 1969 г. Жан-Мари Ле Пену исполнился сорок один год. За плечами у него была богатая событиями биография, включавшая в себя два года службы в Иностранном легионе (он служил во Вьетнаме, но в боевых действиях принять участия не успел – гарнизон Дьенбьенфу капитулировал в тот момент, когда Ле Пен закончил четырехмесячный курс подготовки в школе офицерского резерва в Сен-Мексе). В Париж Жан-Мари Ле Пен, тем не менее, вернулся героем. *«Его индокитайская кампания, его звание лейтенанта, его зеленый берет завоевали ему уважение со стороны многих студентов Сорбонны»*, – пишет А. Ролла. Если до службы в Иностранном легионе «потолком» карьеры Жана-Мари был пост президента Корпорации студентов права (с которого он, впрочем, был смещен после скандала), то теперь он замахнулся на большую политику. Ле Пен облюбовал популярный у обитателей Латинского квартала бар «Пантеон», где регулярно выступал с речами, обличающими бывшего премьер-министра Франции Пьера Мендес-Франса за «капитулянтское» прекращение войны в Индокитае.

На почве неприязни к Мендес-Франсу Ле Пен сошелся с Пьером Пужадом – звездой французской ультраправой политики пятидесятых. Пужад, президент Союза в защиту торговцев и ремесленников, был стихийным буржуазным революционером: он сделал себе имя, защищая «маленького человека» от всевластия государства. Пужадизм разрастался, как снежный ком: программа Пужада, привлекая на его сторону тысячи мелких буржуа, ремесленников, лавочников, предпринимателей, очень скоро переросла свои первоначальные рамки борьбы с «налоговой инквизицией». Пужад требовал пересмотра конституции и сохранения колониальной империи, пере-

дачи национализированных предприятий частному капиталу, контроля над профсоюзами, «наведения порядка» в стране. Яркой чертой движения Пужада был откровенный антипарламентаризм: Национальное собрание Пужад, не стесняясь, называл «самым большим борделем в стране». Вместо «слабого» и «социалистического» парламента он хотел вернуть Генеральные Штаты образца 1789 г. Более того – созыв таких Штатов во всех областях, охватывающих все социо-профессиональные группы, где народ мог бы свободно выражать свои чаяния, должен был стать днем рождения новой «народной республики».

Жан-Мари Ле Пен был очарован идеями Пужада. Особенно ему нравилась критика Мендес-Франса (про которого Пужад говорил, что «у этого политика с Францией нет ничего общего, если не считать второго имени») и колониальные притязания президента Союза в защиту торговцев и ремесленников. Ле Пен вступил в движение Пужада и на парламентских выборах 1956 г. был избран депутатом Национального собрания от департамента Сена. Двадцативосьмилетний бывший «зеленый берет» стал самым молодым депутатом Национальной Ассамблеи, а вскоре и президентом фракции пужадистов. Но вскоре Ле Пен разочаровался в Пужаде: стало ясно, что несмотря на угрозы последнего «пустить в ход большую метлу», его движение не располагает достаточными средствами, чтобы вести серьезную парламентскую борьбу (еще бы, с таким отношением к Национальному собранию!) Когда же Пужад выступил против вмешательства Франции в Суэцкий конфликт, Ле Пен демонстративно вышел из его Союза, ставшего, по его словам, «партией обещаний», и уехал в Египет – сражаться.

И вновь судьба посмеялась над Ле Пенем: он по-

пал в Египет спустя день после того, как под давлением СССР и США было заключено соглашение о прекращении огня. Однако рядом, в Алжире, бурлил котел еще одной войны, и в 1957 г. Жан-Мари отправился туда. До мая 1957 г. он был офицером разведки 10-й парашютно-десантной дивизии и занимался оперативным выявлением и нейтрализацией законспирированной сети боевых организаций Фронта национального освобождения (ФНО).

(Позже левые журналисты попытаются обвинить Жан-Мари Ле Пена в том, что во время службы в разведке он применял к пленным бойцам ФНО «недопустимые меры воздействия», или, проще говоря, пытал их. Журналист газеты *Libération* провел в Алжире несколько месяцев, пытаясь раскопать улики, доказывающие причастность Ле Пена к убийству пленных³⁹. Однако доказать ничего не удалось: адвокаты Жан-Мари Ле Пена разгромили журналистов наголову, и газета была вынуждена выплатить лидеру НФ компенсацию за моральный ущерб.)

Вернувшись из Алжира, Ле Пен снова пробует себя в политике. Он организует Национальный Фронт ветеранов — объединение бывших «зеленых беретов», ратующих за сохранение Алжира в составе Франции. Это любопытный эпизод в биографии отца нашей главной героини — хотя бы потому, что «береты» организовали большое турне по всей Франции, собирая подписи в поддержку идеи французского Алжира и интеграции североафриканских мусульман... в единую национальную общность! Лозунгом этой кампании было «Все едины от Дюнкерка до Таманрассета (город-оазис на юге Алжира. — К.Б.)⁴⁰. Движение «За французский Алжир» было попыткой противопоста-

39. *Libération*, 12.02.1985.

40. *Mauge R. La vérité sur J.-M. Le Pen. Paris, 1988. P. 153.*

вить «плохим парням» из ФНО «хороших арабов», ратовавших за сохранение колониального статуса своей родины. Одним из таких «хороших арабов» был алжирец Ахмед Джеббур, студент Коммерческой школы, утверждавший, что в качестве колонии высококоразвитой Франции Алжир добьется больших успехов, чем развиваясь самостоятельно. На одном из митингов в поддержку Джеббура выступавшего с речью Ле Пена сбросил с трибуны один из его бывших «братьев по оружию» – зеленый берет из Иностранного легиона. В последовавшей стычке будущему лидеру Национального Фронта повредили глаз, после чего он несколько лет вынужден был носить черную повязку. Таким образом, Жан-Мари Ле Пен пострадал за поддержку иммигранта-алжирца – спустя двадцать лет это будет казаться жестокой иронией.

История с Джеббуром имела продолжение, важное для понимания идеологических особенностей Национального Фронта. Несколько месяцев спустя Джеббур был ранен в Латинском квартале Парижа террористом из ФНО. Здоровье он поправлял, скрываясь у матери Ле Пена, в Трините-сюр-Мер в Нормандии, а дочь его, Сорайя Джеббур, впоследствии стала видным активистом НФ и входила в Региональный совет партии по региону Иль-де-Франс. Апологеты Ле Пена часто приводили этот пример, защищаясь от обвинений в «биологическом расизме»⁴¹.

Последующие события (путч 13 мая 1958 г., «неделя баррикад» в январе 1960, «заговор генералов» в апреле 1961 г.) во многом сформировали политическую позицию Ле Пена. Он никогда не испытывал горячей симпатии к Салану (по-видимому, еще и потому, что алжирские генералы отнеслись к горевшему

41. Там же. Р. 157.

энтузиазмом «зеленому берету» совсем не так, как ему бы хотелось), но и второй группе заговорщиков, во главе которых стоял бывший генерал-губернатор Алжира **Жак Сустель**, тоже не симпатизировал: для него эта группа была слишком «проголлистской». Предоставление Алжиру независимости оттолкнуло от генерала де Голля многих его преданных сторонников. Что уж и говорить о Ле Пене, который никогда в любви к де Голлю замечен не был. К тому же вскоре он лишился своего депутатского мандата, проиграв на выборах кандидату от левых голлистов Р. Капитану.

Тем не менее, в политику Ле Пен решил вернуться на плечах адвоката алжирских путчистов Жана-Луи Тиксье-Виньянкура. Кандидат ультраправых Тиксье-Виньянкур надеялся нанести поражение де Голлю в ходе президентских выборов 1965 г. Уже разгромлена была ОАС, но еще жива была память о резне в Оране⁴², всего два года назад был казнен организатор покушения на де Голля подполковник Бастьен-Тири. Шансы его защитника, бывшего главного пропагандиста режима Виши — Тиксье-Виньянкура — на победу казались достаточно серьезными. Ле Пен, возглавивший избирательный штаб Тиксье-Виньянкура, пытался сплотить разнородные (и порой ненавидевшие друг друга) группы и движения в единую крупную партию. Это была первая его попытка создать серьезную парламентскую крайне правую партию, способную конкурировать с партиями политического мейнстрима; и надо признать, попытка неудачная. Несмотря на шумную предвыборную кампанию, которую Ле Пен выстроил по американскому образцу, Тиксье-

42. В июне 1962 г. в населенном преимущественно европейцами алжирском порту Оран боевики Армии народного освобождения – вооруженного крыла ФНО – напали на мирных жителей и вырезали несколько тысяч человек (согласно последним исследованиям, более 3500). В ряде случаев убийства сопровождалась жестокими пытками.

Виньянкур набрал лишь 5,27% голосов и во втором туре поддержал Франсуа Миттерана. Ле Пен немедленно вышел из Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура: хоть он и был убежденным антиголлистом, но все же не до такой степени, чтобы предпочесть генералу кандидата левых сил Миттерана⁴³.

Одновременно с поражением Тиксье-Виньянкура у Ле Пена возникли проблемы иного характера. Помимо политической деятельности, бывший «зеленый берет» занимался бизнесом: вместе со старым другом и компаньоном Пьером Дюраном он владел небольшой фирмой, называвшейся «Общество изучения общественных связей». Название, впрочем, только вводило в заблуждение, поскольку фирма выпускала пластинки с записями военных маршей и песен различных политических движений. Среди них были такие пластинки, как «Песни анархистов», «Ленин и Народные комиссары», «Песни немецкой революции: люди и факты III Рейха». В аннотации к последней было сказано, что *«приход к власти Гитлера характеризовался мощным демократическим и народным движением»*. Левые журналисты углядели в этом попытку реабилитации нацизма, Ле Пена привлекли к суду и приговорили к двухмесячному тюремному заключению и денежному штрафу за пропаганду фашистских идей. Пикантность этой истории заключается в том, что, по уверениям биографов Ле Пена, скандальный текст на обложке «Песен немецкой революции» принадлежал вовсе не Жану-Мари, а еще одному его компаньону, Сержу Женере, позже став-

43. Франсуа Миттеран в этот период не входил ни в одну из партий, но его кандидатура была поддержана всеми левыми силами страны (Французской секцией Рабочего интернационала – предшественницей нынешней Социалистической партии Франции, Компартией Франции, Радикал-социалистами и Объединенной Социалистической партией).

шему видным деятелем голлистского Объединения в поддержку Республики⁴⁴.

Крайне правые, попытавшиеся было объединиться вокруг Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, вновь распались на многочисленные соперничающие группы. Мечте Ле Пена о создании единой мощной ультраправой партии, казалось, не суждено было сбыться. От предложения сотрудничать с голлистами, которые по достоинству оценили его организаторские и ораторские способности, Жан-Мари отказался. Позже, в книге **«Французы прежде всего»** Ле Пен писал, что *«предпочитал оставаться самим собой, Ле Пенем, играющим только за себя, пусть и с минимальными шансами на успех»*. И, потерпев поражение, он стоически продолжал свой *«переход через пустыню»*⁴⁵.

Переход через пустыню закончился в 1972 году, когда Жан-Мари Ле Пену предложили принять участие в проекте, получившем название **«Национальный Фронт»**.

Вопреки распространенному мифу о том, что Национальный Фронт был создан Жан-Мари Ле Пенем (мифу, к популяризации которого приложила руку официальная партийная пропаганда), действительность была на порядок сложнее.

Фактически Национальный Фронт сформировался вокруг организационного ядра группировки **«Новый порядок»**, о котором говорилось в начале этой главы. Между 1969 и 1972 годами **«Новый порядок»** стал самой крупной ультраправой организацией Франции. Во многом этому способствовал приход в его ряды опытных аппаратчиков из **«Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура»**, один из которых — ад-

44. Mauge R. La vérité sur J.-M. Le Pen. P. 185.

45. Le Pen, J.-M. Les Français d'abord. Paris, 1984. P. 51.

вокат Жан Франсуа Гальвэр — стал первым руководителем организации. Через него был налажен контакт с образовавшимся на руинах Комитета движением Республиканский Альянс за свободу и прогресс (ARLP). Позже Гальвэр был смещен со своего поста гораздо более радикальной группой, во главе которой стоял **Ален Робер** — студент факультета права и лидер бойцов из Группы объединенных правых.

Частично переняв у «Запада» методику ведения борьбы, «Новый порядок» все же значительно реже использовал «тактику прямого действия». Об отказе от уличных акций речь, конечно, не шла: организация имела в своем распоряжении мобильные отряды боевиков, вооруженных дубинками и железными прутами. Но хотя на счету у «Нового порядка» были такие инциденты, как побоище у Версальских ворот, учиненное в марте 1971 г., опыт запрещенного правительством «Запада» кое-чему научил даже таких экстремистов, как Ален Робер. Поэтому активисты «Нового порядка» стремились организовывать шумные, но бескровные акции (одной из них стала манифестация протеста против визита во Францию Л.И. Брежнева 25 октября 1971 г.)

Но самым главным отличием «Нового порядка» было стремление привести свою идеологию хоть в какую-то систему. Правда, следует признать, что попытки эти не всегда были успешными. «Новый порядок» экспериментировал с отдельными элементами европейских фашистских и национал-социалистических систем. Руководители «Нового порядка» неоднократно подчеркивали, что ориентируются на итальянскую партию «Итальянское социальное движение» **Джиорджио Альмиранте**, организовавшую массовые демонстрации и акции протеста

ста⁴⁶. Поддерживали они тесные связи и с немецкой Национал-демократической партией ФРГ. Интересно, что, как и НДП, «Новый порядок» выступал за создание единой Европы, «от Атлантики до порогов Востока», Европы, свободной от иностранной гегемонии — как американской, так и советской.

В конце 1970 г. руководство «Нового порядка» выпустило брошюру «Революция 1970 г. — основные линии современного националистического решения», в котором излагались цели нового «идеалистического и экстремистского государства»⁴⁷. Среди прочего, это государство должно было «запретить опасные и антисемейные идейные течения» и организовывать для молодежи (начиная с десятилетнего возраста) специальные курсы военной подготовки. Отмечалось, что общество, которое стремится построить «Новый порядок», отличается от фашистского, поскольку в нем не будет смешения между государством, партией и человеком (что бы это ни значило. — *К.Б.*). В этом новом обществе «иерархии заслуг» будет отдаваться предпочтение перед корпоративной организацией, то есть общество будет, скорее, меритократическим, нежели тоталитарным. В заключение авторы брошюры заверяли читателя, что над их теоретическими поисками «продолжают витать идеи Хосе Антонио Примо де Риверы»⁴⁸.

Таким образом, идеология «Нового порядка» представляла собой своего рода «ирландское рагу», в котором радикальные лозунги социальной справедливости соседствовали с традиционными и консервативными требованиями восстановления семейных

46. В 90-е годы «Итальянское социальное движение» превратилось в «Национальный альянс», а ее лидер Джанфранко Фини стал одним из ключевых политиков не только в Италии, но и на европейском континенте.

47. *Le Monde*, 15.11.1970.

48. Там же.

ценностей и «иерархии заслуг», и все это надлежало осуществить в рамках «экстремистского государства». Эта эклектика во многом была обусловлена сосуществованием на платформе «Нового порядка» весьма разнородных элементов крайне правого фланга французской политики, которым подчас было очень не просто достичь компромисса.

Идеологическая слабость «Нового порядка» стала одной из причин поражения организации на первых же выборах, в которых она приняла участие, несмотря на ярко выраженный антипарламентаризм некоторых своих лидеров. Это были муниципальные выборы 1971 г. В 14 районах Парижа за «Новый порядок» проголосовало около 20.000 человек — капля в море для более чем двухмиллионного города. Учитывая тяжелые для ультраправых 60-е годы, это было, пожалуй, не совсем безнадежно — но лидеры «Нового порядка» рассчитывали на большее. Именно тогда им стало ясно, что без полноценной политической партии, созданной по примеру партий мейнстрима, шансов на успех у крайне правых нет. А это было досадно, потому что идеи крайне правых находили отклик в обществе; вот только без эффективной организационной машины конвертировать их в политический капитал не было никакой возможности. Решение о создании «революционной националистической партии» было принято на 2-м съезде «Нового порядка», проходившего в Париже 10-11 июня 1972 г.

Строго говоря, с этого дня и начал отсчитывать свою историю «Национальный Фронт». Недоверие к мейнстримным партиям среди крайне правых было слишком велико — в проекте отказались участвовать такие организации, как «Национальная реставрация», чей лидер Пьер Жюэль принципиально отвергал парламентские методы ведения политической

борьбы. Не приняли предложения «Нового порядка» и интеллектуалы, называвшие себя «новыми правыми» и основавшие три года спустя «Группу изысканий и исследования европейской цивилизации» (GRECE).

Зато в рядах бывших членов «Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура» призыв к созданию новой партии нашел самую горячую поддержку. На переговоры с «Новым порядком» пошли две организации, наследовавшие Комитету: уже упоминавшийся «Республиканский Альянс за свободу и прогресс», стоявший на антиголлистских позициях, и «Движение молодой революции», сколоченное капитаном **Сержаном** из остатков группы ОАС-Метро-Молодежь⁴⁹. К «Движению молодой революции» были близки католики-интегрисы, выступавшие против обновленческих идей Второго Ватиканского собора. Из рядов «Движения» вышли, в частности, Р. Мари, **Жан-Пьер Стирбуа** и Мишель Коллино, которые впоследствии стали видными деятелями НФ.

Переговоры между всеми этими группами и политическими лидерами ультраправых завершились созданием партии, получившей название Национальный Фронт. У этой партии было «три источника, три составные части», представлявшие различные идейные течения французской крайне правой. Во-первых, это были националистические группы экстремистского толка («Новый порядок», бывший наследником группы «Запад»). Во-вторых, консерваторы-антиголлисты, многие из которых испытывали сильный рессентимент из-за потери Алжира и других колоний (ARLP, выросший из облом-

49. Эта группа проповедовала «Третий путь» между капитализмом и социализмом, классовый мир, корпоративный синдикализм и отказ от традиционной политической партийной системы.

ков Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура, некоторые дочерние группы ОАС). В-третьих, это были молодые интеллектуалы, солидаристы-интегрисы («Движение молодой революции», «Группа молодёжного действия», католики-интегрисы). Новая партия, названная «Национальный Фронт за французское единство», (FNUF), была окончательно утверждена 5 октября 1972 г. на собрании, в котором участвовало около 70 представителей крайне правых групп и движений. Зарегистрирована же партия была три недели спустя, 27 октября, и тогда же ее главой (президентом) был утвержден Жан-Мари Ле Пен, представитель консервативного крыла.

Инициатива создания Национального Фронта, таким образом, принадлежала «Новому порядку», а Жан-Мари Ле Пену, в известном смысле, предложили прийти уже «на готовенькое», — на что он, впрочем, охотно откликнулся. Почти сразу же стало ясно, что взгляды Ле Пена на то, какой должна быть новая партия, во многом расходились с позицией лидеров «Нового порядка». В отличие от демагогов «Нового порядка», желавших видеть в членах Национального Фронта «бойцов Революционной Битвы», поднаторевший в политических баталиях Ле Пен ратовал за парламентаризм, призывая к расширению системной политической деятельности и ссылаясь на пример Итальянского социального движения и даже Муссолини⁵⁰.

*«Мы не говорим больше — “власть в дулах винтовок”, — заявлял он, явно намекая на «Красный цитатник» Мао, — мы говорим: “Власть находится в избирательных урнах”».*⁵¹

50. Не случайно символ НФ – трехцветное пламя – копировал (отличаясь лишь цветами) символ Итальянского социального движения.

51. Pour un Ordre nouveau, Paris, 1972. P. 8.

Созданная из рыхлого конгломерата националистических групп и экстремистских движений, партия на первых порах не имела своей четкой программы. Полученную «из избирательных урн» власть предполагалось использовать «не для личного стремления к могуществу, а для спасения Нации». Для этого было необходимо установить Новый порядок (в широком смысле этого слова), низложить «прогнивший режим» и разогнать «его слуг», преобразовать рухнувшее под тяжестью пороков общество «с фундамента до крыши» и построить новый мир, который описывался в крайне общих выражениях — мир красоты, мужества, справедливости и «свободной эксплуатации»⁵².

По контрасту с расплывчатыми, утопическими целями НФ принципы, на которых строилась новая партия, были сформулированы предельно конкретно: координация деятельности различных групп крайне правых, быстрое реагирование на появляющиеся «привлекательные инициативы ансамбля соединенных сил» вне зависимости от того, какая партия или движение их рождало, и, наконец, обеспечение по-настоящему массовой базы для националистического движения. Именно ориентация на широкое народное движение заставила Жан-Мари Ле Пена объявить беспощадную войну всякому сектантству, которым НФ был заражен, словно стафилококком, с самых первых дней своего существования.

Девизом Национального Фронта в это время был лозунг Ле Пена: *«Все, что национальное — наше!»* Ряды движения пополнялись *«классическими националистами, бывшими ветеранами Алжира, старыми добрыми католиками, обеспокоенными тем, что они видели своих юре заключающих браки»⁵³ и епископов,*

52. Там же. Р. 11.

53. Еще традиционные! Тем не менее, для католиков нарушение целибата представителями духовенства тоже серьезное потрясение основ.

голосующих за социалистов... студентами, в которых при виде разнузданности леваков, засилья наркотиков и марксистской пропаганды в лицах просыпались патристические чувства»⁵⁴.

Однако поначалу курс, взятый Жан-Мари Ле Пен на создание массового движения, встречал противодействие со стороны лидеров «Нового порядка», имевших сильные позиции в центральном политическом бюро Национального Фронта. Всего в политбюро НФ было шесть человек: президент партии Жан-Мари Ле Пен, вице-президент Франсуа Бринье, генеральный секретарь партии Ален Робер, казначей Пьер Буке, помощник казначея Роже Олендр и помощник генерального секретаря Пьер Дюран. Распределение постов отражало подковерную борьбу между «консерваторами» и «экстремистами». Президента партии держали под контролем представители «Нового порядка» Робер и Бринье, чью свободу действий, в свою очередь, ограничивали старый друг Ле Пена Пьер Дюран и соратник Роже Олендр (бывший начальник службы безопасности Комитета Тиксье-Виньянкура).

Лидеры «Нового порядка» пытались использовать Ле Пена в своих целях, манипулировать им, рассчитывая, что в случае необходимости легко избавятся от него, как избавились уже от бывшего руководителя НП Жана-Франсуа Гальвэра. Но тут, что называется, нашла коса на камень.

Ле Пен отдавал себе отчет, что, пока он остается в статусе «приглашенного руководителя», позиции его в партии весьма непрочны. Укрепить же свое положение он мог лишь одним способом — получить как можно больше голосов на выборах. И поскольку основной задачей Ле Пена было завоевание электро-

54. Mauge R. La vérité sur J.-M. Le Pen. P. 190.

рата, он всеми силами старался придать НФ облик, резко отличающийся от одиозных группировок «Запад» или «Новый порядок». Для этого нужно было отказаться от крайних методов насилия и террора, которые компрометировали крайне правые организации в глазах избирателя.

Путь к успеху

В 1972 г. в своей первой программе Национальный Фронт объявил себя «социальной, народной и национальной правой партией», призванной найти альтернативу как голлизму, так и коммунизму и проложить третий путь «между классовой борьбой и господством монополий». По словам французского политолога Ж.-И. Камо, эта программа была следствием компромисса между националистами-революционерами и консерваторами⁵⁵.

В дальнейшем влияние «националистов-революционеров», иными словами, экстремистов ультраправого толка, в партии неуклонно сокращалось, а влияние консерваторов, наоборот, росло. Но первые шаги НФ еще отмечены некоторой двойственностью: в первой его программе, например, лишь мельком упомянуты два сюжета, которые очень скоро станут ключевыми для идеологии партии: иммиграция и ситуация с рождаемостью. Иммиграция вообще упоминалась постольку, поскольку она наносила вред здоровью французской нации. Никаких указаний на связь между иммиграцией и безработицей — главная тема пропагандистской машины НФ в течение последующих десятилетий — в этом документе не най-

55. Le Front national à découvert. / Sous la direction de Nonna Mayer, Pascal Perrineau. Paris, 1989 (1 edition). P. 20.

ти. Французские политологи объясняют это влиянием идеологов «Нового порядка», которые никогда не придавали проблеме иммиграции слишком большого значения⁵⁶.

Лозунгами НФ в это время были — «Прогоним воров от кормила государства» и «Преградим дорогу Народному Фронту». Выступая на многочисленных митингах по всей Франции, Ле Пен неизменно подчеркивал, что НФ будет действовать только законным путем, что его цель — борьба с коммунизмом, ослабление голлистов и правящего большинства.

Однако стремление президента НФ к респектабельности и его приверженность исключительно парламентским методам борьбы не на шутку раздражали лидеров «Нового порядка» (в первую очередь Алена Робера), мечтавших о создании массовой неонацистской партии. Ле Пен, в свою очередь, был недоволен экстремистскими замашками генерального секретаря партии и ее вице-президента, отпугивавшими широкие массы избирателей от Национального Фронта. То, что эти опасения были небеспочвенны, подтвердилось на первых же выборах, в которых участвовал НФ: парламентских выборах в марте 1973 г. На них Национальный Фронт с трудом набрал 1,3% голосов в среднем по стране. Сам Ле Пен получил в 15-м округе Парижа 5,2% голосов, и это стало высшим достижением новой партии в ходе выборов 1973 г. Крайне правые напугали избирателей и остались маргинальным движением⁵⁷.

Поражение на выборах усилило наметившийся раскол в руководстве Национального Фронта. Робер и его сподвижники из «Нового порядка» требовали

56. Там же.

57. *Rollat A.* Les hommes de l'extrême droite: Le Pen, Marie, Ortiz et les autres. P. 57.

возвращения к «жесткой и чистой» изоляции и освобождения от рыхлого и бесполезного, по их мнению, балласта. В противоположность им Ле Пен обращался к «священному союзу» правых – националистам, последователям Шарля Морраса, католикаминтегрисам: «Воздвигнем вместе дворец Взаимопомощи!» На третьем съезде НФ (1973 г.) группа сторонников «Нового порядка» оказалась в меньшинстве; значительную роль в этом сыграло решение Ф. Дюпра и А. Рено поддержать политику сплоченности и объединения. Ле Пен мог торжествовать: побеждала его линия на преодоление сектантского подхода, осуществлялась мечта о сплочении всех крайне правых сил в единый железный кулак. Однако в реальности до «железного кулака» было еще далеко: НФ все еще оставался рыхлой структурой, пусть и стремящейся к превращению в организацию с жесткой дисциплиной. Он был, по сути дела, первой организацией в истории послевоенной Франции, объединившей вокруг себя все течения в националистическом движении страны, модулем, к которому могли присоединяться все группы, представляющие национальную оппозицию, и в этом заключалась одновременно и его сила, и его слабость.

Слабость была обусловлена наличием множества разнородных движений, мешавших выработке единого политического курса и по-разному проявлявших свою активность. Особенно ярко это выявилося в деятельности «Нового порядка», который, хотя и был истинным «отцом» Национального Фронта, довольно быстро превратился в оппозиционную фракцию внутри партии. После поражения на выборах 1973 г. сторонники А. Робера все чаще стали возвращаться к методам уличной борьбы, устраивая шумные стычки с голлистами и леваками. В июне 1973 г. после одной

из таких стычек «Новый порядок» был распущен специальным правительственным указом, повторив тем самым судьбу группы «Запад». Лидеры «Нового порядка» оказались перед выбором: переформатировать в очередной раз свою организацию или раствориться в рядах Национального Фронта. Ален Робер и его группа предприняли попытку захватить власть в партии, но Ле Пен, опираясь на Ф. Дюпра и А. Рено, объявивших себя сторонниками единства, легко отбил их атаку. Робер пытался найти союзника в лице того самого Ж.-Ф. Гальвэра, которого не так давно сместил с поста лидера движения; совместно с Паскалем Гошоном он основал газету «Противостояние», которую, правда, очень быстро пришлось переименовать в «Соппротивление» (Faire Front)⁵⁸. В конце концов, после обструкции, которую члены «Нового порядка» устроили Ле Пену на собрании генеральной ассамблеи НФ (где президент партии выступал с речью об опасности иммиграции!), произошел окончательный разрыв между двумя группами. Ле Пен, проявив недюжинные способности к аппаратным интригам, сместил Робера с поста генерального секретаря НФ, поставив на этот пост Доминика Кабоша, своего старого соратника еще по движению Пужада и «Комитету Тиксье-Виньянкура». С этого момента — осени 1973 г. — и начинается отсчет эпохи «Национального Фронта Жан-Мари Ле Пена», которая будет продолжаться до января 2011 г., когда престарелый президент НФ уйдет со своего поста, уступив его своей дочери Марин.

Столь подробный рассказ о первых этапах становления партии понадобился нам для того, чтобы понять, чем на самом деле был Национальный Фронт

58. Поскольку выяснилось, что газета «Противостояние» (Faire Face) уже существует — так назывался печатный орган Ассоциации инвалидов.

до эпохи Марин Ле Пен и чем он не был. Не был он, вопреки расхожим журналистским штампам (особенно любимым левой французской прессой), неофашистским движением, хотя в движении «Новый порядок», породившем НФ, действительно можно найти характерные черты неофашистской идеологии. Однако именно борьба с «родимыми пятнами» «Нового порядка» — выразившаяся, в частности, в отказе от экстремистских методов политической борьбы и приверженности парламентаризму, — позволила НФ стать той силой, которая спустя сорок лет будет претендовать на роль самой популярной партии Франции.

Путь НФ к успеху вовсе не был легким. Поначалу Ле Пена ожидали на нем серьезные разочарования. Он выставил свою кандидатуру на президентских выборах 1974 г., ожидая, что разрыв с Робером и размежевание с экстремистами «Нового порядка» принесет ему поддержку избирателей. Однако в первом туре выборов Ле Пен набрал лишь 0,74% голосов — во всей Франции за него проголосовало немногим более 190 тысяч человек. Это была катастрофа. Особенно на фоне того, что Ален Робер вместе со своей группой «Сопrotивление» основал Партию Новых Сил (PNF — Parti des Forces Nouvelles), в которую, помимо его старых соратников Франсуа Бриньо и Паскаля Гошона, перешли «диссиденты» из Национального Фронта, разочаровавшиеся в лидере-«неудачнике» (Ролан Гошо, Жан-Клод Жакар). И первое время казалось, что ПНС, воплотившая в себе все крайности, которых старался избегать Ле Пен, добивается определенных политических успехов, в то время как НФ, выглядевший по сравнению с ней бойскаутской организацией, терпел провал за провалом. Отчасти дело было в «борьбе поколений» — после разрыва

с Робером остались молодые и необузданные студенты, склонные к силовым методам решения политических споров (боевики в синих и красных мотоциклетных шлемах, вооруженные бейсбольными битами и бутылками с коктейлями Молотова – так выглядели активисты ПНС в 1974 г.), а Национальный Фронт представлялся вотчиной взрослых, серьезных и потому скучных аппаратчиков. Кроме того, общественные настроения во Франции в это время не способствовали успехам крайне правых. В начале 1970-х годов произошло сближение коммунистов, социалистов и левых радикалов, была принята совместная правительственная программа левых сил. Парламентские выборы 1973 г. также продемонстрировали значительный сдвиг французских избирателей влево: всего левые партии и движения получили 45% голосов (около 11 миллионов избирателей).

Все это создавало неблагоприятные условия для развития и усиления правых, а особенно крайне правых партий. Относительные (по сравнению с НФ) успехи ПНС в это время были вызваны, прежде всего, гибкой тактикой этой организации, позволявшей ей блокироваться с классическими правыми партиями оппозиции. Показательно, что во время президентской кампании 1974 г. Робер и его «Спротивление» поддержали кандидата умеренных правых Валери Жискар д'Эстена: помимо всего прочего, они предоставили ему (за хорошую плату) пятьдесят мотоциклистов «службы безопасности», которые сопровождали кортеж кандидата в президенты во время его поездок по стране и обеспечивали порядок на митингах.

НФ всегда отвергал тактику заключения союзов с классическими правыми; его свобода маневра была ограничена лишь крайне правыми движениями

и организациями, и когда во втором туре президентских выборов Жан-Мари Ле Пен отдал свои голоса д'Эстену, он сделал это с демонстративной неохотой, объясняя свой поступок тем, что должен был предотвратить победу кандидата левых Франсуа Миттерана⁵⁹.

Была, однако, еще одна причина, предопределившая длительный период неудач Национального Фронта — он очень сильно отличался от «Нового порядка» или «Партии новых сил» по своей природе. Вынесенные на гребне революционной волны 1968 г. организации типа «Нового порядка» хотя и тяготели к объединению всех ультраправых, но были, по сути дела, жесткими структурами сектантского толка. А Национальный Фронт с самого момента своего возникновения представлял собой принципиально новую ступень развития политических объединений крайне правых. Можно сказать, что приблизительно до 1978 г. НФ был своего рода эмбрионом крайне правой организации нового типа — федеративной по своему организационному признаку, способной включать в себя достаточно разнородные элементы, интегрировать их, а самое главное — опираться на по-настоящему массовую поддержку в разных слоях общества.

В 1978 г. произошло событие, серьезно повлиявшее на смену курса НФ. 18 марта в собственной машине был взорван теоретик и идеолог партии, близкий друг Жан-Мари Ле Пена, историк Франсуа Дюпра.

59. Расклад сил на выборах 1974 г. вообще не сулил Ле Пену ничего хорошего: против левого Миттерана и голлиста Шабан-Дельма выступали умеренный правоцентрист д'Эстен, с которым правые связывали надежды на демонтаж голлистской системы (оправдавшиеся), и еще более правый Жан Руайе, герой традиционалистов и католиков (прославившийся, в частности, своей борьбой против порнографии). Именно конкуренция с Руайе и сыграла злую шутку с Ле Пенем, который не смог в полной мере реализовать преимущество правой повестки.

Смерть Дюпра изменила политическую линию Национального Фронта. На место представителей фракции «националистов-революционеров», унаследовавших экстремистскую риторику Нового порядка (Ф. Дюпра, Пьер Буе, Ален Рено, Пьер Потти и др.), пришли гораздо более умеренные «солидаристы» во главе с Ж.-П. Стирбуа. Основными установками солидаристов, проповедовавших идеологию «третьего пути», были антикоммунизм и борьба с иммигрантами-арабами. В отличие от «националистов-революционеров» солидаристы рассматривали Израиль как союзника Франции в борьбе с мусульманской опасностью. К концу 1979 г. солидаристы захватили в партии все ключевые позиции.

Изменение баланса сил в партии спровоцировало серьезный внутренний кризис. Произраильская позиция Ж.-П. Стирбуа привела к разрыву Национального Фронта с многими группами крайне правых, в частности, с последователями Шарля Морраса. Рушился с таким трудом созданный конгломерат националистических сил, трещала по швам и ходила ходуном вся система НФ. Пьер Потти, бывший редактор первого официального печатного органа партии «Боец», опубликовал на страницах журнала «Наша Европа», издаваемого Федерацией национального и европейского действия (ФАНЕ), статью под названием «Фронт умер».

«Испытывая отвращение к талмудическим проискам команды солидаристов, я покинул Фронт, — писал Потти. — Жан-Мари Ле Пен, отдаешь ли ты себе отчет в том, что стал игрушкой в руках сионистов?»⁶⁰

Раскол между старой и новой командами предопределил фиаско Ле Пена на президентских выборах 1981 г. Незадолго перед выборами сложил с себя пол-

60. Там же. Р. 79.

номочия генерального секретаря партии последний из фракции «националистов-революционеров» Ален Рено. Многие из верных сторонников Ле Пена усомнились в его верности идеалам и принципам крайне правых. В результате Жан-Мари не сумел даже собрать необходимого количества подписей поручителей для выдвижения своей кандидатуры на выборах!⁶¹

«Мы не были поняты, — с горечью констатировал Ле Пен. — Но мы еще придем, чтобы дать бой социализму!»

Унизительное фиаско не сломило его, как не сломили и прошлые поражения, и будущие удары судьбы — вплоть до последнего удара «ножом в спину», случившегося весной 2015 года. Национальный Фронт провел перегруппировку сил; сотрудничество Ле Пена и солидаристов привело к выработке политической программы, наиболее цельной и логичной за все предыдущие годы существования партии. Ле Пен встал в оппозицию как к левому правительству, так и к правым парламентским партиям. Политику НФ определяла сплотившаяся вокруг него группа, «мозг партии», куда, помимо опытного аппаратчика Ж.-П. Стирбуа, входили убежденный антикоммунист Мишель Коллино по прозвищу Барбаросса, советник по экономическим и социальным вопросам Жан-Мари Ле Шевалье, масон высокого ранга Жан-Пьер Шенарди, чрезвычайно преданный Ле Пену («за Ле Пеном я последую даже в ад», — говорил он), и Ролан Гоше — единственный человек в руководстве

61. Закон 1976 г. изменил порядок выдвижения кандидатов в президенты; теперь каждый кандидат должен был собрать подписи не менее 500 т. н. «поручителей» (parrainage), которыми могли быть мэры городов, депутаты Национальной ассамблеи, региональные советники, депутаты Европарламента, представляющие не менее 30 департаментов и заморских территорий. В результате на выборах 1981 г. в избирательный список попали лишь 10 человек; еще 74, включая лидера Национального Фронта, остались «за бортом».

партии, представлявший жесткую линию бывшей группы Дюпра. Этот «коллективный разум» разработал новую программу НФ, с которой Ле Пен вернулся в большую политику весной 1983 г. *«Нам нельзя называться крайне правыми, — заявил он. — Нас куда точнее характеризует термин «национальные правые»⁶².*

Дистанцировавшись от пугавших избирателя правых экстремистов, с их приверженностью насильственным методам ведения политической борьбы, с их антисемитизмом, их симпатиями к нацистской символике и ритуалам, Национальный Фронт начал стремительно обретать популярность. Конечно, достижения 1983-1984 гг. не сравнить с успехами первой половины 2000-х, и все же для ютившегося в гетто маргинального движения, каким был несколькими годами ранее Национальный Фронт, это было колоссальный рывок вперед.

На муниципальных выборах в марте 1983 г. в 20-м округе Парижа Ле Пен получил 11,3% голосов. А в июне того же года в Париже прошла демонстрация полицейских из Профессиональной независимой федерации полиции. Появившийся перед Дворцом Правосудия Ле Пен был встречен аплодисментами и криками «Ле Пен — президент!»

В сентябре 1983 г. на повторных муниципальных выборах в г. Дре Национальный Фронт получил 16,7% голосов. Кампанию здесь проводил Ж.-П. Стирбуа.

А в июле 1984 г. на выборах в Европарламент партия Жан-Мари Ле Пена получила 11% голосов и 10 депутатских мандатов.

Начиналась эпоха «эффекта Ле Пена» — эпоха, в которой Национальному Фронту суждено было играть роль «злодея» на политической сцене, чудовища, безобразного и внушающего ужас, но при этом

62. Le Monde, 02.11.1982.

являющегося неотъемлемой частью политического бестиария Франции.

«И тут появился Ле Пен. Надо было видеть его в 1984 году во время первого выступления по телевидению в передаче “Час истины”, благодаря которой он прописался в гостиных у французов. Он вступает в схватку с журналистами, которые берут у него интервью. Он занимает всю сцену и царит на ней, как тореадор на арене. Долго добивался он, чтобы ему позволили выйти на площадку телестудии. Пришлось даже написать жалобное письмо Миттерану о том, что государственное телевидение игнорирует его. Хитроватый президент шевельнул пальцем, и... Это было самым большим везением Ле Пена. Бывший устроитель скандалов в Латинском квартале, бывший член Национального собрания, где он возглавлял микроскопическую группку, Ле Пен, только что разменявший шестой десяток лет, попал-таки на голубой экран. Тот день 1984 года был днем его триумфа.

Что же увидели телезрители? Они увидели живого типа с острым языком, самоуверенного и антипатичного. Но — он говорил о том, о чем говорить было не принято. Вот он стоя объявляет минуту молчания в память о жертвах коммунизма. Думаете, он первым придумал это? Вспомните, как в свое время Понятовский, друг Жискара, предрекал советские танки на площади Согласия в случае победы левых на выборах! Старый мир с его фантазмами не исчез, и Ле Пен реанимировал его. Он говорил громким голосом о том, о чем другие говорили чуть ли не шепотом. Это стало его лозунгом. Он нравится. Благодаря своей воинственности он стал феноменом телевизионной ярмарки тщеславия. О нем говорят, как о чем-то исключительном. Но это было грубой ошибкой: пойдя

по такому простому пути, невозможно понять политическую подоплеку персонажа и того, что он несет с собой»⁶³.

Какое-то время над Ле Пенем можно было подтрунивать, даже смеяться (и либеральные журналисты никогда не отказывали себе в этом удовольствии), но когда на президентских выборах 1988 г. за него проголосовало почти 4,5 миллиона французов (14,36% голосов избирателей), стало ясно, что Национальный Фронт — это всерьез и надолго.

А за два года до этого — в 1986 г. — партийный билет Национального Фронта получила юная студентка университета Пантеон-Асса Марин Ле Пен.

63. *Nouvel Observateur*, 17.06.2007.

Глава третья ИЗГНАНИЕ СТАРЫХ ДЕМОНОВ

Если в середине 80-х Ле Пен был еще «феноменом», то в 90-х он превратился в постоянного игрока на поле французской политики, чья роль становилась год от года все более важной. Предвыборные кампании НФ делали упор на коррупции, которая разъедала «большие партии» – социалистов и Объединение в поддержку Республики. *«Все прогнили, кроме НФ»*, – утверждали идеологи партии. Пропагандистская машина Фронта убеждала избирателей, что между левыми и правыми нет большой разницы (собственно, именно здесь следует искать корни излюбленной «шутки» Марин Ле Пен про «партию UMPS» – то есть Союза за народное движение (UMP) и социалистов (S), сливающихся в одного послушного воле Брюсселя монстра).

«Ни правых, ни левых – только французы!» – возвещал слоган партии на выборах 1995 г. На этих выборах Жан-Мари получил честные 15% голосов: тогда многим казалось, что это электоральный потолок кандидата от крайне правых. В том же году на муниципальных выборах несколько кандидатов Национального Фронта победили соперников из «больших партий» и стали мэрами ряда больших городов на юге страны – Мариньяна, Оранжа и Тулона. Партия стремилась интегрироваться в низовые структуры французской

государственной машины — в советы муниципалитетов, кантонов и департаментов, понимая, что доверие избирателей в регионах — фундамент, без которого невозможно дальнейшее «завоевание» Франции. Броские лозунги НФ привлекали на сторону Ле Пена многих французов, традиционно сочувствовавших крайне правым, — но этого ему было мало. Нужно было во что бы то ни стало выйти из гетто, прорвать блокаду больших партий — а это можно было сделать, лишь выбрав правильную стратегию, которая обеспечила бы Национальному Фронту поддержку тех избирателей, которые раньше голосовали за правых, центристов и даже левых. Борьба за электорат — в сущности, та же борьба за ресурсы; тем, кто приходит к дележу пирога во вторую и третью очередь, не стоит надеяться, что где-то в сторонке лежит, никем не замеченный, лакомый кусочек. Ресурс нужно отнимать у соперников, а для НФ соперниками были все без исключения партии Пятой республики.

Уверенный рост популярности НФ был связан в первую очередь с ростом протестных настроений в широких кругах французского общества. Главная идеологическая «приманка» НФ — борьба с иммиграцией — находила отклик в сердцах все большего количества французов. Поток иммигрантов из Северной Африки и Ближнего Востока в бывшую метрополию достиг уже таких масштабов, что игнорировать эту проблему стало невозможно. Однако «большие партии» как раз этим и занимались — делали вид, что с иммиграцией в стране все нормально. На этом фоне Национальный Фронт был единственной партией Франции, которая не просто придавала большое значение проблеме иммигрантов (особенно мусульман), но и рассматривала ее как ключевую для всей политической повестки.

Но идеи НФ были популярны не только потому, что в них присутствовала простая и понятная идея разделения общества на «своих» и «чужих». Активисты партии все чаще говорили о том, что французскому обществу необходимы перемены: рабочие места и социальная помощь должны в первую очередь предоставляться французам, а не чужакам. Однако речь не шла о разделении на «своих» и «чужих» по цвету кожи или форме черепа: к «французам» причислялись представители любых национальностей при условии, что они разделяют идеалы французской культуры и цивилизации, живут по обычаям новой Родины и ставят интересы ее жителей выше всех остальных (родовых, общинных, религиозных и т.д.). Это была не голая декларация: пример Ахмеда и Сорайи Джеббуров показывает, что представители арабского мира не только могли поддерживать идеи НФ, но и интегрироваться в его организационную структуру.

Однако подавляющее большинство иммигрантов (и особенно нелегальных) рассматривались идеологами НФ как главные виновники роста преступности и безработицы в стране, как балласт, не дающий Франции развиваться экономически и интеллектуально. Последнее обстоятельство подчеркивалось особо: из-за большого количества детей нефранцузского происхождения, плохо говорящих и почти не умеющих писать на языке новой Родины, учителя в школах вынуждены были по несколько раз объяснять одни и те же вещи; качество обучения — а стало быть, и квалификация выпускников школ — неуклонно снижались...

Таким образом, уже в конце 80-х — начале 90-х годов НФ совершенно сознательно противостоял идеологии «мультикультурализма», которая тогда лишь набирала силу. (В 2010 г. о провале «мульти-культи»

объявит бундесканцлер Германии Ангела Меркель — но это никак не изменит иммиграционную политику Брюсселя.)

Левые, разумеется, клеймили «фронтистов» фашистами и расистами: это было гораздо проще, чем вступать с идеологами НФ в серьезную дискуссию о «войне цивилизаций». Между тем, в партии появились серьезные идеологи, спорить с которыми для левых было не всегда комфортно. Самым ярким из них был Бруно Мегре — человек, с именем которого связан наиболее острый кризис в истории Национального Фронта.

Мятеж Мегре

Бруно Мегре, бывший функционер голлистской партии Объединение в поддержку республики (ОПР)⁶⁴ и лидер движения «Комитет республиканского действия», вступил в ряды Национального Фронта в 1985 г. Талантливый и харизматичный политик, представитель молодого поколения крайне правых (он родился в 1949 г.), Мегре поначалу пришелся по душе Жан-Мари Ле Пену. Возможно, еще и потому, что, как и сам президент НФ, Мегре получил профессиональную военную подготовку (после окончания Политехнической школы в Париже он закончил еще Институт высших исследований национальной обороны (IHEDN) и элитную кавалерийскую школу Кадр-Нуар в Сомюре). Ле Пен почти сразу назначил его руководителем своей избирательной кампании на президентских выборах 1988 г. Как уже говорилось, эти выборы стали своего рода рекордом для ли-

64. Правопреемником этой партии с 2002 г. является Союз за народное движение.

дера Национального Фронта: за него проголосовало в первом туре 4367269 человек, или 14,36% избирателей (на предыдущих выборах с участием Ле Пена, в 1974 г., ему удалось получить лишь 0,75% голосов). Роль опытного политического активиста Мегре в подобном исходе выборов была слишком очевидной, и в октябре 1988 г. он был назначен на пост генерального делегата НФ (*délégué général du Front national*). Это был ключевой аппаратный пост, хотя и менее почетный, но более важный в партийной иерархии, чем пост генерального секретаря. Фактически Мегре стал заместителем Ле Пена: он отвечал за подготовку мероприятий партии, связи с общественностью и т.д.

Амбициозному Мегре этого, однако, было мало. Он претендовал и на пост генерального секретаря партии, который в тот момент занимал представитель крыла «солидаристов» Жан-Пьер Стирбуа. Между Мегре и Стирбуа шла подковерная борьба за влияние на президента Национального Фронта. Завершилась она неожиданно: в ночь с 4 на 5 ноября 1988 г., возвращаясь с митинга НФ в Дре, Стирбуа не справился с управлением своим автомобилем и врезался в дерево. Мегре уже готовился занять освободившийся пост генсека, но Жан-Мари Ле Пен неожиданно предложил кандидатуру Карла Ланга, самого молодого из членов Политического бюро НФ.

Карлу Лангу на тот момент исполнился 31 год. Мануальный терапевт по образованию, в НФ он вступил в 1978 г. и долгое время руководил молодежной организацией НФ (предшественницей *Génération Le Pen*). В руководство партии Ланг вошел в 1984 г., а в 1987 основал «Движение молодежи Европы», объединявшее ряд молодежных ультраправых организаций европейских стран.

Ланг был избран на пост генерального секретаря НФ единогласно. Руководство НФ при этом выразило надежду, что его избрание должно привести «к прояснению положения в партии». Это был недвусмысленный намек на беспокойство, которое стал испытывать президент национального Фронта в связи со стремительным карьерным взлетом Мегре. Аппаратные вопросы были частично выведены из его компетенции и передоверены Лангу, самому же Мегре предписывалось сосредоточиться на выработке политической стратегии партии.

В 1989 г. Мегре был избран в Европарламент, а с осени 1990 г. возглавил отделение НФ в важнейшем для партии регионе Прованс-Альпы-Лазурный берег. К этому моменту он был уже признанным стратегом французского националистического движения. Еще в 1990 г. при деятельном участии Мегре был создан Институт национального образования (Institut de Formation Nationale, l'IFN), который был призван стать школой партийных кадров для ведения выборных кампаний всех уровней — от муниципальных до европейских. ИНО издавал собственный журнал *Identité* («Идентичность»), контент которого полностью контролировал Мегре. *Identité* заполнил давно пустующую нишу идеологического органа ультраправых (НФ в 70-х — 80-х годах был сосредоточен в основном на решении практических задач, идеология не была коньком Ле Пена). Именно Мегре по-настоящему взялся за проблему иммиграции, написав брошюру «*Пятьдесят шагов для решения проблемы иммиграции*», вызвавшую настоящий переполох как во французских СМИ, так и в рядах французского политического класса⁶⁵.

65. Во второй главе упоминалось, что проблема иммиграции поднималась Ж.-М. Ле Пенем и раньше (ее включение в партийную идеологию произошло под влиянием Жан-Пьера Шенарди), но рассматривалась почти исключительно в социально-экономическом, а не цивилизационном аспекте.

Позиция его была столь же проста, сколь и привлекательна. Слишком долго, говорил Мегре, Национальный Фронт подвергался шельмованию всех политических сил страны — как коммунистов и социалистов, так и умеренно правых партий, ОПР и СФД. Настало время ответить. *«Партия должна занять наступательную, а не оборонительную позицию по отношению к “космополитическому социализму”»,* — заявлял он.

На молодых членов НФ эти простые, но агрессивные идеи оказывали почти гипнотическое влияние. Почти все выпускники ИНО были его горячими сторонниками. Популярность Мегре росла, и чем он становился влиятельнее, тем меньше устраивал его статус «человека номер два» в Национальном Фронте.

«В первой половине 90-х годов в руководстве НФ сложилась непростая обстановка, — пишет российский франковед Н. Ю. Васильева. — С одной стороны, Мегре редактировал все важнейшие документы партии, готовил избирательную кампанию своего шефа на президентских выборах 1995 г., с другой — он все чаще публично критиковал Ле Пена за авторитарный стиль руководства и за нежелание идти на союз с представителями умеренных правых (ОПР и СФД) с целью создания прочного заслона на пути распространения “социал-коммунистической угрозы”. При этом каких-либо принципиальных идейных разногласий в позициях Мегре и Ле Пена не наблюдалось, из чего председатель НФ сделал весьма обоснованный вывод о том, что значительно более молодой новый генеральный делегат партии просто стремится занять его место на политической арене страны»⁶⁶.

66. Н.Ю. Васильева. Национальный Фронт: вчера, сегодня, завтра // Французский ежегодник. 2003. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Раскол между Мегре и Ле Пеном назревал исподволь, но в какой-то момент стал неизбежным. Ситуация усугублялась еще и тем, что президент Национального Фронта, опасаясь чрезмерного усиления Мегре, старался продвигать на ключевые посты преданного ему университетского преподавателя **Бруно Гольниша**. В 1994 г. Гольниш стал вице-президентом партии, а в 1996 получил из рук Ле Пена так прельщавший Мегре пост генерального секретаря НФ (Карл Ланг сложил с себя полномочия, сосредоточившись на обязанностях депутата, но вновь занял этот пост в 1999 г.). При всем том, Мегре был гораздо влиятельнее Гольниша: на съезде НФ 1997 г. в Страсбурге он — с большим отрывом от конкурентов — был переизбран генеральным делегатом партии, в то время, как Гольниш занял лишь третье место. Съезд в Страсбурге стал своего рода «демонстрацией силы» Мегре. Генеральный делегат, евродепутат, советник региона Прованс-Альпы-Лазурный берег, самый популярный член ЦК партии, «полководец» армии выпускников Института Национального Образования — он готов был бросить вызов стареющему президенту НФ. Прошло совсем немного времени — и он это сделал.

Несколько раз Мегре с триумфом избирался мэром города Витроль в департаменте Буш-дю-Рон. Когда в 1997 г. суд запретил ему участвовать в муниципальных выборах из-за нарушений финансирования избирательной кампании, Мегре объявил, что заменяет свою кандидатуру кандидатурой своей жены, — и этого оказалось достаточно, чтобы за Катрин Расковски-Мегре проголосовало 52% избирателей.

Гром грянул в декабре 1998 г., когда в подобную ситуацию попал уже сам Жан-Мари Ле Пен (против него был подан иск за оскорбление одного

из кандидатов-социалистов). Опасаясь, что из-за судебного разбирательства его не допустят к выборам в Европарламент, президент НФ объявил о намерении сделать лидером списка кандидатов от НФ свою жену Жани. Кому-кому, а Мегре, проделавшему тот же трюк, только в масштабах провинциального города, можно было понять мотивы своего шефа, но «второй человек в партии», уже примерявший на себя костюм президента НФ, закусил удила. Мегре выступил в прессе с резкими заявлениями в адрес Ле Пена, потребовав официального обсуждения вопроса о списке кандидатов в Европарламент на партийном съезде. Очевидно, он рассчитывал, что его авторитет среди молодых членов движения поможет ему скинуть «престарелого» (на самом деле, семидесятилетнего) Ле Пена с поста лидера партии. Увы, он жестоко просчитался.

Жан-Мари Ле Пен провозгласил лозунг TSM — Tout sauf Mégret («Всё, что угодно, только не Мегре!») В авангарде этой кампании выступили такие ветераны движения, как Роже Олендр, Бруно Гольниш и Жан-Клод Мартинес. Примкнула к ним и Марин, у которой с Мегре были старые счеты — как помнит читатель, в 1997 г. именно сторонники Мегре, подстрекаемые свояком Марин, Филиппом Оливье, «прокатили» ее на выборах в ЦК партии на съезде в Страсбурге. Тогда скандала удалось избежать: результаты голосования не были опубликованы сразу, официально было сообщено о сбое в программе обработки голосов. Но потом Жан-Мари Ле Пен заявил, что его дочь пала жертвой внутрипартийного заговора — и самолично внес ее имя в списки членов ЦК (устав партии позволял ему добавить 20 своих кандидатов вне зависимости от результатов выборов).

Как считает историк Валери Игуне, никакого заговора в действительности не было: «Марин просто не имела реальных оснований фигурировать в списке кандидатов. Ветераны движения не питали к ней никакой симпатии. В НФ она не выполняла никаких задач, и начало ее партийной карьеры было довольно скромным. На парламентских выборах в 1993 г. в XVII округе Парижа она получила 11% голосов... Назначение Марин (в ЦК партии. — К.Б.) усугубило напряженность между сторонниками Ле Пена и соратниками Мегре...»⁶⁷

Как бы то ни было, за год, прошедший со съезда в Страсбурге, многое изменилось. Марин Ле Пен уже не была просто «младшей дочкой вождя», она набрала аппаратный вес.

В январе 1998 г. Жан-Мари Ле Пен создал в рамках партии юридический департамент. Сделано это было по совету Марин, которая и возглавила новую структуру⁶⁸. Став во главе юридической службы партии, Марин ушла из парижской коллегии адвокатов; несколькими месяцами позже она была избрана в региональный совет Нор-Па-де-Кале от департамента Нор.

Было бы преувеличением сказать, что Марин взяла на себя роль тореадора в борьбе с Мегре, но возглавляемая ей юридическая служба воткнула в шкуру этого «быка» немало острых бандериллий. Главной задачей Марин в этот момент было выявление скрытых и потенциальных сторонников Мегре в эшелонах партии — и их нейтрализация. Одним из тех, кого она заподозрила в тайных симпатиях к мятежникам, был Бернар Курсель, шеф службы безопасности На-

67. *Valerie Igounet*. Marine Le Pen est-elle amnésique? // *Derriere Le Front. Histoires, analyses et decodages*. (<http://blog.francetvinfo.fr/derriere-le-front/2015/05/12/marine-le-pen-est-elle-amnesique.html>).

68. Там же.

ционального Фронта (DPS). Эта «частная армия» НФ насчитывала около 1700 бойцов, многие из которых были бывшими полицейскими, а некоторые — профессиональными наемниками⁶⁹. Кроме того, DPS выполняла функции партийной контрразведки. Служба безопасности всегда была силой, абсолютно преданной Жан-Мари Ле Пену, — однако личность ее руководителя внушала Марин некоторые сомнения. К этому моменту конфликт между сторонниками Ле Пена и Мегре достиг апогея: Жан-Мари был готов даже к вооруженному нападению «мегретистов» на штаб-квартиру НФ («Пакетбот»). Как рассказал Курсель журналистам, пятерых сотрудников DPS, которые «годами доказывали свою преданность», подвергли жесткому тестированию, с целью проверить их готовность защищать вождя. В частности, их спрашивали, готовы ли они стрелять из имеющегося у них оружия в сторонников Мегре в случае, если последние попытаются прорваться в здание штаб-квартиры. Когда охранники ответили отрицательно, их немедленно уволили «за политическую неблагонадежность». Приказ об их увольнении отдал Карл Ланг, назначенный новым генеральным делегатом НФ⁷⁰. А самого Курселя с поста начальника службы безопасности «ушла» Марин, посчитав его не вполне лояльным⁷¹. Таким образом, спустя всего несколько месяцев после образования юридического департамента НФ у Марин уже были полномочия увольнять человека, возглавлявшего службу безопасности

69. <http://www.gauchemip.org/spip.php?article17280>.

70. http://www.liberation.fr/politiques/1999/04/29/le-pen-serait-determine-a-faire-tirer-sur-les-megretistes_269891

71. Службу безопасности НФ вместо Курселя возглавил Жан-Пьер Шабру, преданный Ле Пену до мозга костей. Интересно, что в 2011 г. Шабру, уже оставивший пост главы DPS, был назначен ответственным за безопасность делегации ЕС в Бенгази (Ливия). (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/10/23/le-patron-de-la-securite-de-le-pen-reprend-du-service-en-libye-225869>).

партии на протяжении пяти лет. «*Марин круто пошла вверх*», — вспоминал позже Курсель⁷².

На внеочередном съезде партии Мегре и его сторонники были объявлены предателями и исключены из партии. Личным ударом для Ле Пена стало то, что следом за Мегре ряды НФ покинула его старшая дочь Мари-Каролин с мужем. Однако раскол хотя и ослабил, но все же оздоровил партию. С 1998 г. никто больше не пытался бросить вызов единоличной власти президента Национального Фронта. Что до Мегре, то он сразу же после исключения из партии основал свое движение, которое назвал первоначально «Национальный фронт национального движения», однако после судебного иска (в подготовке которого также принимала непосредственное участие глава юридического департамента НФ) сменил имя на Национальное республиканское движение (Le Mouvement national républicain). Очень скоро стало ясно, что без массового движения со спаянной железной дисциплиной все организаторские таланты Мегре стоят немногого: на выборах в Европарламент его НРД получило лишь 3,28% голосов (тогда как для прохождения в главный законодательный орган Европы требовалось преодолеть 5% барьер). Бывший босс и соперник Мегре, Жан-Мари Ле Пен, эту планку перешагнул, набрав почти 6% голосов — и получил 5 депутатских кресел в Европарламенте. С позиции дня сегодняшнего, когда НФ довольно легко получает 25% голосов избирателей и 24 кресла в Европарламенте, эти результаты кажутся скромными, но тогда для партии это был триумфальный рывок вперед. И если у Ле Пена впереди были новые победы и достижения, то звездный час Бруно Мегре остался в прошлом. На президентских выборах 2002 г. он по-

72. Caroline Fourest, *Fiametta Venner*. Op. cit. P. 111.

лучил немногим более 2% голосов, и во втором туре отдал свои голоса бывшему боссу и сопернику, которого так и не сумел свергнуть с трона президента Национального Фронта.

Рождение новой звезды

5 мая 2002 г. на избирательных участках Франции начали подсчитывать результаты второго тура президентских выборов. Первый тур, состоявшийся 21 апреля, закончился с сенсационным результатом: на втором месте, уступив фавориту гонки Жаку Шираку всего 3% голосов, оказался Жан-Мари Ле Пен с 16,86 % голосов. Это был настоящий шок, причем не только для левых, но и для самих крайне правых, не ожидавших такого успеха (учитывая, что еще 2,3% получил «раскольник» Бруно Мегре, кандидаты от НФ и ОНР вообще шли ноздря в ноздю). *«Я плакала от радости весь вечер, как девчонка»*, — вспоминала Марин Ле Пен⁷³. Однако радость оказалась преждевременной. Сработал психологический механизм: французские СМИ не зря двадцать лет выставляли Жан-Мари Ле Пена чудовищем, которым пугают детей. Все политические силы страны сплотились, чтобы не дать «фашисту» и «антисемиту» триумфально войти в Елисейский дворец. И во втором туре лидер Национального Фронта потерпел сокрушительное поражение: несмотря на то, что он улучшил свой результат по сравнению с первым туром (теперь за него проголосовали 17,79%), разрыв между ним и Шираком составил 64%.

Вечером этого дня на телеэкранах Франции появилась Марин Ле Пен — впервые. Судя по всему,

73. *Marine Le Pen. À contre-flots*. Paris: Grancher 2006. P. 178.

это была инициатива Алена Визье, директора НФ по связям с общественностью. Он должен был организовать выступление партийных активистов на различных телеканалах — и случилось так, что партиец, который должен был появиться в эфире канала France3, в последний момент отказался от выступления. В панике Визье обратился к Марин.

Марин в это время занимала довольно важный, но далеко не самый высокий пост в партийной иерархии: она возглавляла движение *Génération Le Pen* — молодежное крыло партии, которое в 1998 г. создал Самуэль Марешаль (муж Янн Ле Пен и отец Марион Марешаль Ле Пен). За пределами НФ ее мало кто знал — или, точнее, не знал почти никто. Однако после 5 мая все изменилось. Марин оказалась очень телегеничной и прекрасно держалась перед камерами; ее дружелюбная и ироничная позиция выгодно контрастировала с brutальной и зачастую хамоватой манерой общения ее отца.

«Франция превратилась в лагерь психологического перевоспитания, — не скрывая сарказма, комментировала Марин итоги выборов. — Французы испугались, потому что их напугали. Им сказали, что если Жан-Мари Ле Пена изберут, реки потекут вспять, солнце не взойдет и начнется новый ледниковый период».⁷⁴

Это выступление имело успех. Ее стали приглашать различные телеканалы; она никогда не отказывалась, а Ален Визье прикладывал значительные усилия, чтобы ее звали на телевидение как можно чаще. Да и сам Ле Пен-старший советовал дочери «ходить на все передачи». Буквально за несколько месяцев из неизвестного функционера молодежной организации НФ и «одной из дочерей Ле Пена» Марин стала

74. Цитируется по: *Caroline Fourest, Fiametta Venner. Op. cit. P. 125.*

медийной персоной, которую стали узнавать на улицах⁷⁵. «*Это СМИ сделали Марин той, кто она есть сейчас. Она — как скаковая лошадь. Любители и профессионалы скачек считают, что у нее есть все необходимые качества, и способствуют ее продвижению*», — заявил Жан-Мари Ле Пен в 2004 г., когда его дочь уже стала вторым человеком в партии⁷⁶.

Грубоватый, в духе Жан-Мари Ле Пена, комплимент показывает, что, по-видимому, именно с этого момента Жан-Мари стал всерьез задумываться о том, чтобы сделать из младшей дочери наследницу своего «королевства». После печальной истории с Янн Пья⁷⁷ Ле Пен, по-видимому, на какое-то время отказался от мысли сделать своим преемником человека из клана (Пья, хоть и не родня по крови, все же была его крестницей). Правда, Фуре и Веннер считают, что с 1997 г. за кулисами официальной политики Национального Фронта шла тайная «война зятьев» Жан-Мари Ле Пена. Якобы Филипп Оливье (второй муж Мари-Каролин) и Самуэль Марешаль (второй муж Янн) соперничали друг с другом в стремлении продвинуть каждый свою жену на место преемницы патриарха партии, которого к этому времени стали полу-уважительно, полу-иронически называть Le Menhir⁷⁸. Но эта версия, по большому счету, критики не выдерживает: «хипушка» Янн никогда не обладала лидерскими качествами, довольствуясь скромным постом помощника депутата Европарламента, а Мари-Каролин во всем следовала за своим мужем,

75. Nicolas Lebourg, Joseph Beauregard. Dans l'ombre des Le Pen: Une histoire des numéros 2 du FN. Paris: Nouveau Monde, 2012. P. 234-235.

76. Véronique Groussard, Maël Thierry. Marine Le Pen et les médias: la prise de pouvoir // L'Obs, 9 novembre 2014.

77. См. главу вторую.

78. Le Menhir — «менгир», древний обелиск в виде вертикально поставленного обработанного камня. Менгиров много на родине Ле Пена, в Бретани.

что, с точки зрения ее отца, было безусловным недостатком. Таким образом, даже если Самуэль и Филипп действительно лелеяли далеко идущие планы относительно политической карьеры своих жен, сам лидер Национального Фронта в конце 1990-х – начале 2000-х годов считал наиболее вероятным преемником Бруно Гольниша – своего близкого друга и соратника, возглавлявшего избирательную кампанию Ле Пена в 2002 г.⁷⁹.

Стремительно восходящая на политическом небосклоне звезда Марин заставила старого лидера Национального Фронта пересмотреть свою позицию.

Но, судя по всему, решение о том, что его наследницей будет именно Марин, патриарх Национального Фронта принял не сразу. И причина тут была именно в политике «де-демонизации», которую Марин активно стала проводить в жизнь, едва укрепившись на посту лидера молодежного крыла партии.

Де-демонизация

Говоря о де-демонизации (*dédiabolisation*) Национального Фронта, как правило, имеют в виду комплекс усилий по изменению образа партии в масс-медиа, инициированный Марин Ле Пен еще в начале 2000-х годов и достигший – в основном – своих целей после 2011 г. Однако попытки сделать партию более респектабельной, чем представляли ее журналисты, оттереть с одежд Национального Фронта засохшую кровь и грязь семидесятых годов, изгнать старых демонов, поселившихся в «Пакетботе» еще со времен битв между национал-революционерами Ро-

79. Именно его парламентским секретарем и была Янн Марешаль.

бера и Дюпра и солидаристами Стирбуа, – предпринимались, по крайней мере, с 1985 г.

Происходило это по одной простой причине: чем более респектабельной и менее «экстремистской» выглядела партия, тем больше у нее появлялось шансов составить конкуренцию левым и центристам на местных и парламентских выборах. Не случайно же еще в начале 80-х Ле Пен настойчиво протестовал против того, чтобы НФ называли «крайне правой» партией. Именно в рамках первой «де-демонизации» (тогда она еще так не называлась) в ряды НФ были приглашены политики и интеллектуалы, разительно отличавшиеся от классического образа мятежника-националиста с ОАСовским прошлым: Бруно Мегре (технократ с опытом работы в центристской партии), Бруно Гольниш (профессор-японист), Валлеран де Сен-Жюст – преуспевающий и глубоко интегрированный в парижскую элиту адвокат. Результаты этой первой «де-демонизации» привели к устойчивому росту популярности НФ в 1990-е годы – и были почти сведены на нет расколом Мегре.

Дело в том, что именно Бруно Мегре в какой-то момент стал лицом нового, более респектабельного Национального Фронта. Отчасти это произошло потому, что он долгое время был самым сильным партийным идеологом. Пока Жан-Мари Ле Пен надрылся на митингах, Мегре, спокойный, корректный, всегда точный в аргументации, появлялся в эфире телеканалов, вел интеллигентные дискуссии с противниками Национального Фронта и, как правило, выходил победителем. К тому же, Ле Пен-старший, хоть и понимал, что партию необходимо сделать как можно более приемлемой для широких масс избирателей, ничего не мог поделаться ни со своими симпатиями, ни со своим языком.

В 1987 г. высказывания Жан-Мари Ле Пена о «газовых камерах» («это всего лишь деталь Второй мировой войны») стоили ему не только штрафов, к которым его приговорил суд, но и поддержки Оливье д'Ормессона — авторитетного политика, возглавлявшего парламентскую делегацию НФ в Европарламенте. В 1989 г. после печально знаменитого «каламбура» Ле Пена «Дюрафур — крематорий»⁸⁰ из партии — за публичное осуждение действий вождя — были исключены такие перспективные активисты, как Франсуа Башло, Паскаль Арриги и даже «крестница» самого Менгира — Янн Пья. Кроме того, из партии вышли сотни рядовых членов.

Спустя несколько лет, когда конфликт двух фракций — лепенистов и мегретистов — уже вызревал внутри Национального Фронта, как гнойный абсцесс, Ле Пен всюду распинаялся перед слушателями летней школы НФ о своей глубокой убежденности в «неравенстве человеческих рас». А в декабре 1997 г. президент Национального Фронта гостил в Мюнхене у бывшего офицера Ваффен СС Франца Шёнхубера, возглавлявшего немецкую крайне правую партию «Республиканцы» (*Die Republikaner*, REP). Во время этого визита вождь НФ не нашел ничего лучшего, чем повторить свою излюбленную формулировку о газовых камерах как «деталях» Второй мировой войны. Левая (и не только левая) европейская пресса каждый раз вцеплялась в такие выходки Менгира, как гончие в оленя — и, разумеется, каждая такая выходка ложилась темным пятном на репутацию его партии. Надо отдать должное Бруно Мегре — он последовательно выступал с критикой сомнительных высказываний Жан-Мари, чем вызывал еще большее недовольство шефа.

80. Частичка «four» в фамилии Мишеля Дюрафура переводится как «печь» — в связи с чем Ле Пен и назвал его «крематорием».

Марин Ле Пен, запустив процесс «де-демонизации» на посту лидера «Поколения Ле Пен», фактически следовала путем Мегре. И это не могло не раздражать старых бойцов движения, только что «расправившихся» с опасным раскольником. Многих настораживала ее мягкость в некоторых принципиальных для партии вопросах — например, в отношении к абортам. На состоявшемся в апреле 2003 г. в Ницце XII съезде партии Марин вновь не избрали в состав центрального комитета партии. И опять в дело вмешался Жан-Мари, волевым решением назначив свою младшую дочь на должность вице-президента НФ.

Марин, конечно, не забыла и не простила ветеранам движения этой довольно откровенной фронды. Тем более что она живо напомнила ей события 1997 г., когда благодаря интригам Филиппа Оливье и сплоченной позиции «мегретистов» ее забаллотировали на выборах в ЦК. Но тогда она боролась против Мегре плечом к плечу со старой гвардией — Бруно Гольнишем, Роже Олендром, Жан-Клодом Мартинесом... Теперь же эти люди выступали против нее. Ветераны не питали к ней никакой симпатии. Информаторы сообщали, что Бруно Гольниш — старый друг ее отца — втайне организовал операцию, которая называлась так же, как и кампания 1999 г. против Мегре — TSM, только теперь она расшифровывалась «Tout Sauf Marine» — «Всё, что угодно, только не Марин». Именно Гольниш составлял списки для голосования в ЦК, и, конечно, это он позаботился, чтобы Марин не оказалось среди избранных.

Интрига, направленная на то, чтобы вывести Марин из большой игры, не удалась. Жан-Мари Ле Пен был в ярости: его дочь вновь стала «жертвой заговора аппаратчиков». Президент НФ во второй раз употребил данную ему уставом власть и не просто сделал

дочь членом ЦК, но и назначил ее вице-президентом партии, включив, таким образом, в структуру исполнительной власти.

Этим дело не кончилось. Разъяренный Менгир произвел настоящую «революцию сверху», кооптировав в Политбюро партии двадцать наиболее верных сторонников Марин. Те, кто не согласен с моим решением, добавил он, могут подавать в отставку.

Страсти в Ницце кипели нешуточные. Делегаты съезда крайне неодобрительно отнеслись к демаршу президента партии. *«Драма Марин, — писал в те дни язвительный «Rivarol», — заключалась в том, что те делегаты, которые действительно могли бы обеспечить ее триумф на выборах в ЦК, ушли вместе с Мегре, за что она, безусловно, несет свою долю ответственности»⁸¹.*

Отчасти это было правдой. Раскол 1999 г. сильно ударил по Национальному Фронту — наиболее активные молодые партийцы, выпускники ИНО, действительно ушли вслед за Мегре, в результате чего партия вновь превратилась в заповедник старых аппаратчиков. У Марин с ними было мало общего. Чтобы победить эту фронду стариков, ей нужно было нарастить собственные мускулы. Позже, в рамках «демонизации» НФ она будет избавляться от старых бойцов движения — правда, в основном, руками Луи Альо. Пока же перед ней стояла задача — опираясь на команду верных лично ей активистов, укрепить свои позиции внутри партии. Впрочем, скорее всего, уже тогда она задумывалась и над задачей-максимум: взять в свои руки руль управления Национальным Фронтом.

Такая команда у нее уже была — те самые «завсегдатаи ночных клубов», которые составляли ядро «По-

81. <http://blog.francetvinfo.fr/derriere-le-front/2015/05/12/marine-le-pen-est-elle-amnesique.html>

коления Ле Пен». Те самые, над которыми смеялись ветераны вроде Жан-Клода Мартинеса.

В 2003 г. генеральным секретарем этой ассоциации, которая по инициативе Марин была переименована в *Génération Le Pen* («Поколения Ле Пен»), стал ее доверенный союзник Луи Альо. Гийом Вузийо стал казначеем движения. Выходцы из GUD – Фредерик Шатийон, Жильдаз О’Шиналь, – создавшие еще в 1995 г. рекламное агентство RIWAL, обеспечивали связи движения с журналистским сообществом и широкой общественностью. С помощью «волонтеров» из GUD молодежное движение Национального Фронта активно внедряло в сознание французов новый имидж старой партии. Сверхзадачей была «дедemonизация», инструментами – PR-технологии, незнакомые старшему поколению НФ. В 2007 г. предвыборные афиши «Поколений» удивили не только избирателей, но и многих ветеранов движения: на них Национальный Фронт представляли не блондиняришцы, а юные метиски с вьющимися волосами. Лозунги представляли собой странное смешение идей старого НФ и «нового поколения» – национальность, ассимиляция, социальные лифты, секуляризм. Пропагандистская машина партии училась работать на новых оборотах: война была объявлена антисемитизму, ревизионизму (в том числе и отрицанию Холокоста) и даже чрезмерной религиозности.

Правда, в 2007 г. этот новый подход не принес Национальному Фронту никаких дивидендов – скорее, наоборот. На президентских выборах Жан-Мари Ле Пен занял всего лишь четвертое место в первом туре с 10,44% голосов. По сравнению с 2002 г. это была катастрофа.

Левая пресса ликовала.

«Восемь недель назад, между 22 апреля и 10 июня, Жан-Мари Ле Пен исчез из политического пейзажа. Он еще хорохорится и предрекает тысячу бед “иллюзионисту Саркози”, а его дочь Марин поддерживает последний слабый огонек в департаменте Па-де-Кале. Но Национальный Фронт уже обескровлен. Больше того, он никому не нужен и вызывает одни лишь протесты... — писал некий политический обозреватель на страницах Nouvel Observateur. — Подумать только: Ле Пен никому не нужен, Ле Пену пришел конец! Осталась позади четверть века политической жизни Франции. Настал конец его гневным филиппикам, его злобным шуточкам и мрачным пророчествам о том, что страну заводят в тупик. Конец лепенизму, который вселял в нас столько страхов. Мы уже не будем дружно петь, что фашизм не пройдет, не будем вздрагивать от ужаса, который внушал нам официальный монстр Республики. Исчез персонаж, которого французы так и не поняли до конца, но который породил у них массу фантазмов»⁸².

Ле Пен действительно потерпел поражение, воспринятое его окружением и союзниками как знак конца эпохи «Менгира». Стало ясно, что рекордов 2002 г. патриарху Национального Фронта уже не побить — его звездный час прошел. «Акела промахнулся» — а значит, «волчьей стае» нужно было выбрать другого вожака. Но левые радовались слишком рано. Тот «слабый огонек», который Марин «поддерживала» в Па-де-Кале, не потух, а превратился в настоящий лесной пожар — пожар, который станет всерьез угрожать всем партиям французского политического мейнстрима.

Место, где Марин Ле Пен бросила вызов партийной системе Пятой республики, называлось Энен-Бомон.

82. Nouvel Observateur, 17.06.2007.

Энен-Бомон: лаборатория победы

2007 год был вообще не слишком удачен для Национального Фронта. Сначала провал Жан-Мари Ле Пена в первом туре президентской гонки, затем крайне обидное поражение на парламентских выборах (они проходили в июне, всего через месяц после президентских). За НФ проголосовало более миллиона избирателей (4,29% голосов) — но партии не удалось провести ни одного своего депутата в Национальное собрание. Исключением не стала и Марин Ле Пен. Для штурма парламента она выбрала 14-й избирательный округ региона Нор Па-де-Кале. В совет региона Марин избрали еще в 1998 г., и она справедливо рассматривала этот бедный шахтерский край как свою главную электоральную базу.

В Па-де-Кале дочь лидера НФ знали и любили, но, несмотря на доброе отношение избирателей, Марин долгое время не удавалось попасть в Национальное собрание Франции от этого округа. В 2007 г. ей даже оказывали поддержку некоторые социалисты, недовольные политикой кандидата от Соцпартии Альбера Фасона: например, Даниель Янссен, социалист, долгие годы занимавший должность вице-мэра коммуны Лефоре, даже возглавил комитет в поддержку Марин, объясняя это желанием «дать пинок Муравьеду (прозвище Фасона). Несмотря на это, социалисты и правые во втором туре использовали отработанную комбинацию блокировки кандидата от националистов, выступив против Марин единым фронтом. В 2007 г. Марин единственная из всех кандидатов НФ дошла до второго тура голосования в парламент страны, но благодаря совместным действиям Социалистической

партии и Союза за народное движение вынуждена была уступить кандидату от социалистов Альберу Фасону (во втором туре она получила 41,65% голосов против 58,35% у Фасона). Все это, разумеется, сопровождалось обычной риторикой о недопустимости появления в высшем законодательном органе страны «фашистов» и «расистов». И тогда Марин решила «покорить» коммуну Энен-Бомон — главный бастион социалистов в Па-де-Кале.

Городок Энен-Бомон с населением в 26000 жителей, расположенный в старинном шахтерском регионе Нор Па-де-Кале, был когда-то крупным угольным центром, но затем потерял свое промышленное значение и сейчас считается довольно проблемной коммуной с высоким уровнем безработицы. Муниципалитет Энен-Бомона на протяжении почти трех десятилетий (с перерывами) возглавляли отец и сын Даршикуры — оба видные деятели Соцпартии. Для апробации нового курса Национального Фронта в том виде, в каком его разрабатывала команда «завсегдаев ночных клубов» (с упором на социальную проблематику), Энен-Бомон был идеальным полигоном. Эта коммуна, заявила Марин, символизирует собой все основные проблемы современной Франции: безработицу, господство криминалитета, закрытие производств⁸³.

В конце июня 2007 г., сразу после поражения на выборах, Марин сняла в Энен-Бомоне квартиру, а в 2008 г. выставила свою кандидатуру в муниципальный совет коммуны — и с легкостью добилась избрания (она была номером вторым в списке после Стива Бриуа).

Кампания не обошлась без инцидентов: 22 сентября 2007 г. на рыночной площади в Энен-Бомоне

83. «Marine Le Pen repart en conquête dans le Pas-de-Calais» // Reuters, 6 juin 2007.

к Марин и сопровождавшим ее активистам НФ подошли двое мужчин, затеявших ссору. Внезапно один из них вытащил пистолет. Дальше версии событий расходятся: сама Марин свидетельствовала перед судом, что услышала, как один из сопровождавших ее закричал: «У него оружие!», после чего ее телохранители загородили ее от нападавших. Другие участники инцидента, например, Валлеран де Сен-Жюст, впоследствии казначей НФ, говорили о том, что был произведен выстрел в воздух: стрелял, судя, по всему, один из нападавших. Пресса предполагала, что речь идет не столько о политической конкуренции (действительно, подобные методы конкурентной борьбы не характерны для мейнстримных французских партий), сколько о попытке местного криминалитета «защитить свою территорию» от новой политической силы, которую преступный мир Энен-Бомона рассматривал в качестве реальной угрозы⁸⁴. Угрожавший пистолетом получил десять месяцев тюрьмы.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод ярко высвечивает еще одну причину консолидированного противостояния, с которым сталкивался (и сталкивается) Национальный Фронт на выборах в регионах. Сложившаяся во многих – особенно проблемных – регионах Франции система сосуществования и даже сотрудничества местных политиков (на уровне мэров и муниципалитетов) и криминалитета устраивала и тех, и других. Энен-Бомон был вотчиной социалистов более трех десятилетий. За это время политики из Соцпартии не сумели вытащить экономически и морально депрессивный регион на приемлемый для жизни его коренных обитателей уровень, зато не-

84. Agression de Marine Le Pen: six mois de prison ferme requis // La Voix du Nord, 12.05.2009.

(http://www.lavoixdunord.fr/Region/actualite/Secteur_Region/2009/05/12/article_agression-de-marine-le-pen-six-mois-de-p.shtml)

мало поспособствовали «интеграции» мигрантов (прежде всего, мусульман) во все сферы жизни коммуны. Совсем не случайно человек, угрожавший Марин пистолетом (а, возможно, и стрелявший из него) был назван в сообщениях местной прессы «un petit caïd» — это жаргонное слово, обозначающее «главарь банды», но имеющее четкую связь с североафриканским преступным миром.

На муниципальных выборах в марте 2008 г. блок НФ получил 28,83% голосов. Это не позволило Фронту «завоевать» мэрию Энен-Бомона, но дало возможность провести туда пятерых своих советников, среди которых была и Марин Ле Пен. Однако это было только началом длительной борьбы НФ с социалистами в Па-де-Кале. В 2009 г. за кандидатов от НФ во втором туре региональных выборов проголосовало 22,2% избирателей, что позволило Марин возглавить довольно влиятельную группу депутатов Нацфронта в региональном совете Па-де-Кале.

В конце концов, под напором Марин Ле Пен и ее соратников по Нацфронту мэр Энен-Бомона, социалист Жерар Далонжвиль, был смещен со своего поста по обвинению в «коррупции, разворовывании общественных фондов, фаворитизме» и прочих административных преступлениях. После его отставки были назначены дополнительные муниципальные выборы (июнь-июль 2009). Казалось, что у Национального Фронта теперь есть все шансы взять мэрию Энен-Бомона под свой контроль — и в первом туре блок НФ действительно получил почти 40% голосов. Но во втором туре против НФ вновь сформировали «Республиканский фронт», в который объединились все политические силы — от крайне левых до Союза за народное движение. Во время второго тура блок НФ проиграл блоку левых, получившему 52,38% голосов.

Но результат Национального Фронта — 47,62% — можно было считать историческим рекордом партии. Не случайно Марин сказала, что у этого поражения есть привкус победы — на самом деле, ей не хватило всего 265 голосов, чтобы «завоевать» мэрию Энен-Бомона.

Что же сделала Марин Ле Пен и ее верные «лейтенанты» для того, чтобы завоевать уважение и поддержку избирателей этого маленького городка?

В автобиографии «*Против течения*» Марин описывала то тягостное чувство, с которым она знакомилась с проблемами депрессивного региона: алкоголизм, безработица, пауперизация... Многие дети Энен-Бомона не посещали школу; многие (особенно безработные) женщины и мужчины страдали от многочисленных болезней, вызванных, в том числе, приверженностью к дешевому алкоголю и фаст-фуду⁸⁵. Преувеличением было бы сказать, что Марин никогда не сталкивалась с проблемами малоимущих слоев населения: как помнит читатель, в бытность свою парижским адвокатом, она занималась, в том числе, и делами иммигрантов, обитателей проблемных парижских предместий. Однако одно дело — приезжие из стран Третьего мира, и совсем другое — свои соотечественники, французы, живущие в условиях, плохо соотносящихся со статусом одной из наиболее развитых стран Западного мира.

В Энен-Бомоне Марин Ле Пен сделала чрезвычайно важный для своей политической эволюции шаг влево — в сторону социалистической или даже коммунистической трактовки положения рабочего класса в потерявших свое бывшее значение промышленных регионах страны. Причем, как скоро убедились жители Энен-Бомона, в некотором отношении

85. *Marine Le Pen. À Contre Flots*. P. 195.

она пошла даже дальше коммунистов. Стоит отметить, что она – единственная из крупных французских политиков, не колеблясь, использовала термин «крупный капитал», разоблачая причины обнищания рабочих Па-де-Кале⁸⁶.

Сильвен Крепон, автор книги «Опрос в сердце нового Национального Фронта», на основании данных социологических исследований и интервью жителей Энен-Бомона убедительно показывает, что именно «левый уклон» Марин Ле Пен и ее соратников (прежде всего, Стива Бриуа) обеспечил ей симпатии значительной части населения этой коммуны. При этом НФ в некоторых вопросах был более социально ориентированным, чем правившие Энен-Бомоном на протяжении многих лет социалисты и даже коммунисты. Последние, например, охотно голосовали за выделение бюджетных субсидий крупным частным компаниям, в то время, как депутаты Национального Фронта отстаивали интересы компаний государственных и боролись с децентрализацией производств (то есть выводом производства в менее развитые и более бедные страны, что вело к потере рабочих мест и снижению уровня жизни).

«Смешно, когда коммунисты голосуют за выделение государственных субсидий частным компаниям, например, группе “Ашан”⁸⁷, которые и так без проблем получают лицензии... коммунисты, которые вроде бы должны защищать рабочий класс и которые в то же время нападают на поставщиков (местных производителей товаров. – К.Б.)», – считает один из жителей Энен-Бомона, голосовавший за Национальный Фронт⁸⁸.

86. Там же. Р. 198.

87. Семейная корпорация клана Мюлье.

88. *Sylvain Crepon*. Enquête au Coeur du Nouveau Front National. Paris: Nouveau Monde, 2012. Р. 125.

«Парижский аппаратчик и дочь миллионера превратилась в рупор бедняков и простых людей Севера», — пишет Сильвен Крепон⁸⁹.

Социально ориентированная политика, которую проводили депутаты от Национального Фронта в муниципальном совете Энен-Бомона и в региональном совете Па-де-Кале, помогла Марин Ле Пен добиться победы, несмотря на все противодействие социалистов и коммунистов.

Окончательно Энен-Бомон перейдет в руки Национального Фронта в 2014 г.: блок НФ, возглавляемый одним из видных активистов Фронта Стивом Бриуа, одержит победу уже в первом туре, получив 50,25% голосов, опередив правый и три левых блока, в том числе и блок, возглавляемый действовавшим мэром, социалистом Эженом Бинассом. 30 марта 2014 г. Стив Бриуа будет избран новым мэром Энен-Бомона.

К этому моменту, правда, Национальный Фронт уже окончательно станет третьей партией Франции, а Марин Ле Пен — одним из наиболее известных французских политиков. Все эти изменения произойдут за очень короткий срок — за какие-то пять лет. Но именно в эти пять лет Марин Ле Пен и превратится из муниципального советника Энен-Бомона, «поддерживающего слабый огонек в департаменте Па-де-Кале», в одного из наиболее перспективных кандидатов в президенты страны.

89. Там же. Р. 114.

Глава четвертая

МАДАМ ПРЕЗИДЕНТ

В воскресный день 16 января 2011 г. XIV съезд Национального Фронта избрал Марин Ле Пен новым президентом партии. Ее кандидатуру поддержали 67,65% делегатов съезда. Ее соперник, Бруно Гольниш, под аплодисменты зала признал свое поражение и заверил вновь избранного президента партии в своей полной и неизменной поддержке. Жан-Мари Ле Пен, возглавлявший партию без малого сорок лет, в последний раз поднялся на сцену в качестве лидера НФ, и торжественно передал бразды правления дочери. Переход власти в Национальном Фронте состоялся гладко и не вызвал никаких протестов.

Однако «интронизации» Марин Ле Пен предшествовали достаточно драматические события, которые нашли свое отражение во французских СМИ — как левых и либеральных, так и относящихся к крайне правому лагерю.

12 апреля 2010 г. на заседании политического бюро Национального Фронта Жан-Мари Ле Пен объявил о том, что намерен сложить с себя полномочия президента партии на ближайшем партийном съезде.

К этому моменту ни у кого в партии не было сомнений в том, что Марин Ле Пен является наиболее вероятным кандидатом в преемники. Также всем хорошо было известно, кто станет ее главным соперником — Бруно Гольниш, давний друг и соратник Жан-Мари Ле Пена. Собственно говоря, их соперничество

началось несколькими годами раньше, на съезде в Ницце в 2003 г., когда, по мнению ветеранов партии, Национальный Фронт *«перестал быть Национальным и стал Семейным Фронтом»*.

Марин могла рассчитывать на поддержку своей «банды завсегдаев ночных клубов», и, конечно же, отца. С Жаном-Мари все было согласовано. Он неоднократно публично желал победы своей дочери, одновременно желая «хорошего результата» старому другу Бруно Гольнишу. Надо полагать, сам Гольниш, который больше десяти лет (с раскола Мегре) считался «человеком номер два» в Национальном Фронте, воспринимал такую позицию Ле Пена довольно болезненно, но не позволял себе никаких личных выпадов ни против «Менгира», ни против его дочери. Вместо него на Марин ополчились СМИ крайне правых – газеты Rivarol, Minute и Present. Ни одно из этих классических крайне правых изданий, с удивлением отмечали французские журналисты, не поддерживали кандидатуру Марин Ле Пен в качестве приемницы Жана-Мари.

Первый удар нанес в мае 2010 г. Rivarol. Главный редактор Rivarol Жером Бурбон проинтервьюировал Марка Жоржа – бывшего генерального секретаря ассоциации «Равенство и примирение», основанной, как рассказывалось в главе второй, Аленом Соралем и Фредериком Шатийоном. За год до этого (в феврале 2009) Сораль вышел из рядов Национального Фронта: его противники говорили, что виной тому неудовлетворенные амбиции Соралья, претендовавшего на то, чтобы возглавить избирательный список НФ в Иль-де-Франс, но, очевидно, сыграл роль «фактор Мегре» – когда талантливый, и явно превосходящий средний уровень партийных функционеров политик

сталкивался с сильным противодействием со стороны клана Ле Пен. После этого Сораль принял участие в создании Антисионистской партии, избирательный список которой возглавил известный французский комик-африканец **Дьедонне М'бала М'бала**. Но в феврале 2010 г. Марк Жорж, также вошедший в список Антисионистской партии, разругался с Аленом Соралем, и заявил, что «Равенство и примирение» превратились в фан-клуб последнего. *«Сораль хочет, чтобы ассоциация «Равенство и примирение» работала в основном на продвижение его персоны и его творчества, а это не мой случай»,* — объяснял свой уход Марк Жорж.

Поэтому в интервью «Риваролу» Жорж не пощадил ни своего бывшего друга и соратника, ни Марин Ле Пен. Последняя, по словам Жоржа, *«фундаментальная антифашистка и правозащитница»* (в оригинале это звучит более саркастично: *«Elle est fondamentalement antifasciste, droit-de-l'homme»*.) Позиция Марин Ле Пен, по мнению Жоржа, *«политически не структурирована, она не националистка по сути»*.⁹⁰

Дальше — больше. На страницах Rivarol, который имеет репутацию антисемитского СМИ, Жорж заявил, что Марин Ле Пен поддерживает «иудеомаинакальные связи» (les accointances judéomanes). Марин, по словам Жоржа, верит в официальную историю Второй мировой войны (ужасное заблуждение в глазах читателей Rivarol!), и считает, что еврейский народ — это народ-жертва. *«Если она выиграет, — делится Жорж своими опасениями с Жеромом Бурбоном, — она поедет в Израиль, пойдет в Яд ва-Шем (национальный мемориал Холокоста в Иерусалиме), чтобы*

90. Rivarol, № 2952, mai 2010.

зажечь поминальный огонь... она пойдет в Вель д'Ив⁹¹, просить прощения не только за себя, но и за своего отца, и за всю Францию, что особенно гнусно».

Жорж обвинил Марин Ле Пен еще и в том, что, когда речь идет о Второй мировой войне, она якобы «находит совершенно нормальным», что Францию представляют страной, причастной к геноциду, избражают французов расистами, коллаборантами и доносчиками. *«Это позор, позор!»* – возмутился он. – *«Марин Ле Пен только и делает, что поддерживает эту антифранцузскую идеологию. Что еще хуже – она сама в нее верит! Она полностью неизлечима»⁹².*

«Это не интервью, это атака из базуки», – писали ехидные журналисты Le Monde Абель Местр и Каролин Монно⁹³. Но в интервью шла речь не только о Марин Ле Пен, но и о ее сопернице Бруно Гольнише. Жорж открыто выступил в поддержку Гольниша, назвав его *«политическим сыном Жан-Мари Ле Пена»*. Более того: рассказал Жерому Бурбону, что его бывший друг и соратник Ален Сораль поддерживал Гольниша до сентября 2009 г., когда Филипп Пененк, *«близкий советник Марин Ле Пен»*, шепнул ему, что если он хочет обеспечить себе спокойное будущее в партии, лучше ему поддержать «мадам вице-президент». А самого Пененка – своего бывшего соратника по ассоциации «Равенство и примирение» – Жорж назвал «типичным представителем крайне правых либералов и сионистом». «Как минимум, небольшое пере-

91. 16 и 17 июля 1942 г. французская полиция по приказу немецких оккупационных властей осуществила арест более 13 тысяч парижских евреев. Арестованные содержались на зимнем велодроме (Vélodrome d'hiver, сокращенно Vel d'Hiv) у Сены в XV округе. Из 13152 евреев, депортированных затем на территорию Германии, выжило меньше сотни.

92. Rivarol, № 2952, mai 2010.

93. «Rivarol»-Gollnisch: le baiser qui tue? // <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2010/05/15/rivarol-gollnisch-le-baiser-qui-tue/>

дергивание», – замечают Местр и Монно. К тому же довольно странно выглядит «дружеское увещивание» Соралия в сентябре 2009 г. – если он покинул ряды Нацфронта еще в феврале. Слова, однако, были произнесены – и прочитаны довольно широким кругом читателей Rivarol. Очевидно, что для самого Гольниша такая поддержка – с одновременным обливанием грязью Марин Ле Пен – была не лучшим подарком. Именно поэтому журналисты Le Monde и назвали интервью Жоржа «смертельным поцелуем».

Но Жером Бурбон и его газета не только открыто стали на сторону Гольниша: они объявили войну всей семье Ле Пен. В течение 2010 г. критика в адрес «клана Ле Пен» в материалах, публикуемых на страницах «Ривароля», только усиливалась. Бурбон упрекал Жана-Мари в том, что он превратил «Национальный Фронт» (Front National) в «Семейный» (Front familial). *«Ле Пен все больше превращается в восточного сатрапа, большого мамамуши⁹⁴». «Если Ле Пен абсолютно уверен, что ему должна наследовать его дочь, и никто иной, лучше сказать это прямо и открыто, навязывая всем свое потомство, по примеру коммунистической тирании Северной Кореи».*⁹⁵

В том же номере 3 страницы из 12 были посвящены готовящемуся съезду НФ (в Туре) и содержали призывы голосовать за Бруно Гольниша. *«Совершенно ясно, что газета участвовала в предвыборной кампании»*, – писала Le Monde.⁹⁶

Что касается Minute, то это издание традиционно поддерживало НФ (например, во время президент-

94. Мамамуши – выдуманный восточный титул из комедии «Мещанин во дворянстве» Ж.-Б. Мольера

95. Rivarol, 15.10.2010, editorial

96. Marine Le Pen: pourquoi «Rivarol», «Minute» et «Présent» font défection // <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2010/10/16/marine-le-pen-pourquoi-rivarol-minute-et-present-font-defection/>

ских выборов 2007 г.)⁹⁷ До 2010 г. Minute, в общем, вполне благожелательно относилось и к Марин Ле Пен. Однако в 2010 г. владелец газеты Жан-Мари Молитор и ее шеф-редактор Бруно Ларебьер заняли достаточно критическую позицию в отношении «наследницы». Конфликт между Марин Ле Пен и Молитором стал достоянием французской прессы; в частности, подчеркивалось, что Minute и НФ обвиняли друг друга в «непотизме» (дочь Молитора была пресс-секретарем Бруно Гольниша). Сама Марин объясняла это «конфликтом интересов» между националистами.

В октябре 2010 г. Minute нанес Марин чувствительный удар: опубликовал схему организационной структуры руководства НФ (т.н. «органиграмму»), из которой следовало, что многие бывшие сторонники Бруно Мегре стали близкими соратниками Марин и заняли видные посты в руководстве Национального Фронта. Собственно, таких было четверо: Стив Бриуа, Бруно Бильд, Николя Бей и Филипп Оливье. Согласно документу, опубликованному Minute, Бриуа стал генеральным секретарем партии, Бей вошел в национальный секретариат, где стал отвечать за пропаганду, Бильд стал главой кабинета президента партии. Что же до Филиппа Оливье — как мы помним, мужа Мари-Каролин Ле Пен и верного «лейтенанта» Бруно Мегре — то он стал ответственным за выборные кампании, за медиапланирование и за работу с интернетом.⁹⁸

97. Не будет лишним напомнить, что во время бомбежек авиацией НАТО Сербии в 1999 г. Minute сразу же заняла просербскую позицию, выступая в защиту Слободана Милошевича. «Сербы спасли нас от исламского завоевания, — писала тогда газета. — Сегодня падет Косово, завтра — Франция» (Minute, 31.03.1999)

98. В настоящее время Николя Бей — член политбюро НФ и генеральный секретарь партии (с 30 ноября 2014 г.), Бруно Бильд — член политбюро НФ и специальный советник Марин Ле Пен, Стив Бриуа — вице-президент НФ по региональным выборам и кадровой политике, член политбюро и мэр Энен-

Учитывая молодость почти всех упомянутых в «органиграмме» персонажей (Бриуа родился в 1972 г., Бильд – в 1976, а Бей и вообще в 1977 г.), было бы логично предположить, что они относятся к той группе молодежи Нацфронта, которая когда-то была очарована идеями Мегре, но довольно быстро переметнулась к Марин. И уж во всяком случае, странно было утверждать, что на «ключевые посты вернулась вся старая гвардия Мегре», как это делала Minute.

Тем не менее, хотя Марин и заявила, что «ценность этого документа сильно преувеличена», перед выборами нового президента партии такой вброс явно имел целью заронить сомнения в души тех, то собирався голосовать за дочь Жан-Мари Ле Пена. Нельзя сказать, что Minute явно выступал в поддержку Гольниша, но его позиция усилила нервозность, и без того царившую в рядах НФ перед съездом в туре.

Présent – орган католиков-традиционалистов – долгое время занимал сдержанную позицию в вопросе о переходе власти в Национальном Фронте. Из всех трех СМИ крайне правого направления Présent, пожалуй, был лояльнее всех к Национальному Фронту – его основатель, Пьер Дюран, был близким другом и (в 60х-70х годах) деловым партнером Ж.-М. Ле Пена, а в первые годы существования партии – казначеем НФ. Однако спустя два дня после того, как Minute опубликовало свою «органиграмму», 15 октября 2010 г. Жеанн Смит, шеф-редактор Présent, опубликовала статью, озаглавленную «Праймериз в НФ и проблема абортотв».

Бомон. Что же касается Филиппа Оливье, то он в 2012 г. пытался занять пост стратегического советника Марин Ле Пен в рамках ее президентской кампании, но проиграл Флориану Филиппо, который и был в результате назначен на этот пост. Неофициально консультировал Марин на этих выборах. В 2015 г. присоединился к движению «Вставай, Франция!» голлиста Николя Дюпона-Эньяна.

Сравнивая позиции двух претендентов на пост президента Национального Фронта, Смит делала выбор в пользу Бруно Гольниша. Она припомнила, что еще в 2005 г. Марин Ле Пен заявляла корреспонденту *Présent*, что даже в случае наиболее благоприятного развития событий, если Национальный Фронт придет к власти, она не будет требовать отмены закона Вейль (см. ниже).

То, как почти одновременно была проведена атака на Марин со стороны *Minute* и *Présent*, наводит на мысль о срежессированной и согласованной кампании, проведенной кем-то, кого явно не устраивала фигура младшей дочери Жан-Мари Ле Пена во главе Национального Фронта. Но, справедливости ради, надо сказать, что у каждого из этих трех СМИ были свои причины желать поражения человеку, чье имя прочно ассоциировалось с «де-демонизацией» старого доброго Нацфронта. «Ривароль» был одержим еврейским заговором и повсюду видел происки сионистов и гомосексуалистов. На редакцию *Présent* оказывало большое влияние мнение журналиста и писателя Бернара Антони (одного из основателей этого СМИ в 1982 г.), который до 2008 г. возглавлял в НФ группу католиков-традиционалистов, а последний крайне неодобрительно относился к Марин Ле Пен именно из-за ее либерального отношения к вопросу аборт⁹⁹. Никаких видимых причин враждовать с Марин не было только у редакции *Minute*, но, возможно, здесь действительно сыграл роль семейный фактор — ведь дочь хозяина *Minute* была какое-то время пресс-секретарем Бруно Гольниша.

99. В марте 2014 г. в *Présent* сменилось руководство, и это не замедлило сказаться на политической линии издания. Теперь *Présent* полностью поддерживает Марин Ле Пен, в том числе, и в ситуации ее конфликта с отцом весной 2015 г.

Противостояние Марин Ле Пен и Бруно Гольниша было не просто соперничеством двух представителей различных группировок — «клана Ле Пен» и «ветеранов партии» внутри НФ. В действительности у них было достаточно много принципиальных расхождений во взглядах на проблемы, волновавшие не только последователей Национального Фронта.

Одной из таких проблем была проблема аборт, точнее, отношение к закону Вейль (по имени Симоны Вейль, министра здравоохранения при Жискаре д'Эстене). С принятием этого закона в 1975 г. французские женщины получили право на аборт — до этого прерывание беременности каралось во Франции в судебном порядке, причем достаточно сурово — вплоть до тюремного заключения. Закон Вейль дал французенкам право прерывать беременность при условии, что эта беременность ставит их «в бедственное положение». Кроме того, с 1982 г. аборты во Франции полностью оплачивались в рамках медицинской страховки.

Бруно Гольниш и поддерживающие его консерваторы в Национальном Фронте выступали за отмену закона Вейль. НФ традиционно выступал против аборт, участвуя в ежегодно проводившихся в годовщину принятия закона Вейль «Маршах Жизни». Основная идея, отстаиваемая Гольнишем и его последователями, заключалась в том, что аборты нельзя превращать в обычное явление, не ограниченное никакими особыми условиями и зависящее лишь от желания женщины. Право на аборт должно остаться у женщин лишь во вполне определенных ситуациях: когда беременность создает угрозу жизни, физическому или психическому здоровью, либо если беременность стала следствием изнасилования, о котором заявлено в полицию.

Марин Ле Пен занимала гораздо более либеральную позицию. Она в принципе не отрицала права женщин на аборт, но считала, что закон Вейль был «извращен» либералами, которые сделали аборт «единственным предлагаемым женщине выбором», который предлагается в центрах планирования семьи. *«Я думаю, необходимо прекратить оплату абортотов (из фондов медицинского страхования, — К.Б.). Сейчас существует достаточно средств контрацепции... В целом, в нашем обществе необходимо воспитывать уважение к жизни»*, — заявляла она в интервью католической газете La Croix в феврале 2011 г.¹⁰⁰

Еще одним ключевым вопросом, по которому Гольниш и Марин Ле Пен занимали совершенно различные позиции, был т.н. ПАКС — Гражданский договор солидарности (*Pacte civil de solidarité, PACS*). Ряд законов, принятых во Франции еще в 1999 г. при правительстве Лионеля Жоспена, предоставлял как гетеросексуальным парам, проживающим вне брака, так и гомосексуальным парам, некоторые личные и имущественные права. 1 января 2007 г. вступили в силу поправки и дополнения к ПАКС, расширявшие права гомосексуальных пар. Как и значительная часть ветеранов НФ, Бруно Гольниш выступал за отмену ПАКСа, в то время, как Марин Ле Пен в целом положительно относилась к этим законам.

По мнению социолога Сильвен Крепон, в отличие от гомофоба Жан-Мари Ле Пена, его дочь занимала позицию, которую можно определить как «gay-friendly».

Хотя сама Марин много раз повторяла, что ее отец *«никогда не позиционировал себя как противник гомосексуализма»*, факты свидетельствуют об обратном. 13 февраля 1984 г. в эфире передачи «Час истины»

100. Marine Le Pen : « il faut cesser de rembourser l'avortement » // La Croix, 15 Février 2011.

Жан-Мари Ле Пен заявил на всю Францию: «гомосексуализм — это не проступок (*délit*), но представляет собой биологическую и социальную аномалию». Также он не раз повторял, что «гомосексуальная активность является смертельной угрозой для нашей цивилизации» и что гомосексуализм может привести к гибели мира.¹⁰¹

Эти взгляды разделяли многие ветераны движения, и Бруно Гольниш в этом смысле вовсе не был исключением. Сам Жан-Мари со временем смягчил свое отрицательное отношение к гомосексуализму (тем более, что его президентской кампанией 2007 г. руководила Марин, которая к тому времени уже давно проводила свою политику «де-демонизации»). В интервью радиостанции BFM в декабре 2006 г. он заявил, что уже не выступает за отмену ПАКСа, хотя в программе Национального Фронта это требование по-прежнему присутствовало. Впрочем, это явно была вынужденная уступка дочери, стремившейся «продать» кандидатуру Жана-Мари всем категориям избирателей, включая и представителей сексуальных меньшинств. Ле Пен по-прежнему отпускал обидные для геев шуточки, цитируя которые, толерантный социолог Крепон сокрушается: «Никакая де-демонизация была решительно невозможна с таким невероятным папашей».¹⁰²

Итак, уже к моменту выборов нового лидера Национального Фронта многим соратникам Жан-Мари было понятно, что партию ждут большие перемены — в том числе, и идеологического характера. Часть активистов НФ была против этих перемен — но соотношение голосов, поданное за Марин (67,65%) и за Бруно Гольниша (32,35%) на съезде в Туре свидетель-

101. Sylvain Crepon. Enquete au Coeur du Nouveau Front National. Paris, Nouveau Monde edition, 2012, p. 259.

102. Там же, с. 260

ствует о том, что желавших обновления идеологической платформы партии было все-таки больше.

Ядро ореха: идеология Марин Ле Пен

Прежде чем продолжить рассказ о политической эволюции партии и ее лидера, следует хотя бы кратко остановиться на идеологической платформе обновленного НФ. Кратко — поскольку идеология НФ, как ни странно, знакома широкому читателю куда лучше, чем перипетии его истории, эпизоды внутрипартийной борьбы и расстановка сил в его руководстве. В самом деле, всем известно, что НФ выступает «против иммиграции» и «за выход Франции из Евросоюза»: для того, чтобы это утверждать, не нужно разбираться в нюансах политической доктрины Национального Фронта. Тем не менее, дьявол, как говорили еще средневековые парижские схоласты, прячется именно в деталях.

И одна из самых важных «деталей» здесь — различие между официальной идеологией НФ и той доктриной, которую исповедует лидер партии, то есть сама Марин Ле Пен. Официальная идеология Национального Фронта отражена в партийных документах — программах и т.д. Но, поскольку эта книга не является исследованием партии Национальный Фронт, а представляет собой политическую биографию его лидера, имеет смысл сосредоточиться на взглядах самой Марин.

В наиболее полном виде ее доктрина изложена в книге «**Чтобы Франция жила**», вышедшая в январе 2012 г.¹⁰³ В рецензиях на эту книгу либеральные

103. Marine Le Pen, Pour que vive la France, éd. Grancher, Paris, 2012.

французские СМИ замечали, что на взгляды Марин оказали влияние самые разные европейские и американские интеллектуалы: от Эммануэля Тодда до Франклина Рузвельта, от Джорджа Оруэлла до Бертольда Брехта, от Карла Маркса до Мориса Алле.¹⁰⁴ Кроме того, отмечалось, что многие элементы идеологии Марин Ле Пен заимствованы у Новых Правых (и особенно у интеллектуалов из Клуба Настенных Часов). Некоторые идеи Марин созвучны идеям Жан-Пьера Шевенмана, безусловное влияние оказал на нее Ален Сораль. Наиболее дотошные исследователи находили в ее доктрине идеи, созвучные идеям Жоржа Марше¹⁰⁵, Сержа Алими¹⁰⁶, Пьера Мендес-Франса и других политиков. Литературные аллюзии, которыми насыщена книга, отсылают читателя к творчеству Поля Валери, Жоржа Бернаноса и других. Особенно сильно на формирование идеологии Марин Ле Пен повлиял французский левый философ Жан-Клод Мише (Jean-Claud Michea). Этот малоизвестный в России мыслитель является одним из наиболее заметных борцов за нравственные ценности социализма, которые, как он полагает, потерпели поражение в борьбе с либеральными буржуазными ценностями, характерными для общества потребления. В своей книге Марин неоднократно ссылается на Мише, хотя специально оговаривает, что следствием ее увлечения идеями философа были *«разговоры и ожесточенные споры, в которых мне пришлось противостоять некоторым из моих друзей по таким важным вопросам, как секуляризм, республиканство, свобода торговли или конец евро»*.

104. Eric Dupin, *Acrobaties doctrinales au Front national // Le Monde diplomatique*, avril 2012.

105. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1972 по 1994 г., большой друг Советского Союза.

106. Директор *Le Monde Diplomatique*, журналист и политический мыслитель.

«Доктрина Марин» зиждется на следующих «столпах»:

- *Евроскептицизм;*
- *Антимондиализм;*
- *Примат национальной и цивилизационной идентичности;*
- *Протекционизм в экономике;*
- *Секуляризм;*
- *Умеренный либерализм (в отношении к правам сексуальных меньшинств, проблеме абортот и тому подобных болезненных тем).*

Евроскептицизм — одна из идеологических основ Национального Фронта, которая, в отличие от некоторых других ни в малейшей степени не подверглась «коррозии» в связи с приходом к власти в партии Марин Ле Пен.

В 1989 г. в интервью журналу Paris-Match Жан-Мари Ле Пен говорил:

«НФ защищает тезис, который я могу выразить лозунгом: «Европа — да, но Франция — прежде всего!». Нет — технократической Европе Брюсселя, нет — мировой, многонациональной и лоббистской Европе. Да — Европе наций, да — Европе Отечества! Некоторые хотели бы, чтобы мы стали Соединенными Штатами Европы, Германия — Нью-Йорком, а Франция — Техасом. Но так не пойдет. Многие французы откажутся от такого пути, даже если они захотят создания единой Европы».¹⁰⁷

В действительности, «Европа Отечества» была не просто лозунгом, а историософской концепцией, разработанной в интеллектуальных клубах французских «истинных консерваторов». Совсем не случайно так же назывался комитет, организованный членами

107. Paris-Match, 11.05.1989.

GRECE и возглавляемый входившим в то время в Объединение в поддержку республики председателем Клуба Настенных Часов **Иваном Бло**.¹⁰⁸

В понимании Марин Ле Пен, «Европа Отецеств» представляет собой свободную конфедерацию национальных государств, сохраняющих значительную долю своего суверенитета. В этом качестве она противостоит модели Европейского Союза, которая «означает разрушение культурной составляющей, разрушение ценностей, разрушение национальной идентичности». С точки зрения Ле Пен, ЕС представляет собой тоталитарную систему (поэтому она часто называет ее Европейским Советским Союзом), управляемой технократами, стремящимися к максимальному уравниванию всех народов, входящих в ЕС, невзирая на национальные особенности.

«Все должны покупать одни и те же товары. Ни у кого не должно быть собственных товаров, никаких собственных брендов... Во имя прав человека Еврокомиссия и брюссельские технократы заставляют нас делать все более и более безумные вещи, все более и более отдаляясь от наших традиционных ценностей».¹⁰⁹

Однако «Европейский Союз Социалистических Республик» несовместим с ее европейским идеалом. «*Я желаю краха ЕС, который сделает возможным возвращение к Европе Отецеств*», — заявляла она перед парламентскими выборами 2012 г. — «*Я привержена европейским ценностям более, чем кто-либо... Но я хочу возвращения к Европе Отецеств, в которой будет возможно истинное сотрудничество между нациями*».¹¹⁰

108. National-Hebdo, 29.03 – 04.04.1990.

109. Выступление Марин Ле Пен перед студентами МГИМО, 20.06.2013

110. Marine Le Pen «souhaite l'effondrement de l'Union européenne» // L'Express, 08.06.2012 (http://www.lexpress.fr/actualite/politique/marine-le-pen-souhaite-l-effondrement-de-l-union-europeenne_1124086.html)

Крах ЕС в его нынешнем виде, по мнению Марин, неизбежен — и связан с коллапсом зоны евро, о котором она говорит начиная с 2002 г.

«На протяжении 10 лет не сбылось ни одно обещание, которые нам давали вводя в обращение евро, единую валюту. Итог не подлежит обжалованию: взрывной рост цен, безработица, делокализация производства, внешний долг».¹¹¹

Однако прежде, чем единая европейская валюта рухнет, похоронив под собой экономику европейских стран, Франция, по мнению лидера НФ, должна выйти из зоны евро, находясь в которой слишком дорого обходится французам. *«Франция уже влезла в долги на 60 млрд. евро, чтобы помочь выбраться Греции, Ирландии и Португалии»*, — заявляет она.

«Для начала нужно согласиться с тем, что евро, как денежная единица, умерла. И надо перестать спасать ее с помощью планов, которые пагубно влияют на простых людей, загоняя их в долговую яму. Нам нужно вернуться к национальной валюте, и наша экономика будет расти», — подчеркивала Марин в интервью израильскому каналу Jewish News One.¹¹²

Предлагаемый выход — возвращение к французскому франку. Это возвращение, по мысли Марин, должно сопровождаться «фискальной революцией», т.е. отменой закона №73-7, известного также под именем «закона Помпиду-Жискара». Этот закон, регулировавший деятельность Банка Франции с 1973 г., является одним из наиболее дискуссионных во французской политической и медиа-среде¹¹³. По ее мнению, из-за этого закона спекулятивный капи-

111. Цитируется по: Alexis Le Castel, Marine Le Pen n'est pas celle que vous croyez. Paris, ed. Lulu, 2013, p.26

112. <http://www.youtube.com/watch?v=K8fNHZhiCA>

113. Закон Помпиду-Жискара, иногда также называемый неофициально «Закон Ротшильда», запрещает государству брать в долг у Банка Франции под низкий процент, делая его зависимым от частных кредиторов.

тал и крупные частные банки имеют монополию на кредитование государства. *«Благодаря закону 1973 г. подтвержденного Европейским договором (Маастрихтским, – К.Б.) рынки (капитала) и банки получили монополию на финансирование государства. Наша зависимость от рынков становится все сильнее...»*. Она предлагает вернуть Банку Франции право кредитовать государство по очень низкой или даже нулевой ставке¹¹⁴. Для большего эффекта Марин называет этот шаг «национализацией Банка Франции», хотя последний и так не является частным банком, как, например, ФРС США.

Возвращение к франку и отмена закона Помпиду-Жискара помогут Франции освободиться от диктата финансовых рынков, разоряющих страну. Марин приводит конкретные цифры: за последние 35 лет государственный долг Франции увеличился на 1700 миллиардов евро, при этом государство выплавило только по процентам частным кредиторам 1400 миллиардов евро. «Простой подсчет показывает: если бы мы не вошли в эту спираль, наш внешний долг был бы сейчас совершенно незначителен», утверждает Марин.¹¹⁵

(Стоит отметить, что в критике закона №73-7 Марин Ле Пен солидарна со своим оппонентом, кандидатом Левого Фронта Жан-Люком Меланшоном, который также подчеркивает, что без «незаконных» процентов частных кредиторов долг Франции достиг бы к концу 2008 г. всего 21, 4 млрд. евро).

В экономической сфере Марин Ле Пен является сторонницей протекционизма, который, как она подчеркивает, не тождественен автаркии. *«Наша позиция*

114. http://www.la-croix.com/Actualite/Economie-Entreprises/Economie/Les-pistes-pour-reduire-le-deficit-de-la-France_EP_-2011-08-15-699390

115. Alexis Le Castel, Marine Le Pen n'est pas celle que vous croyez. Paris, ed. Lulu, 2013, p.27.

заключается в том, чтобы избегать крайностей – как бы ни пытались наши оппоненты заставить в это поверить – и предполагает выбор среднего пути» (между режимом свободной торговли и автаркией, – К.Б.)

Одним из постоянных объектов ее критики являются т.н. «Четыре свободы» (англ. Four freedoms), лежащие в основе европейской экономической интеграции (свобода перемещения капиталов, товаров, рабочей силы и услуг).

«Мы никогда не перестанем повторять: свободное перемещение граждан – это иммиграция; свободное перемещение умов – это эмиграция; свободное перемещение капиталов – это спекуляция, и, наконец, свободное перемещение товаров – это деиндустриализация», – заявляла Марин, еще будучи вице-президентом НФ в 2010 г.¹¹⁶

В лице Марин Франция получила одного из наиболее бескомпромиссных противников либеральной экономической модели. В общем и целом, она разделяет взгляды **Мориса Алле** (единственного французского экономиста – лауреата Нобелевской премии), который пытался привнести в экономическую науку моральную компоненту и занимался проблемой сочетания экономической эффективности и справедливости в распределении доходов.¹¹⁷ Алле крайне пессимистически оценивал экономическую роль Маастрихтского договора, единой европейской валюты и самого процесса глобализации¹¹⁸. Марин немало почерпнула из теоретического наследия Мориса Алле – и это следует иметь в виду, анализируя

116. <http://www.nationspresse.info/fn/la-grande-alternance-de-2012-se-construit-en-2011>

117. . «Я старался переосмыслить роль экономической свободы и рыночной экономики с точки зрения поиска эффективности и достижения этических целей нашего времени», – писал он.

118. Allais M. Combats pour l'Europe, 1992-1994. Clement Juglar, Paris, 1994.

экономическую программу модернизированного НФ. В конечном счете, критика глобализации (мондиализма) и единой европейской валюты, так часто звучащая из уст президента Национального Фронта, уходит корнями в труды Алле «**Битвы за Европу**», «**Налог на капитал и денежная реформа**» и др.

Взгляды Мориса Алле часто называют «либерально-социалистическими». Либерализм Алле заключался в том, что он всегда утверждал: эффективной может быть лишь конкурентная экономика, и приводил веские аргументы в пользу тезиса о неэффективности системы централизованного планирования и управления экономикой. С другой стороны, он был глубоко убежден, что экономика, будучи частью социального целого, не может быть самоцелью. Ее основная задача — удовлетворение человеческих потребностей. Поэтому критерием экономического прогресса следует считать не рост валового национального продукта, а рост чистого потребляемого дохода на душу населения. Говоря об этических нормах нашего времени, Алле и имеет в виду прежде всего свободу и достоинство человека, обеспечение социально приемлемых условий жизни в обществе при важной, но четко определенной роли государственных институтов. Вряд ли такая позиция может быть названа либеральной.¹¹⁹

В известной мере эта характеристика может быть применима и к экономическим взглядам самой Марин Ле Пен.

Марин одна из тех, кто выступает против закона об экономическом росте и экономической деятельности (по имени министра экономики его называют «законом Макрона»). Закон содержит меры, направ-

119. Егоров И. Феномен Мориса Алле // Алле Морис. Экономика как наука. М., 1995.

ленные на либерализацию, усиление конкуренции и развитие многих отраслей экономики – в том числе, например, такую «оригинальную» меру, как разрешение магазинам работать по воскресеньям 12 раз в году (сейчас французские магазины могут работать в воскресные дни только 5 раз в год). По мнению Марин Ле Пен, закон навязан Франции ненавистой евробюрократией, и нацелен на то, чтобы еще больше подчинить экономическую жизнь страны требованиям Еврокомиссии.

Противостояние бездушной (этот момент очень важен в контексте влияния на взгляды Марин теорий Мориса Алле) бюрократической машине ЕС носит для лидера Национального Фронта характер «священной войны», поскольку за размытыми фигурами брюссельских технократов она видит очертания своего главного противника – врага даже более страшного, чем «Европейский Советский Союз». Враг этот – **мондиализм**.

Французский термин *mondialisme* обычно переводят на русский язык, как «глобализация», но это не вполне точно. Мондиализм – это и идеология, и вполне конкретный политический проект, у истоков которого стояли «отцы-основатели» Европейского Союза Жак Монне и Робер Шуман (а также австрийский граф Рихард Николаус Куденхофе-Калерги). Из книги Марин Ле Пен «**Чтобы Франция жила**» можно заключить, что именно в мондиалистском проекте она видит корень всех бед, обрушившихся на Францию (и на Европу в целом).

«Мондиализм – это метафизика Божественного Рынка, на службе у новой мировой аристократии, представляющей собой глобализированный супер-класс... он – не что иное, как идеология доминирующего в глобальном международном масштабе

класса, который, естественно, не может реформировать сам себя, поскольку извлекает из этой ситуации выгоду». ¹²⁰

Обрушиваясь на адептов либеральной экономической модели — начиная с Адама Смита и заканчивая технократами из Брюсселя, Марин постулировала:

«Мондиализм — это альянс между консюмеризмом и материализмом, направленный на то, чтобы вывести Человека из Истории и ввергнуть его в то, что Жиль Липовецки называет «Эрой Пустоты» ¹²¹

Критика, которой Марин подвергла либеральную экономическую модель, вызвала неоднозначную реакцию не только у ее противников, но даже у бывших сторонников НФ, ошеломленных таким явным сдвигом лидера НФ влево. Заслуживает внимания большая статья упоминавшегося уже выше интеллектуала круга Новых Правых, несколько лет бывшего членом НФ, Ивана Бло, посвятившего взглядам Марин Ле Пен большую статью в журнале «Atlantico». В этой статье Бло назвал книгу «Чтобы Франция жила» «неомарксистским сочинением», а ее автора — «Красной Марин».

Да это же чистый Карл Маркс, саркастически комментирует Бло: капитализм превращается в глобальный империализм, вот он, настоящий враг трудящихся! ¹²²

Однако мондиализм с его глобальной олигархией раздражает лидера НФ не только из-за ее левой политической позиции (которая — тут Бло прав — в ряде случаев действительно сближается с неомарксизмом). Главная опасность мондиализма для Марин Ле Пен в том, что он постнационален, он игнорирует

120. Там же, стр. 93.

121. Marine Le Pen, *Pour que vive la France*, éd. Grancher, Paris, 2012, p.92

122. Ivan Blot, Un livre néo marxiste ? Quand Marine le Pen devient Marine la rouge...// Atlantico. 04.03.2012 (<http://www.atlantico.fr/decryptage/marine-pen-pour-que-vive-france-livre-marxisme-rouge-yvan-blot-301601.html/page/0/2>)

границы, отрицает общее наследие, общие ценности и идентичность каждого народа.

«Мондиализм — это идеология, направленная на отрицание смысла существования наций, их адаптацию к миру «постмодерна», которая направлена на формирование нового вида «хомо мондиалис», оторванного от корней, единственной идентичностью которого является идентичность глобального потребительства».¹²³

Борьба с идеологией мондиализма, с его элитным «проектом» глобальной олигархии, которую Марин винит в череде экономических кризисов, обрушившихся на мир с 2007 г., определяет другую яркую черту доктрины Ле Пен: **примат национальной и цивилизационной идентичности**. В идеологии модернизированного НФ национальная идентичность — безусловная ценность, приоритет приоритетов.

Если тема борьбы с «мондиалистским проектом», с «мировым правительством» и «глобальным суперклассом» появилась в идеологическом арсенале Национального Фронта в середине 1990-х годов (она была привнесена туда главным теоретиком партии Бруно Мегре)¹²⁴, то тема защиты французской идентичности присутствовала в доктрине НФ задолго до этого. По сути дела, защищая la Belle France от нашествия смуглых, исповедующих ислам пришельцев, Национальный Фронт выступал именно за сохранение национальной особенности французской культуры и цивилизации, которой угрожала политика мультикультурализма.

Однако то, что в устах Жан-Мари Ле Пена и его не обремененных классическим гуманитарным образованием сподвижников звучало как призыв «бить му-

123. Marine Le Pen, *Pour que vive la France*, éd. Grancher, Paris, 2012, p.112

124. Joseph Beaugregard et Nicolas Lebourg, *Brunot Mégret le technocrate // Le Monde Magazine*, 23 juillet 2011, pp. 36-39.

сульман, спасти Францию», Марин удалось превратить в достаточно респектабельную концепцию, где хантингтоновское «столкновение цивилизаций» соседствовало с конспирологическими теориями Алена Соралья о заговоре мондиалистов, нити которого ведут на Уолл-Стрит и в лондонский Сити, а нападки на безответственную политику Брюсселя, заполняющего Европу толпами иммигрантов из Третьего мира — с рассуждениями об опасности превращения цветущего разнообразия Европы в унылую унифицированную среду, идеально заточенную под либеральные «четыре свободы».¹²⁵

С приходом к власти в Национальном Фронте Марин Ле Пен критикам движения стало все сложнее обвинять его в ксенофобии. Разумеется, такие обвинения по-прежнему можно услышать — и, надо думать, никогда не переведутся «правозащитники», для которых НФ до конца жизни останется страшным «фашистским пугалом» — но звучат они все более голословно. Марин удалось коренным образом изменить отношение партии к «чужакам» — и сделать это она сумела достаточно простым способом.

«Когда Национальный Фронт говорит о «чужих», большинство его противников полагает, что речь идет о лицах североафриканского происхождения. Однако программа партии предельно ясна в этом пункте. Нет никакой разницы между Белым и Черным, между католиком и ислаμισмом — единственное различие для НФ — это гражданство».¹²⁶

125. Марин Ле Пен достаточно аккуратна, чтобы не подставляться под удар со стороны либеральной критики, но за описываемой ею опасностью «унификации», происходящей на фоне нашествия иммигрантов из стран Третьего мира можно разглядеть намек на концепцию «бескровного цивилизационного геноцида», осуществляемого путем запрограммированного смешения совершенно разных культур и цивилизаций (Р.Н. Куденхоф-Калерги).

126. Alexis Le Castel, *Marine Le Pen n'est pas celle que vous croyez*. Paris, ed. Lulu, 2013, p.15

Нельзя сказать, что это было революционное изменение – как помнит читатель, еще в ранней истории НФ были эпизоды, когда «хорошие арабы» вроде отца и дочери Джеббур становились активистами партии. Но Марин впервые придала критерию гражданства универсальный характер, и это не замедлило сказаться на популярности партии. Теперь за Национальный Фронт голосуют многие иммигранты арабского происхождения, хотя не все они готовы публично заявить о своих политических пристрастиях.

«Около миллиона французов арабского происхождения и мусульманского вероисповедания голосовало за Марин Ле Пен 22 апреля 2012 г., – утверждает Фарид Смахи, бывший член политбюро НФ, – это более чем 15% из тех шести миллионов французов, которые отдали свои голоса президенту НФ (в первом туре, – К.Б.)¹²⁷ Даже если эта оценка завышена, неоспоримым является тот факт, что все больше арабов – граждан Франции – поддерживают Марин Ле Пен и ее партию, а многие стремятся вступить в ряды Национального Фронта.

Утверждая, что французом можно стать «по наследству или по заслугам» (*La nationalité française s'hérite ou se mérite*), Марин последовательно выступает как против «права почвы» (право получения гражданства по рождению во Франции), так и против института двойного гражданства (по официальным данным, пять процентов населения страны в возрасте от 18 до 50 лет обладает двойным гражданством – этот статус имеется у многих выходцев из арабских стран Северной Африки; вероятно, реальная цифра гораздо выше).¹²⁸

127. <http://www.france24.com/fr/20120427-election-presidentielle-marine-le-pen-front-national-fn-vote-etrangers-immigration-temoignages>

128. http://www.lemonde.fr/politique/article/2009/11/23/marine-le-pen-contre-le-droit-du-sol-et-la-double-nationalite_1270645_823448.html

Таким образом, речь не идет о разделении французов на «своих» и «чужих», как бы ни пытались доказать обратное либеральные критики НФ. В то же время доктрина НФ предполагает защиту граждан Франции от не-граждан, а именно, от иммигрантов, стремящихся получить французское гражданство в надежде на финансовую и социальную поддержку. При этом границы между ливийскими рыбаками и румынскими сантехниками официальная программа НФ не проводит, хотя, как мы увидим немного позже, разница все же есть.

Для противодействия демографическому и социальному давлению, которое оказывают иммигранты на французское общество, Марин предлагает принять следующие меры:

- На пять лет сократить число легальных иммигрантов, прибывающих во Францию, в 20 раз (с нынешних 200000 человек в год до 10000);
- Ввести запрет на воссоединение семей, которое позволяет иностранцу, работающему во Франции не менее 18 месяцев, перевезти в страну свою жену (мужа) и детей;
- Значительно сократить число лиц, получающих право убежища, предоставление которого крайне разорительно для госбюджета;
- Отказаться от «права почвы» и кардинально реформировать закон о предоставлении французского гражданства. *«Как могут люди, не умеющие читать и писать по-французски, претендовать на гражданство Франции?»* – спрашивает Марин у своих избирателей;¹²⁹
- Отказаться от Шенгенской системы, что позволит Франции восстановить контроль над своими границами.

129. Alexis Le Castel, *Marine Le Pen n'est pas celle que vous croyez*. Paris, ed. Lulu, 2013, p.16

На вопрос корреспондента израильского канала Jewish News¹, что она сделает прежде всего, если в 2017 г. ее изберут президентом, Марин ответила:

«Восстановлю наши границы, поскольку я убеждена, что мы не можем сейчас быть полноправными хозяевами в собственном доме, если у нас нет ключа от его входной двери. Сейчас у нас ключей нет. Ведь когда-то мы раздали их всему миру».¹³⁰

Ограничив, таким образом, легальную иммиграцию, следует разобраться с иммиграцией нелегальной, масштабы которой во Франции остаются одними из самых высоких в Европе (учитывая протяженную береговую полосу в Средиземноморском регионе). Здесь Марин Ле Пен занимает предельно жесткую позицию: она считает, что нелегальная иммиграция должна быть «сведена к нулю». Она резко критикует стратегию Брюсселя, устанавливающего квоты на распределение мигрантов между странами ЕС, считая, что евробюрократы играют на руку мафии, организующей перемещение беженцев из Северной Африки в Италию и Францию.

«Речь идет о послании, стимулирующем деятельность контрабандистов. Так будет еще больше лодок смерти в Средиземном море, — заявила лидер НФ в Европарламенте после гибели одного из судов, перевозивших в Европу нелегальных мигрантов. — Мы против любых квот, устанавливаемых Брюсселем. Государства суверенны, и каждое имеет право решать, кого принимать».

В качестве примера Марин ссылается на опыт Австралии: ноль нелегальных иммигрантов, ноль жертв у побережья.

«Чтобы устранить угрозу прибытия этих судов, их надо останавливать и разворачивать назад, в пункт

130. <http://www.youtube.com/watch?v=K8fNHizHiCA>

отправления. Если мы так поступим 20 раз, в 21-й раз иммигранты прекратят платить контрабандистам». ¹³¹

Соответствующие службы должны систематически высылать за пределы страны всех, кто попытается нелегально проникнуть на ее территорию. Нелегальным мигрантам и тем, кто их поддерживает, должно быть запрещено участие в любых публичных мероприятиях. Для более эффективной борьбы с нелегальными мигрантами Марин предлагает создать специальное суперведомство – Министерство внутренних дел, иммиграции и секуляризма.

Включение в компетенцию сугубо силового ведомства секуляризма (Laïcité) отнюдь не случайно. Ведь второй (после мондиализма) заклятый враг Марин Ле Пен – это исламский фундаментализм.

Такова была в самых общих чертах идеологическая доктрина, опираясь на которую Марин Ле Пен выставила свою кандидатуру на выборах президента Франции, состоявшихся в апреле 2012 г.

«Третий кандидат»: президентские выборы 2012

«Политическое бюро Национального Фронта на своем совещании в Нантере в понедельник, 16 мая 2011 г., единогласно поддержало кандидатуру президента партии Марин Ле Пен на выборах президента Республики», – сообщила пресс-служба партии в кратком коммюнике. По словам Алена Визье, директора НФ по связям с общественностью, устав партии предусматривал, что решения политбюро достаточно для одо-

131. Anais Ginori, Marine Le Pen "Frontiere chiuse quei barconi vanno respinti" // La Repubblica, 20.05.2015

брения кандидата на президентских выборах — решения ЦК не требовалось.¹³²

Возможно, если бы вопрос был вынесен на всеобщее обсуждение, часть старой гвардии высказалась бы против Марин — хотя всем, даже политическим противникам НФ, было ясно, что лучшей кандидатуры у партии просто нет. Жан-Мари Ле Пен, которому к моменту выборов до 84-го дня рождения оставалось всего пару месяцев, исключил свое участие в гонке. Опросы общественного мнения показывали, что за Марин готовы отдать голоса 21% избирателей, что делало весьма вероятным ее выход во второй тур выборов.

Правда, по какому-то странному стечению обстоятельств, именно после единогласного решения политбюро НФ поддержать ее кандидатуру, уровень поддержки Марин, согласно все тем же опросам, начал падать — и к 25 мая колебался между 17 и 19%, что почти наверняка означало третью позицию в первом туре, и, соответственно, выход из президентской гонки.¹³³ Но Марин сохраняла олимпийское спокойствие: главным событием тех дней оставалось «дело ДСК», главы Международного Валютного Фонда Доминика Стросс-Кана, считавшегося одним из наиболее серьезных кандидатов на пост президента Республики. 14 мая Доминик Стросс-Кан был снят с рейса, вылетавшего в Париж, полицией Нью-Йорка и арестован по обвинению в сексуальных домогательствах к 32-х летней горничной отеля «Софитель» Наффисатуу Диалло, родом из Гвинеи. 19 мая он подал в отставку с поста главы МВФ, а 2 июля Стросс-Кана

132. <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/05/16/97001-20110516FILWWW00642-la-candidature-le-pen-validee-par-le-fn.php>

133. Sondages : Le Pen baisse mais ne s'inquiète pas // <http://www.lejdd.fr/Election-presidentielle-2012/Actualite/En-baisse-dans-le-sondages-en-vue-de-2012-Marine-Le-Pen-ne-s-inquiete-pas-320159>

освободили, поскольку выяснилось, что горничная его оклеветала. Но с беговой дорожки к президентскому креслу ДСК уже столкнули. Таким образом, самый грозный соперник Марин сошел с дистанции еще до начала гонки.

19 ноября 2011 г. Марин обнародовала свой т.н. «президентский проект». Основной акцент был сделан на борьбе против «гиперлиберализма» и мондиализма. Президент НФ выступала за возвращение Франции независимости и суверенитета в сфере внешней политики, финансов, экономики, торговли, культуры, образования, обороны и демографической политики — иными словами, за выход из-под контроля Брюсселя. В социальной сфере — в полном соответствии с опытом, полученным в Па-де-Кале — провозглашалась политика прекращения деиндустриализации промышленных районов, борьба с децентрализацией предприятий, и возвращение к полной занятости рабочих. Кроме того, Марин ратовала за выход Франции из НАТО и возвращение к внеблоковому статусу державы, для которой собственные интересы во внешней политике являются приоритетными (по сути дела, возврат к принципам голлизма).

Более детальную предвыборную программу Марин представила в начале 2012 г. Она предусматривала выход Франции из зоны евро, возвращение к национальной валюте, введение налогов на импортные товары и услуги, снижение объема взносов Франции в бюджет Евросоюза, значительное сокращение иммиграции и репатриация всех нелегальных иммигрантов, борьбу с налоговыми преступлениями и существенное увеличение бюджетов, обеспечивающих функционирование государственных служб (полиции, правосудия, национальной обороны), фундаментальных исследо-

ваний, профессионального образования, увеличение инвестиций в развитие инфраструктуры, в том числе, в Национальную компанию французских железных дорог (SCNF), развитие альтернативных источников энергии, помощь малому и среднему бизнесу, увеличение минимального размера оплаты труда, поддержка здравоохранения для наиболее нуждающихся слоев населения и для населения сельских районов, увеличение расходов на борьбу с болезнями Паркинсона и Альцгеймера и т.д.

В целом, это была наиболее социально-ориентированная президентская программа из всех, что когда-либо выдвигались Национальным Фронтом. Попытка сыграть на классическом поле левых была довольно рискованной, хотя при удачном стечении обстоятельств могла принести Марин ощутимые дивиденды. Она явно рассчитывала отнять часть электората как у социалистов, так и у других левых, образовавшихся т.н. Левый Фронт. В ответ левые (разношерстный конгломерат партий и движений, куда, в том числе, входили и коммунисты) выдвинули своего кандидата – Жан-Люка Меланшона. Последний представлял собой серьезную угрозу для Марин, поскольку претендовал на роль, которую традиционно играл лидер Национального Фронта – роль главного противника и действующей власти, и системной оппозиции. Марин была крайне раздражена этим обстоятельством. Особенно ее задевал тот факт, что Меланшон бросил ей вызов в самом сердце ее «вотчины» – в департаменте Па-де-Кале, где НФ много лет боролся с «мафией социалистов», завоевывая доверие избирателей.

«Дуэли» предшествовала крайне экспрессивная перепалка кандидатов, не особенно стеснявшихся

в выражениях. Начал войну Меланшон, назвав Марин «полусумасшедшей, предлагающей решения, в которые никто не способен поверить». На следующий день Марин саркастически заметила: *«У Меланшона сдают нервы, я понимаю. Как минимум, достойно сожаления, когда того, кто позиционирует себя как защитник рабочих, не принимают всерьез»* (опросы действительно показывали, что за Меланшона готовы проголосовать не более 8% избирателей – но все же не 2%, о которых говорила Марин). Кампанию, которую Меланшон развернул в Лотарингии, Марин сравнила с «фильмом, где главную роль играет великий комик Меланшон». «Перед камерой он угрожает, он изрыгает ругательства, он оскорбляет. Но стоит выключить камеру – и перед нами обаятельный и приветливый мужчина, почти маленький мальчик».

Меланшон выждал почти две недели – и дал залп из орудий большого калибра.

27 января 2012 г., в день памяти жертв Холокоста, в Вене прошел традиционный бал, организованный Корпорацией венских студентов. Марин приняла участие в этом мероприятии, получив личное приглашение лидера австрийской Партии Свободы Ханса-Кристиана Штрахе. Однако еще не успели погаснуть освещавшие бал хрустальные люстры, как левая австрийская общественность обрушилась на Корпорацию венских студентов, обвинив ее в том, что их ежегодная «вечеринка» собирает европейских неонацистов.

Некая организация, именуемая «SOS-Расизм» выпустила коммюнике, в котором заявила: под крылом Корпорации свила гнездо группировка неонацистов, во главе которой стоит третий вице-спикер австрийской Партии Свободы Мартин Граф. Скандал развивался быстро: австрийские левые собрали много-

тысячную демонстрацию, прошедшую по улицам зимней Вены с антинацистскими лозунгами. Комиссия UNESCO оперативно исключила балы из списка нематериального культурного наследия Австрии. А в европейской прессе поднялась мощная кампания против АПС и ее лидера Штрахе (понятно, что Венская корпорация студентов сама по себе мало кого волновала). Досталось и Марин Ле Пен, у которой на носу были президентские выборы.

Естественно, противники президента НФ не могли пройти мимо такого роскошного «подарка». *«Несчастливая Марин ковыляет из одной идиотской ситуации в другую, — прокомментировал ее появление на венском балу Жан-Люк Меланшон. — Она довольно ограниченная особа, без особого чувства юмора или воображения... все время повторяет формулы, которые позаимствовала у других...»*

Марин пыталась сделать хорошую мину при плохой игре. Когда журналисты спрашивали ее, сожалеет ли она о своем появлении на бале в Вене, она отвечала:

«Это дело — скандал чистой воды. Если хоть немного присмотреться к обстоятельствам, то становится ясно, что эти обвинения, которые выдвинули ультралевые группы и получающие от них финансирования ассоциации, такие как SOS Racisme, всего лишь клевета. АПС — это популистская, патриотическая партия, которая выступает против иммиграции и евроцентризма. В Австрии ее поддерживают 30% избирателей».

На 23 февраля была намечена телевизионная дуэль в эфире канала France-2, но Марин поначалу отказывалась вести дебаты с Меланшоном, пока тот не принесет ей публичные извинения. Лидер Левого фронта, не скрывая удовлетворения, объявил, что «Марин струсила». Дебаты все же состоялись, и превратились

в словесное избиение президента НФ. «Оскорбляя меня, вы оскорбляете миллионы французов и 40% рабочих, которые собираются за меня голосовать», — отбивалась она. Возможно, она была права, и на ее стороне действительно были симпатии рабочих, но телеаудитория больше поддерживала Меланшона, который постоянно перебивал ее язвительными репликами. Марин нервничала, допускала большие паузы, в которые опытный Меланшон немедленно вклинивался к большому удовольствию аудитории. *«Я не дискутирую здесь с господином Меланшоном»*, — пыталась Марин уйти от прямого столкновения, но лидер Левого Фронта тут же загонял ее в угол: *«В таком случае, мадам, что же вы здесь делаете?»*.¹³⁴

Теледебаты вызвали резкую реакцию Жан-Мари Ле Пена, который назвал Меланшона «проходимцем» и вызвал его на дебаты, пообещав прилюдно «спустить с него труссы». *«Я всем покажу, кто это такой, кандидат коммунистов, у которого руки в крови до самых локтей»*, — бушевал Менгир. Вызов Меланшон, как и следовало ожидать, проигнорировал, а на «руки в крови» отреагировал: «Да, у коммунистов руки в крови до локтей, но это кровь захватчиков, нацистов и всех, кого они побеждали, отстаивая свободу», — заявил он в эфире канала France 5. Он продолжал нападки на Марин, называя ее «лидером, достойным жалости», и подчеркивая, что во время дебатов она не могла ответить ни на один его вопрос.

Меж тем, рейтинг Меланшона неотвратимо рос: если в феврале 2012 г. за него изъявляло желание голосовать всего 8% избирателей, то за несколько дней до первого тура эта цифра выросла до 15%. Неожиданно высокий рейтинг Меланшона превратил его

134. Six mois d'insultes entre Le Pen et Mélenchon // Le Figaro, 12.05.2012 (<http://elections.lefigaro.fr/presidentielle-2012/2012/05/12/01039-20120512ARTFIG00341-six-mois-d-insultes-entre-le-pen-et-melenchon.php>).

в «темную лошадку» президентской кампании: высказывались предположения, что он изначально шел на выборы, чтобы сыграть роль «третьего кандидата», максимально ослабив Марин Ле Пен.

Марин, разумеется, видела грозившую ей опасность, но поделаться ничем уже не могла. В интервью Le Figaro за месяц до выборов — она обрушилась на Меланшона, назвав его *«частью системы, с которой он, по его словам, ведет борьбу»*.

«Он исполняет роль популиста от социалистов, которому поручено постоянно оскорблять кандидата Национального Фронта. Он хочет создать русло для народного недовольства, и направить его так, чтобы укрепить позиции Франсуа Олланда... Когда я вижу, как Жан-Люк Меланшон набрасывается на меня на пару с главой профсоюза Medef Лоранс Паризо, то говорю себе, что кандидат от «Левого фронта» явно не вызывает беспокойства у воротил нашего бизнеса».¹³⁵

На протяжении всей кампании Марин позиционировала себя как единственную силу, не интегрированную в «Систему». То, что она противостоит «Системе», подчеркивалось в каждом ее интервью этого периода. Когда ей с большим трудом удалось собрать 500 подписей «поручителей», она заявила об этом так: *«После жестокой схватки, Система потерпела поражение в стремлении исключить меня из этой кампании»*. На вопрос журналиста Le Figaro, кого она считает своим «главным противником», отвечала: *«Мой противник — это Система, которая обманывает нас в течение 30 лет, и ложь, которая служит ей лучшим костылем»*.¹³⁶

135. Marine Le Pen «Je suis en résistance contre le système» // Le Figaro, 15.03.2012 (<http://www.lefigaro.fr/lefigaromagazine/2012/03/15/01006-20120315ARTFIG00788-marine-le-pen-je-suis-en-resistance-contre-le-systeme.php>).

136. Там же.

За две недели до первого тура выборов она назвала Меланшона «трижды полезным идиотом»: он полезен Олланду, потому что позволяет избирателям «выпустить пар» в первом туре и увеличить шансы социалистов во втором, он полезен Саркози, потому что ослабляет Олланда в первом туре, и, наконец, он полезен им обоим, поскольку обманывает избирателей, которые считают, что голосуя за него, атакуют систему вместо того, чтобы отдать свои голоса единственному антисистемному кандидату – Марин Ле Пен».¹³⁷

В итоге Меланшон получил 11,10% голосов избирателей; «третьим» он так и не стал, но свою функцию выполнил: результат Марин оказался ниже того, который предсказывали ей опросы общественного мнения. Учитывая то обстоятельство, что голосование за Меланшона носило, в основном, протестный характер, отданные ему голоса были во многом отобраны у лидера Национального Фронта.

Разумеется, фактор Меланшона был не единственным, сыгравшим против Марин Ле Пен на этих выборах. Ее кампания постоянно сталкивалась с финансовыми трудностями, проистекавшими, в частности, из-за проблем с «поручителями» (parrainages). В январе 2012 г., за четыре месяца до выборов, ей удалось собрать менее 300 подписей (из необходимых 500). Многие «поручители», охотно ставившие свои подписи в поддержку Жан-Мари Ле Пена, отказывались сделать то же самое для его дочери, оправдываясь тем, что на них оказывалось давление. Многие мэры городов, выступившие «поручителями» Жан-Мари Ле Пена в 2007 г. публично объявили, что «никогда больше» не станут поддерживать Национальный Фронт.¹³⁸

137. <http://elections.lefigaro.fr/presidentielle-2012/2012/05/12/01039-20120512ARTFIG00341-six-mois-d-insultes-entre-le-pen-et-melenchon.php>

138. <http://www.mediapart.fr/journal/france/180112/parrainer-le-fn-des-maires-disent-plus-jamais>

В итоге, Марин удалось набрать необходимое количество голосов «поручителей» только 13 марта, когда до первого тура выборов оставалось чуть больше месяца. Но на финансовой поддержке кампании это обстоятельство сказалось самым печальным образом. Хотя Марин старалась проводить встречи с избирателями каждую неделю, ей не всегда удавалось арендовать самые вместительные залы, в результате чего ее аудитория чисто количественно уступала аудитории ее конкурентов. Некоторые митинги (в том числе в «заморских департаментах», в Оксерре и Клермон-Ферране) пришлось отменить. Также из-за недостатка средств Марин пришлось отменить «президентскую конвенцию» в Лионе, ограничившись обычным региональным съездом партии.

Все эти факторы обусловили относительно невысокий результат, полученный Марин в первом туре президентских выборов 2012 г. — 17,9% голосов. За нового лидера НФ проголосовало 6 421 426 французов — гораздо меньше, чем она рассчитывала, но больше, чем проголосовало за ее отца на президентских выборах 2002 г. (в первом туре которых Жан-Мари Ле Пен получил 16,86%, а во втором — 17,79%, или 5 524 906 голосов). Но в 2002 г. этот результат позволил Ле Пену-старшему пройти во второй тур, а в 2012 г. лучшего в истории НФ результата на президентских выборах для этого оказалось недостаточно.¹³⁹

139. Во второй тур вышли Ф. Олланд, получивший в первом туре 28,63% голосов, и действующий президент Н. Саркози (27,18%). Во втором туре победу одержал Олланд, получивший 51,64% голосов (против 48,36%, отданных за Саркози).

Глава пятая

КОРОЛЕВУ ИГРАЕТ СВИТА

Успех политики, проводимой Марин Ле Пен с момента получения ей поста президента Национального Фронта, помимо ее собственных — и даже ее противниками не оспариваемых — способностей лидера — обеспечивала и ее команда.

Именно доверенные советники и консультанты Марин обеспечили успех «де-дьяволизации», превратившей Национальный Фронт в третью, а по некоторым критериям даже в первую партию Франции. Именно благодаря им НФ установил прочные союзнические отношения с другими партиями и движениями евроскептического толка за пределами страны. И именно их действия позволили изменить восприятие партии в тех средах, которые до того были однозначно враждебны Национальному Фронту — например, в еврейской общине Франции, или в ЛГБТ-сообществе.

В то же время, несмотря на свои очевидные достижения, команда Марин стала мишенью для критики как со стороны традиционных противников Национального Фронта, так и со стороны старой партийной гвардии, увидевшей в молодом поколении руководителей НФ предателей тех идеалов и принципов, на которых создавалось их движение. Действительно, Национальный Фронт образца 2011-2015 гг. разительно отличается от той партии, которая в 1972 г. возникла из разношерстного конгломерата экстре-

мистских движений вроде группы «Новый порядок» и обломков квазипарламентских объединений вроде Комитета в поддержку Тиксье-Виньянкура. И «винить» за это следует не только саму наследницу Жан-Мари Ле Пена, но и ее соратников, которые последовательно, год за годом, меняли как внешний облик партии, так и ценностную ориентацию ее членов и ее избирателей.

Само присутствие в орбите лидера Национального Фронта целого ряда ярких и непохожих друг на друга фигур выгодно отличает стиль руководства, присущий Марин, от авторитарного подхода ее отца. Проблемой Жан-Мари Ле Пена всегда было нежелание терпеть рядом с собой сильных (хоть в чем-то) соратников; раскол Мегре, помимо очевидного бонапартовского комплекса «второго человека в партии», возжелавшего стать первым, говорит еще и о неумении Ле Пена-старшего наладить коммуникацию с такими яркими индивидуальностями. Единственный соратник, продержавшийся рядом с «Менгиром» еще со студенческих времен — Бруно Гольниш — был, в итоге, фактически предан своим старым другом во время избирательной кампании в НФ в 2010-начале 2011 г. (см. главу 3).

В отличие от отца, Марин Ле Пен не боится окружать себя самостоятельными и сильными политиками, хотя, разумеется, жестко контролирует пределы их самостоятельности. Иногда это приводит к конфликтам: некоторые советники Марин, с которыми она не сошлась во взглядах, покинули ряды Национального Фронта, хотя по-прежнему сочувствуют борьбе «новой Жанны д'Арк». В предлагаемой вниманию читателя главе даны краткие портреты трех действующих советников Марин Ле Пен: Луи Альо, Флориана Филиппо и Валлерана де Сен-Жюста.

Луи Альо: история чистильщика

Нынешний гражданский муж («компаньон») Марин — вице-президент Национального Фронта Луи Альо. Он родился на юге Франции, в Тулузе, в семье строителя-штукатура из Акс-ле-Терм и репатриантки из Алжира (таких во Франции называли «черноногими» — *pieds-noirs*). Дед его по материнской линии был натурализовавшимся алжирским евреем — факт, который Альо никогда не скрывал, и который, напротив, всячески подчеркивал, отбивая нападки на Национальный Фронт, как якобы антисемитское движение¹⁴⁰.

Как и многие дети «черноногих», Альо был чрезвычайно чувствителен к алжирской проблематике — судьба репатриантов, которые вынуждены были покинуть бывшую родину под угрозой уничтожения арабскими борцами за независимость, во многом определила его отношение к таким историческим фигурам, как генерал де Голль и полковник **Бастьен-Тьери**. Первого Альо считал предателем, второго — героем. Его семья голосовала за **Жана-Луи Тиксье-Виньянкура** на выборах 1965 г. и за Жан-Мари Ле Пена — на выборах 1974 г. *«Для нас Жан-Мари Ле Пен был членом большой семьи»*, — вспоминал он в 2011 г.¹⁴¹ Неудивительно, что сам Альо в возрасте 19 лет посещал митинги Национального Фронта. *«На одном из митингов, где выступал Жан-Мари Ле Пен, я столкнулся с ненавистью: ненавистью левых «гуманистов», «толерастов» и «прогрессистов», которые гор-*

140. В 1990 г. в г. Карпантра в Воклюзе было осквернено еврейское кладбище. В вандализме обвинили крайне правых, прежде всего — сторонников НФ. Луи Альо до сих пор считает, что это была преднамеренная операция по дискредитации партии, направленная на «уничтожение Национального Фронта»

141. Dans la famille FN, le gendre.//Liberation, 20.04.11 (http://www.liberation.fr/politiques/2011/04/20/dans-la-famille-fn-le-gendre_730244).

ланили на улицах, воздевая сжатые кулаки и распевая «Интернационал». Это произошло в 1988 г., а в 1990 он вступил в молодежную организацию НФ, где быстро проявились его организаторские способности. Одновременно он серьезно занимался спортом – лыжами, теннисом и регби. Отличные спортивные достижения сочетались с учебой в университете Тулузы, где он в 1997 г. защитил диплом в сфере политических наук. В 1998 г. Альо был избран региональным советником партии по региону Юг-Пиренеи. В том же году, во время внутривнутрипартийного раскола, вызванного мятежом **Бруно Мегре**, он провел серьезную работу по консолидации подведомственных ему партийных отделений и подготовил письмо от имени членов НФ от Верхней Гаронны (одного из департаментов региона Юг-Пиренеи), в котором выражалась полная поддержка Жана-Мари Ле Пена как руководителя партии. Этот шаг не остался незамеченным, и в январе 1999 г. Ле Пен назначил молодого партийного активиста на должность руководителя своего кабинета. На этом посту Луи пробыл совсем недолго, вернувшись в университет, чтобы закончить докторскую диссертацию по гражданскому праву. До 2005 г. он преподавал в университете Тулузы конституционное и гражданское право. Однако в 2005 г. Национальный Совет Университетов отказал ему в праве преподавать – как считает научный руководитель Альо, Жан-Мари Крузатье, исключительно по политическим соображениям.

К этому времени Луи уже был заметной фигурой в Национальном Фронте – в 2001 г. Жан-Мари Ле Пен назначил его координатором своей президентской кампании (главным руководителем которой являлся **Бруно Гольниш**). Он участвовал в написании речей, с которыми выступал кандидат в президенты (что не осталось незамеченным левой прессой – заголовки

вроде «Правая рука Ле Пена преподает в университете Тулузы» появлялись на страницах газет с завидной регулярностью). В частности, именно Альо разработал одну из ключевых тем избирательной кампании Ле Пена по введению «референдумной демократии» во Франции. Уверенность в победе президента НФ была так сильна, что на следующий день после подведения итогов первого тура Альо был назначен главой «президентского комитета», в обязанности которого входила подготовка к принятию Ле Пеном полномочий президента Республики.

Поражение Жан-Мари Ле Пена во втором туре никак не сказалось на партийной карьере Альо: вскоре он стал генеральным секретарем ассоциации *Génération Le Pen* – молодежного движения партии, созданного в 1998 г. Самуэлем Марешалем (мужем Янн Ле Пен), которое с 2000 г. возглавляла Марин. Основной целью движения было сделать НФ максимально привлекательным для молодого поколения французов, и Альо на этом поприще весьма преуспел. У него сложились хорошие рабочие отношения с Марин, которая поставила перед собой задачу по «де-демонизации» партии. Когда Марин избрали депутатом Европарламента (2004 г.), Альо стал ее помощником.

В 2005 г. Альо был назначен генеральным секретарем НФ, сменив на этом посту **Карла Ланга**. Это назначение было воспринято в партии как знак усиления позиций Марин, которая, будучи вице-президентом НФ, уже рассматривалась в качестве возможной преемницы своего харизматичного отца. Говорили даже о «ползучем путче Марин», а сторонники жесткой линии – такие, как Бруно Гольниш и Карл Ланг – не скрывали своего скептицизма в отношении «высочки из Тулузы». Отношения между Марин и Луи в этот

период носили чисто деловой характер, но для всех было очевидно, что Альо *«служит Марин так же преданно, как до этого служил ее отцу»*.

Приход Альо на пост генерального секретаря НФ, ознаменовал начало структурной работы по де-демонизации партии. Опираясь на поддержку Марин, он вычистил из партии наиболее радикально настроенных активистов (за что заслужил от недоброжелателей кличку «Лулу-пурген» и репутацию «сталиниста»). Если перед расколом в НФ, вызванным мятежом Мегре (1998) радикалы составляли около половины партийного ядра, то к 2011 г., когда власть в партии перешла к Марин, их количество — стараниями Альо — не превышало 5%.¹⁴²

В кулуарах ветераны «старой гвардии» НФ шептались: Альо — агент «сионистского лобби», «внедренный» в руководство партии, чтобы вернуть ее в рамки политического мейнстрима. Сам Альо вынужден был оправдываться, подчеркивая, что его дедушка по материнской линии всегда был настроен крайне «антилоббистски» (*«était très antilobbies»*), был атеистом, не имел никаких дел с еврейской общиной и даже запретил хоронить себя на еврейском кладбище. Тем не менее, Альо последовательно (в меру своих сил, разумеется) проводил курс на исключение любых элементов антисемитизма из идеологии партии. *«Антисемитским двусмысленностям нет места в НФ»*, — заявлял он. Когда в 2008 г. Жан-Мари Ле Пен в очередной раз повторил свою печально известную фразу о газовых камерах, как «детали» Второй мировой войны, Альо выступил с заявлением, в котором в обтекаемых выражениях критиковал своего шефа — упомянув, между прочим, что после слов

142. Les numéros deux du FN (4/4) : Louis Aliot, le mariniste. Le Monde, 31.07.2011 (http://www.lemonde.fr/politique/article/2011/07/31/les-numeros-deux-du-fn-4-4-louis-aliot-le-mariniste_1553173_823448.html#F5Ry4acc7dTD8HT7.99).

Ле Пена сотни активистов движения прислали ему, как генеральному секретарю, свои членские билеты — не желая, чтобы их обвиняли в нацизме. Партия не знала такого уже десять лет — последним, кто мог позволить себе критиковать президента НФ, был Бруно Мегре. Ле Пен был в бешенстве. Он объявил, что все партийные кадры на его стороне — «исключая тех, кто непосредственно вовлечен в водоворот этой проблемы» (толстый намек на еврейского дедушку Альо). В ответ Альо заявил, что готов уйти в отставку. Однако Ле Пен был слишком опытным политиком, чтобы не понимать, что подобный ход только принесет молодому генеральному секретарю дополнительные очки. К тому же Альо превосходно справлялся с засевшими в региональных отделениях сторонниками Мегре. Отставка не была принята, и чистка рядов НФ продолжилась — но теперь из партии вычищали и закоренелых антисемитов.

Параллельно он принимал участие в муниципальных выборах, возглавляя избирательный список НФ в Перпиньяне — столице департамента Восточные Пиренеи с населением в 120 тысяч человек. В 2008 г. ему удалось вернуть кандидатов НФ в муниципальный совет Перпиньяна. Популярность Альо в этом «самом испанском городе Франции», весьма велика — в 2014 г. на выборах мэра за него проголосовало 45% избирателей, и только сговор левых (социалистов и коммунистов) отдавших свои голоса кандидату от UMP, не позволили ему занять пост главы городской администрации.

В 2009 г. Марин Ле Пен и Луи Альо стали жить вместе, не скрепляя свой союз формальными узами. С тех пор Альо фигурирует в СМИ как «компаньон» Марин Ле Пен. Иногда его насмешливо именуют «маленьким дружкой Марин» (*le p'tit gars de Marine*), но чаще всего просто «маринистом».

«Ползучий переворот» завершился победой Марин и ее «компаньона». В 2008 г. из партии вышел Карл Ланг, отдавший Национальному Фронту тридцать лет своей жизни. (в 2009 г. он основал свою собственную Партию Франции). В 2011 г. он заявил, что НФ «сбил с пути».

*«С 2007 г. НФ функционировал как структура, где все решения принимались исключительно в семейном кругу. Жан-Мари Ле Пен возглавлял движение, которым управляла его дочь. Сегодня Марин Ле Пен возглавляет НФ, почетным президентом которого является ее отец, а вице-президентом — ее гражданский муж».*¹⁴³

Альо трудно назвать харизматичной фигурой — он «слишком южанин», говорит с довольно заметным акцентом, в партии у него хватает если не врагов, то по крайней мере, недоброжелателей. Осенью 2014 г. в Бордо, где он должен был выступить на пресс-конференции, трое шутников подсыпали вице-президенту НФ в вино слабительного, а в зале, где планировалось мероприятие, выкрутили лампочки. За эту «шалость» двоих пранкеров выгнали из рядов НФ с «волчьим билетом», а еще одному приостановили членство в партии на год.

Тем не менее, именно на Альо возложена важнейшая для руководства партии задача — избавить Национальный Фронт от имиджа антисемитского движения. В декабре 2011 г. Альо совершил неожиданный секретный визит в Израиль: израильские СМИ сообщали, что он купил билет «за несколько минут до вылета» самолета авиакомпании El Al, и прилетел в Тель-Авив в сопровождении единственного телохранителя (это был «полицейский-сионист» Мишель Торис (Michel Thooris), советник по безопасности Ма-

143. Там же.

рин Ле Пен, большой почитатель «Бейтара» и Лиги защиты евреев)¹⁴⁴

С кем именно встречался вице-президент НФ в Израиле – не смогли разузнать даже пронырливые израильские журналисты; однако сообщалось, что *«встречающаяся сторона также была представлена всего лишь одним человеком»*.¹⁴⁵

За месяц до этого состоялась наделавшая много шума встреча Марин Ле Пен с представителями еврейской общины Нью-Йорка в штаб-квартире ООН. Некоторые еврейские общественные деятели проигнорировали приглашение лидера Национального Фронта, но, вопреки распространявшейся в еврейских СМИ информации, далеко не все. Израильской миссии при ООН пришлось даже выступить со специальным заявлением о том, что представитель Израиля в ООН Рон Просор пришел на завтрак с Марин Ле Пен «по ошибке» и ушел, «не притронувшись к еде». Однако по свидетельству самой Марин, они с Просором провели «теплую и дружественную» встречу, причем израильский дипломат прекрасно знал, с кем говорит.¹⁴⁶

Разумеется, в улучшении отношений лидера НФ и влиятельной еврейской общины заслуга не только Луи Альо. Но именно он – внук алжирского еврея – играет в ближайшем окружении Марин Ле Пен роль человека, олицетворяющего новый, дружественный по отношению к еврейскому миру, облик Национального Фронта.

144. <http://www.egaliteetreconciliation.fr/Le-policier-sioniste-Michel-Thooris-organisateur-du-voyage-de-Louis-Aliot-en-Israel-charge-de-l-28278.html>

145. <http://www.newsru.co.il/world/12dec2011/aliot701.html>

146. Le «malentendu» de la rencontre Le Pen/Prosor. Le Figaro. 03.11.2011 (<http://www.lefigaro.fr/politique/2011/11/03/01002-20111103ARTFIG00718-marine-le-pen-rencontre-l-ambassadeur-d-israel-a-l-onu.php>).

Флориан Филиппо: «человек, который знает все»

Второй вице-президент Национального Фронта (всего их пять) — Флориан Филиппо — совсем молод. Он родился в 1981 г. в Круа, на севере Франции, а детство его прошло в Бондю, коммуне, входящей в агломерацию Большого Лилля. По своему происхождению Филиппо, как и Альо, не совсем «стопроцентный» француз: его бабушка была полькой. Отец Флориана — директор школы, мать — учительница. Сам он получил отличное образование: закончил Высшую коммерческую школу в Париже (HEC), считающуюся лучшей бизнес-школой Европы, а также элитную Национальную школу администрации (ENA) — кузницу кадров для государственной машины Франции¹⁴⁷. После окончания ENA работал на довольно высоком посту в генеральной инспекции при Министерстве внутренних дел. Политикой Флориан заинтересовался еще будучи подростком — во времена премьерства Эдуарда Балладюра он, по собственным словам, «пришел в ужас от приватизации», поскольку было очевидно, что «государство что-то теряет» (можно представить, какой была бы реакция Филиппо, окажись он свидетелем чубайсовско-гайдаровских реформ). А к государству в семье Филиппо привыкли относиться с почтением: и мать, и отец Флориана, госслужащие, были *«скорее голлисты»*, *«склонные уважать государство, которое им многое дало»*. Но тут интересен именно сам факт озабоченности юного Филиппо этой проблематикой — Балладюр занимал кресло премьера с 1993 по 1995 г., когда будущему вице-президенту НФ было 12-14 лет.

147. Ее выпускниками были два президента Пятой Республики, семь премьер-министров и десятки высших чиновников страны.

Политические взгляды молодого Флориана можно без всяких натяжек определить как голлистские. «*Де Голль для меня абсолютный эталон*», — заявлял он.¹⁴⁸ Поэтому на первых выборах, в которых он принимал участие (это были выборы в Европарламент в 1999), Флориан голосовал за коалицию, сформированную «**Объединением за Францию и европейскую независимость**» Шарля Паскуа и «**Движением за Францию**» Филиппа де Вилье, и выступавшую за сохранение национального суверенитета и антиглобализм с право-голлистских позиций.

В 2002 г., будучи студентом ЕНА, Филиппо возглавлял комитет Высших Школ¹⁴⁹ в поддержку **Жан-Пьера Шевенмана**¹⁵⁰, выдвинувшего свою кандидатуру на выборах президента республики от партии «**Движение граждан**» (переименованной впоследствии в «**Республиканский полюс**», а после ставшей «**Республиканским и гражданским движением**»). Любопытно, что в это же время, несмотря на свой голлизм, он категорически не поддерживал устраиваемые студентами ЕНА демонстрации против вышедшего во второй тур выборов Жан-Мари Ле Пена: по его мнению, атмосфера, царившая на этих демонстрациях, не была «*ни особо демократической, ни республиканской*».

В мае 2009 г. 28-летний Флориан познакомился с Марин Ле Пен. Произошло это знакомство по инициативе **Поля-Мари Куто**, писателя и политика, избранного депутатом Европарламента от коалиции

148. Florian Philippot, l'énarque qui conseille Le Pen. // L'express, 07.10.2011 (http://www.lexpress.fr/actualite/politique/florian-philippot-l-enarque-qui-conseille-le-pen_1038236.html).

149. Les Grandes Ecoles – высшие учебные заведения, считающиеся более элитными (и дорогими), чем французские университеты

150. У Филиппо и Шевенмана довольно много общего: оба родились в семье учителей, оба являются выпускниками ЕНА, оба работали на высоких должностях в госструктурах. Наконец, оба придерживаются левых взглядов – хотя Шевенман, безусловно, радикальнее.

Паскуа и Вилье, за которую Филиппо голосовал десяти годами раньше. В 2004 г. Куто основал собственное движение «**Суверенистский союз**», а в 2011 создал партию «**Суверенитет, независимость и свободы**» (SIEL), близкую к Национальному Фронту¹⁵¹. Именно Куто пригласил Филиппо на «чашку чая» в здании Европарламента в Брюсселе. Позже Флориан признавался, что обратил внимание на дочь Жана-Мари Ле Пена еще во время европейского референдума о Конституции (2005), но тогда его симпатии были на стороне левых — а конкретно на стороне Жан-Люка Меланшона — в его борьбе против Лиссабонского договора.

У них сразу нашлось много общего: евроскептицизм, для Филиппо закономерно проистекавший из его голлистского уважения к государству («*У меня всегда было ощущение, что я в большом долгу перед государством*» — говорил он позднее), а также особое отношение к социальным вопросам. Как мы помним, Марин Ле Пен получила опыт социальной работы еще в региональном совете Нор Па-де-Кале; что же касается Филиппо, то его левые симпатии (Шевенман, Меланшон) делали его весьма чувствительным к социальной проблематике. «*Все сразу же пошло как надо*», — вспоминал он о своем знакомстве с Марин. Они стали встречаться каждую неделю, и довольно скоро Филиппо завоевал доверие своего будущего босса. Для Марин, которая понемногу собирала свою команду для штурма высшего поста в партии, блестяще образованный и высокоинтеллектуальный чиновник генеральной инспекции МВД был, безусловно, очень ценным союзником.

151. В июне 2014 г. потерял пост президента SIEL из-за разногласий с Марин Ле Пен. Подробнее о роли SIEL в создании коалиции «Объединение темно-синих» рассказывается в пятой главе.

С самого начала Филиппо обозначил круг вопросов, которыми бы ему хотелось заниматься: прежде всего, социальная проблематика и возвращение к суверенному государству. Вопросы иммиграции его не интересовали вовсе, разве что в их экономическом аспекте. Например, как хозяева предприятий используют дешевый труд гастарбайтеров, чтобы снижать зарплаты сотрудникам. Филиппо всячески подчеркивал свою особую позицию внутри Национального Фронта. *«Не надейтесь увидеть фашиста с вскинутой в приветствии рукой, — говорил журналистам его старый школьный товарищ. — Скорее, вы увидите пролетария с Севера Франции. И уж, во всяком случае, не негодяя».*¹⁵²

Впрочем, Филиппо не слишком похож и на пролетария.

«Главный стратег и важнейший советник Марин Ле Пен... спокойный француз, не слишком высокий, не слишком красивый, располагающе молодой. В начищенных до блеска ботинках и хорошо сидящем пальто он выглядит, как выпускник элитарного университета, коим и является», — описывает Флориана Филиппо журналист Spiegel Мэтью фон Рор.

Новое «приобретение» Марин не вызвало всеобщего одобрения в партии. Некоторые советники Жана-Мари считали, что молодой выпускник ЕНА чересчур «технократ». Его коммюнике находили излишне «дидактичными» и «сухими». Один из приближенных Марин Ле Пен сказал журналистам:

«Флориан Филиппо знает все, это невероятно. Он очень полезен. Если вы его спросите, он может немедленно дать вам все цифры, содержащиеся в последнем докладе ОЭСР о производстве целлюлозы или о сексу-

152. FN : Philippot, « l'homme qui sait tout », rejoint Marine Le Pen // Le Nouvelle Observateur, .05.10.2011 (<http://rue89.nouvelobs.com/2011/10/05/fn-philippot-lhomme-qui-sait-tout-rejoint-marine-le-pen-224754>).

альных отношениях муравьев. Но его выступления не заставляют мечтать. Он думает не об избирателях, как о живых людях а о цифрах и статистике. Он не знает, как вдохнуть в текст жизнь. Чего у него нет — так это чувственного видения политики».

«Филиппо — хороший технократ, возможно, блестяще образованный... но я не видел, чтобы он «держал» аудиторию», — подтверждает однокашник Филиппо по Национальной Школе Администрации.

Недоброжелатели обвиняли Филиппо в том, что он «создал вакуум» вокруг Марин Ле Пен. На это Флориан отвечал обычно, что *«большинство тех, кто работал с президентом партии, продолжают с ней работать... было два или три человека, которым пришлось уйти, но не думаю, что это было связано со мной».*

Тем не менее, факт остается фактом: именно Флориан Филиппо остается наиболее раздражающим «старую гвардию» Национального Фронта приближенным Марин Ле Пен. В частных беседах некоторые бывшие активисты НФ говорят, что ушли из партии из-за новых «любимчиков Марин». И Филиппо здесь удерживает «почетное» первое место: не в последнюю очередь, из-за своих сексуальных предпочтений.

Смутные слухи о сексуальной ориентации главного стратега Марин Ле Пен ходили в партии давно, но подозрения особенно усилились после того, как Филиппо отказался участвовать в массовых демонстрациях против закона об однополых браках (2013).

Когда журналисты поинтересовались его сексуальной ориентацией, Филиппо ответил: *«Я никогда не распространяюсь о своей частной жизни. Этого вы никогда не узнаете».*

Однако пронырливые СМИ все-таки раскопали некоторые детали частной жизни вице-президента НФ: в декабре 2014 г. французский таблоид Closer

опубликовал фотографии Филиппо в компании некоего молодого человека с заретушированным лицом. Папарацци выследили вице-президента в Вене, где он проводил уик-энд. Несколько издевательская подпись под фотографией, помещенной на обложку журнала – «ДА» любви для всех!» (Oui à l'amour pour tous!), повторяла лозунг кампании в поддержку однополых браков, проводившейся во Франции накануне принятия закона. Характер фото не оставлял сомнений в том, какого рода отношения связывают Филиппо и молодого человека, личность которого журналисты предпочли скрыть, указав только, что это «французский тележурналист и активист ЛГБТ-движения».

«Аутинг» Филиппо вызвал скандал в партии и вновь оживил приутихшие с лета 2013 г. разговоры о засилье «гей-лобби» в руководящих эшелонах Национального Фронта.

Проблема «гей-лобби» в Национальном Фронте

До прихода к власти Марин Ле Пен партийная позиция по отношению к гомосексуалистам была однозначной: им нечего делать в рядах Национального Фронта. В 1999 г. НФ вел неравную борьбу с ПАКСом (принятым в итоге в ноябре 1999 г.) – комплексом законодательных актов, обеспечивающих минимальные личные и имущественные права парам (как гомосексуальным, так и гетеросексуальным) проживающим вне брака, то есть, по понятиям католиков-традиционалистов, «в грехе». В программе НФ 2001 г. прямо говорилось, что *«Этот закон (ПАКС – К.Б.) принят исключительно в интересах организованного лобби (менее 300000 человек, четверть из которых про-*

*живают в Париже), требующего принятия их девинантного поведения в качестве социальной нормы».*¹⁵³

В 2006 г. риторика несколько смягчилась. В интервью радио BFM Жан-Мари Ле Пен заявил, что вообще ПАКС его не слишком-то и интересует, но *«если эта формула позволяет некоторым людям взаимно заботиться о своих материальных интересах — я не вижу в ней ничего непристойного».*¹⁵⁴

Тем не менее, в вопросе об однополых браках и усыновлении детей гомосексуальными парами, Ле Пен-старший, оправдывая свое прозвище, был негибким, как бретонский менгир. *«Семья — это прежде всего, мужчина и женщина, — заявлял он в том же интервью. — Я против уравнивания полов, против социального моделирования...»*

Но уже в программе НФ 2007 г. никаких выпадов против ПАКСа уже не содержится. Это явно связано с возросшим влиянием «наследницы» — Марин.

По отношению к ПАКСу Марин высказалась следующим образом: *«Это превосходно, особенно для не гомосексуалистов, поскольку ПАКС затрагивает 95% гетеросексуалов, и только 5 — гомосексуалов».*¹⁵⁵

С точки зрения здравого смысла ее можно было понять: поколение, которое она представляла, «банда завсегдатаев ночных клубов», не говоря уже о более молодых кадрах, которые пришли вслед за ней в руководство партии, гораздо чаще сталкивалось с бытовыми и материальными проблемами, возникавшими у пар, живших в гражданском браке, чем старшее поколение, в значительной степени выросшее в атмосфере буржуазных условностей и старой морали.

Выступая против закона об однополых браках, Марин, тем не менее, заявляла, что, в случае избра-

153. Цитируется по: Caroline Fourest, Fiametta Venner. *Marine Le Pen demasquee*. Paris, Grasset, 2012, p. 181.

154. BFM, 21.12.2006.

155. Chat LeMonde, 26.03.2008.

ния ее президентом, не станет аннулировать уже заключенные союзы. Правда, сам закон (подписанный Франсуа Олландом в 2013 г.) пообещала отменить. Да и сама критика закона превратилась в ее трактовке в критику всемогущей европейской бюрократии. *«Вы должны знать, что за эти законы нас заставляет гомосексуальность Евросоюз. Сегодня это Франция, вчера была Испания, а завтра — все страны-члены ЕС будут вынуждены принять закон об однополых браках и разрешить усыновление гомосексуальным парам. Движение, которое я возглавляю, не хочет этого. НФ является носителем идей здравого смысла».*

В конце 2014 г. по позициям защитников традиционных ценностей в рядах Национального Фронта был нанесен очередной тяжелый удар: стало известно, что один из основателей французской правозащитной ЛГБТ-ассоциации Gaylib и бывший секретарь партии Николя Саркози «Союз за народное движение» Себастьян Шеню присоединился к «Rassemblement Bleu Marine», став советником Марин Ле Пен по культуре.¹⁵⁶ Хотя RBM, как пишут французские СМИ, не совсем тождественно НФ, это, скорее «Национальный Фронт-лайт» и «резервная армия Марин Ле Пен», сообщение о решении Шеню все же стало настоящей сенсацией.

Флориан Филиппо (аутинг которого состоялся буквально за несколько дней до этого) горячо приветствовал переход Шеню в ряды ОТС. *«Он присоединился к нам в силу своего патриотизма, из-за беспокойства за Францию, за судьбу Республики»*, — заявил Филиппо, представляя нового партийного активиста.

В интервью изданию Journal du Dimanche сам Шеню заявил, что у них с лидером «Национального

156. <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/front-national-fear-of-gay-lobby-marine-le-pen-appoints-sbastien-chenu-as-cultural-adviser-9924452.html>

фронта» *«много общего, несмотря на расхождение позиций по вопросу однополых браков»*. Он подчеркнул, что особенно сближают его с Марин Ле Пен ее взгляды на социальные проблемы. В то же время, Шеню не отрицает, что увидел в НФ перспективную политическую силу.

«Мне говорят: «вы идиот, и присоединились к идиотам». ОК. Но внимание: эти идиоты становятся все более и более многочисленными. В 2007 г. Сарко откачал голоса НФ. В 2017 г. Марин откачает голоса «Союза за народное движение» в куда больших масштабах».¹⁵⁷

Помимо всего прочего, Шеню обладает большим авторитетом среди французского гей-движения. То, что Марин Ле Пен приблизила к себе эту фигуру, наряду с «аутингом» Флориана Филиппо, вызвало одобрение части ЛГБТ-сообщества Франции. По данным опроса Института социальных исследований (IFOP), 26% парижских гомосексуалистов поддерживают Национальный Фронт (среди столичных гетеросексуалов эта поддержка меньше – всего 16%). А согласно одному из официальных представителей НФ, Лорену Брисе, Марин Ле Пен стала «гей-иконой» для многих гомосексуалистов, придерживающихся правых взглядов.¹⁵⁸

Справедливости ради, надо сказать, что переход Шеню в ряды *Rassemblement bleu Marine* вызвал не только восторги ЛГБТ-сообщества. Правозащитная ассоциация *GayLib* поспешила «выразить свою глубокое огорчение» тем фактом, что один из ее основателей присоединился к ОТС и «предал все ценности и все политические цели, которые он, как предпола-

157. http://www.liberation.fr/politiques/2015/02/20/sebastien-chenu-un-gay-de-la-marine_1206743

158. <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/front-national-fear-of-gay-lobby-marine-le-pen-appoints-sbastien-chenu-as-cultural-adviser-9924452.html>

галось, должен был защищать». Шеню, напомнили представители GayLib, уже не имеет прямого отношения к ассоциации, поскольку он перестал быть ее членом в 2012 г. по собственному желанию.

Тем не менее, в целом переход Шеню, как и аутинг Филиппо, свидетельствуют об очевидных подвижках в отношении к Национальному Фронту, который перестал быть пугалом для секс-меньшинств.

Как справедливо полагает основатель ЛГБТ-журнала *Tête* Дидье Лестрейд, поддержка французским гей-сообществом Национального Фронта связана в первую очередь, со страхом перед растущим числом мигрантов-мусульман, считающихся яркими гомофобами. Сам Шеню, уже став членом ОТС, заявил, что «беженцы из неевропейских стран несут с собой культуру, дестабилизирующую жизнь коренного населения Франции». «Не наше общество должно интегрировать иммигрантов другой веры, напротив, это они обязаны как можно быстрее ассимилироваться на новой территории».

«Цель (назначения Шеню) – повысить шансы Марин Ле Пен оказаться в 2017 году в президентском дворце», – пишет *Journal du Dimanche*. Сегодня процент гомосексуалистов среди французских избирателей трудно оценить, однако за один только 2013 год в стране было заключено свыше 7 тыс. однополых браков. И очевидно, что численность открытых геев будет только расти. К президентским выборам они будут представлять собой серьезную политическую силу.

Однако долгосрочная стратегия, которой руководствовалась Марин, делая своим советником по культуре Себастьяна Шеню, пришлась не по вкусу традиционалистам, по-прежнему представляющим значительную силу в рядах Национального Фронта. Против назначения Шеню выступили многие, в том числе, бывший соперник Марин на выборах прези-

дента партии, Бруно Гольниш, и, что самое неожиданное, «восходящая звезда» движения, Марион Марешаль Ле Пен.

«Коммутатор в штаб-квартире партии в Нантере... раскалился от гневных звонков активистов Национального Фронта», — писала британская The Independent. К скандалу подключилась и Minute, напомнившая своим читателям, что давно подзревала — Марин Ле Пен плотно окружена «голубым лобби». Вспомнили и о том, что генеральный секретарь НФ, Стив Бриуа, герой муниципальных выборов в Энен-Бомон, тоже стал жертвой аутинга (еще в 2013), и, хотя и заявил о том, что не потерпит вмешательства в личную жизнь, не стал опровергать свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. По мнению «Minute», «60 процентов» высших функционеров НФ, приведенных в руководство партией Марин Ле Пен, были гомосексуалистами. Да и провинциальные политики, поддерживающие НФ, тоже оказались не без греха: журналисты Minute раскопали в социальных сетях сообщения о двух однополых браках, которые заключили между собой кандидаты на муниципальные должности, проходившие по спискам Национального Фронта.¹⁵⁹

«Бунт на корабле» удалось подавить — во всяком случае, ни Гольниш, ни Марион Марешаль Ле Пен не стали «раскачивать лодку». Но и совсем без последствий скандал с «гей-лобби» тоже не остался: многие активисты партии покинули ее ряды, не желая идти за лидером, «окружившим себя куртизанами»¹⁶⁰. А жирная точка в этом скандале была поставлена самим Жан-Мари Ле Пенем, который, после конфлик-

159. <http://yagg.com/2014/08/26/minute-peste-contre-les-mariages-gay-au-front-national/>

160. Выражение одного из бывших функционеров НФ, давшего интервью на условиях анонимности.

та с дочерью, закончившегося его изгнанием из партии, посоветовал ей выйти замуж за одного из своих заместителей — Луи Альо или Флориана Филиппо. Поскольку с Альо Марин и так состоит в «гражданском партнерстве», горькая ирония бывшего президента НФ была оценена по достоинству...

Валлеран де Сен-Жюст: дело о сорока миллионах

Как и многие видные деятели крайне правого движения, казначей Национального Фронта Валлеран де Сен-Жюст — питомец того же университета Пантеон-Асса, что и сама Марин Ле Пен. Попавший в Париж из захолустного пикардийского городка, мэром которого был его отец, Валлеран вступил в упоминавшуюся уже Группу Совместной Обороны. *«Мы дрались с «большос» («большевиками», т.е. коммунистами, — К.Б.), — вспоминал он. — Они нас постоянно атаковали. Но GUD был чертовски хорошо организован. Правда, и «большос» были тоже прекрасно организованы».*¹⁶¹

Глубоко религиозный католик-традиционалист, Валлеран де Сен-Жюст участвовал в движении Марселя Лефевра и был активным членом Священнического братства Св. Пия X¹⁶² В 1977 г. он был среди лефевристов, которые силой захватили храм Сен-Николя-дю-Шардонне в V округе Парижа и превратили его в центр служения католиков-традиционалистов. Затем, в 1984 г., вступил в «Всеобщий союз против расизма

161. http://www.liberation.fr/politiques/2013/09/04/wallerand-de-saint-just-se-voit-en-trouble-fete-a-paris_919758

162. Религиозная организация, созданная Марселем Лефевром, и объединяющая католиков-традиционалистов, не принявших решения Второго Ватиканского собора в части реформы богослужения, расширения практики экуменизма, необходимости диалога с иными религиями и иных нововведений.

и за уважение французской и христианской идентичности» (Agrif), основанный Бернардом Антони (в тот момент члена Национального Фронта).

Адвокат по профессии, он работал на Ближнем Востоке, защищая христиан-маронитов в Ливане, затем в Международном трибунале в Гааге, где его подзащитными были сербы. Во Франции он защищал Жан-Мари Ле Пена, Бруно Гольниша, Национальный Фронт и Agrif. «Между 1986 и 1987 г.», по его собственному выражению, Сен-Жюст вступил в ряды Национального Фронта, который в тот момент переживал первую волну «де-дьяволизации», набирая в руководящий эшелон уважаемых людей: тремя годами раньше в НФ вступил старый друг Ле Пена, университетский профессор Бруно Гольниш, в 1987 к движению присоединился будущий «раскольник» Бруно Мегре.

Очень скоро Сен-Жюст стал казначеем партии, членом политбюро и кандидатом от НФ на муниципальных выборах в Париже (1989 г) — правда, безуспешно. Его интеграцию в руководящее звено партии можно было бы расценивать с точки зрения усиления позиций католиков-традиционалистов — но уввы, именно в этот момент борьба за христианские ценности теряет для Сен-Жюста первостепенное значение, и, как пишет журналист Liberation Ким Улло-Гюйе, «он полностью посвятил себя Национальному Фронту».

Главным отличием Сен-Жюста от других членов команды Марин является его возраст: родившийся в 1950 г., он на 18 лет старше самого президента НФ и на добрый тридцать лет — таких функционеров партии, как Флориан Филиппо. Верный соратник Ле Пена-старшего, Сен-Жюст с той же преданностью служит и его дочери. Эта преданность заставила соперника Марин на выборах президента партии,

Бруно Гольниша, заподозрить Сен-Жюста в желании «уничтожить» отца, чтобы заслужить доверие дочери. Сам Сен-Жюст на это ответил: *«Я изменился, времена изменились, Жан-Мари по-прежнему очень важен для меня, но он уже вынесен за скобки»*.¹⁶³

Тем не менее, до недавнего времени он не только не позволял себе осуждать Ле Пена, но и со сноровкой опытного адвоката защищал его от нападков журналистов. Так, в связи с неполиткорректными высказываниями Жана-Мари в адрес гомосексуалистов (в частности, он неоднократно употреблял в эфире слово «*Sidaïque*» – «спидоносец» – производное от SIDA, французской аббревиатуры СПИДа), Сен-Жюст утверждал: *«Sidaïque – это не более, чем слово. У Жан-Мари Ле Пен нет абсолютно никаких проблем с гомосексуалистами. Мы (НФ) относимся к ним так же, как и ко всем прочим человеческим существам. И некоторые, между прочим, думают, что с нами (у власти) их безопасность будет обеспечена лучшим образом»*.¹⁶⁴

(Тут надо заметить, что сам Сен-Жюст был среди тех партийных активистов, кто не участвовал в демонстрациях против однополых браков в 2012-2013 гг. Правда, 2 февраля 2014 г. он все-таки принял участие в грандиозной «Манифестации для всех», в рамках которой на улицы Парижа вышло более 200 тысяч человек).

Однако весной 2015 г. резервы лояльности Валлерана де Сен-Жюста к его бывшему шефу оказались исчерпаны. После приостановки членства Жана-Мари в рядах Национального Фронта в результате очередного скандала, связанного с его заявлениями в поддержку Петена (об этом подробно рассказывается в шестой главе), Сен-Жюст дал интервью

163. http://www.liberation.fr/politiques/2013/09/04/wallerand-de-saint-just-se-voit-en-trouble-fete-a-paris_919758

164. Там же.

французской версии Huffington Post, где высказался предельно жестко: *«Партия не должна быть мишенью для обвинений в расизме и антисемитизме. Сегодня Жан-Мари Ле Пен для «Национального фронта» — как от мертвого осла уши».*

Кроме того, он заявил журналистам, что не будет представлять интересы Ле Пена в случае, если тот захочет судиться с дочерью из-за своего отстранения от партийных функций. К тому же никаких шансов в суде у него не будет, добавил Сен-Жюст: все партийные решения приняты голосованием большинства.

Комментируя высказывание журналиста по поводу того, что Ле Пен остается популярным у публики — в частности, ему аплодировали, когда он появился на первомайской демонстрации, де Сен-Жюст заметил: *«У публики просто сработал рефлекс собаки Павлова — Жан-Мари появился на сцене, первые десять рядов похлопали ему — и все. Он принимает желаемое за действительное. Политика — это будущее и надежды. Активисты партии уже сделали свой выбор между 87-летним Ле Пенем и 47-летней Марин».*¹⁶⁵

В этих словах он весь — предельно прагматичный и расчетливый политик. *«У него аристократический облик, он традиционалист, но история показывает, что он очень открытый человек... сохраняющий олимпийское спокойствие, какой бы ни была ситуация»,* — отзывается о Сен-Жюсте Луи Альо.

Именно Валлеран де Сен-Жюст вынужден был отражать атаку французских СМИ в связи с «разоблачением», опубликованным на специализирующемся на журналистских расследованиях сайте Mediapart¹⁶⁶.

165. http://www.huffingtonpost.fr/2015/05/05/front-national-jean-marie-le-pen-poids-ane-mort-tresorier-wallerand-saint-just_n_7210840.html?ncid=twetlnkfrhpmg00000001

166. Сайт Mediapart создан в 2008 г. бывшим шеф-редактором Le Monde Эдви Пленелем. Журналисты и редакция Mediapart занимают левоцентристскую позицию. С 2011 г. сайт публикует материалы т.н. FrenchLeaks, связанные с глобальным проектом WikiLeaks.

22 ноября 2014 г. Mediapart сообщил, что Национальный Фронт получил кредит в 9 миллионов евро в Первом Чешско-Российском банке, принадлежащем олигарху Роману Попову, якобы «связанному с Кремлем».¹⁶⁷

Эту информацию немедленно подхватили другие французские СМИ (тем более, что статья в Mediapart была доступна только платным подписчикам ресурса), и вокруг НФ начал разгораться полноценный скандал. В этой ситуации Марин Ле Пен посчитала необходимым выступить с разъяснениями, и на следующий же день на страницах Le Monde журналист Абель Местр, считающийся главным экспертом газеты по НФ, опубликовал большую статью с элементами интервью Марин Ле Пен под названием «Марин Ле Пен подтверждает русский кредит для НФ».

Марин подтвердила получение кредита в 9 млн. евро в Первом Чешско-Российском банке, уточнив, что договор о предоставлении ссуды был подписан еще в сентябре. Но подчеркнула, что помимо этого кредита, партия рассчитывает получить в зарубежных банках. *«Мы испытываем острую нужду в средствах, у нас через четыре месяца выборы в советы департаментов, — объяснила она. — А потом еще и региональные выборы, все вместе обойдется не меньше чем в 30 миллионов (евро). Мы располагаем 5 миллионами евро в виде субсидий в год. У нас больше нет никакой недвижимости»*¹⁶⁸. *Мы вынуждены брать кредиты, во французских или зарубежных банках»*.¹⁶⁹

Но почему именно русский банк? Все очень просто. *«Мы забросили крючки везде: в Испании, в Италии,*

167. <http://www.mediapart.fr/journal/france/221114/le-front-national-decroche-les-millions-russes>

168. К этому моменту знаменитый «Пакетбот» был уже продан Валлераном де Сен-Жюстом, который таким образом сумел «заштопать дыру» в партийном бюджете.

169. http://www.lemonde.fr/politique/article/2014/11/23/marine-le-pen-justifie-le-pret-russe-du-fn_4528041_823448.html

в США, в Азии и в России. И с первыми, кто попался, мы и подписали договор, ко всеобщему удовольствию», — объяснила Марин, настаивая на абсолютно законном характере операции.

Ситуацию, при которой французские банки отказываются кредитовать НФ, она охарактеризовала как совершенно возмутительную. Она заявила, что все без исключения французские банки отказываются предоставлять кредиты крайне правым партиям, и только поэтому НФ был вынужден обратиться за займом к иностранным кредиторам.

Согласно Марин, операция с кредитом от Первого Чешско-Российского банка, ни в коем случае не являлась «тайной». Осуществлением ее занимался Валлеран де Сен-Жюст, который должен был доложить партийному активу о проделанной работе на конференции НФ 28 ноября. Таким образом, «разоблачение» Mediapart опередило доклад казначея НФ всего на неделю.

Разумеется, французские СМИ не удовлетворились этим объяснением. Марин стали бомбардировать «неудобными» вопросами: имеет ли этот кредит политическое значение? Может быть, это дружеский жест Кремля? Лидер НФ твердо отвечала: нет, это возмутительные и оскорбительные инсинуации. Как можно считать, что то, что мы получили где-то кредит, будет определять наши приоритеты в международной политике? Национальный Фронт и так на протяжении долгого времени занимает пророссийскую позицию. «Если бы нам предоставил кредит американский банк, мы по-прежнему остались бы верны своей линии».

Le Monde, однако, дала своим читателям понять, что совсем без «руки Москвы» здесь не обошлось. Абель Местр цитирует некоего анонимного «знатока

России, близкого к НФ»: *«Действительно, «Единая Россия» поддерживает с недавнего времени такие же связи с НФ, как и с УМР (Союз за народное движение). Но НФ, тем не менее, не является «братской партией» (для «Единой России», — К.Б.)... Русские крайне уважительно относятся к действующим институтам и иерархии. Однако, Марин Ле Пен все еще не у власти»*.¹⁷⁰

Однако этим дело не кончилось.

Спустя несколько дней интернет-издание EUobserver.com, со ссылкой на все тот же сайт Mediapart, заявило, что в действительности 9 млн. евро — лишь первый транш более значительного кредита, общая сумма которого — 40 млн. евро. «Первый транш кредита в 40 млн. евро был уплачен, — якобы сообщил Mediapart источник в политбюро Национального Фронта. — Транш в 9 млн. евро поступил, будут еще 41 млн.»

Марин Ле Пен тут же опровергла эту информацию, заявив: *«Mediapart потерял голову. Суммы, о которых он говорит, — абсолютная фантазия. «Национальный фронт» получил 9 млн. евро кредита. На этом все»,* — написала она в своем твиттере.

По-видимому, информационная атака на НФ, предпринятая в ноябре, основывалась не на «сливах» неназванных источников из политбюро партии (хотя такой вариант тоже исключать нельзя), а на заявлении советника экономического блока Нацфронта Бернара Моно о том, что потенциальные потребности НФ в период до президентских и парламентских выборов 2017 г. составляют 45 млн. евро.

И тут на первый план выступил Валлеран де Сен-Жюст. Признав, что финансовые нужды партии на ближайшие два года действительно велики (от 35 до

170. Там же.

40 млн. евро), он категорически опроверг сообщения СМИ об увеличении российского займа для НФ до 40 млн. евро.

«40 миллионов евро — это полная ложь. Чуть. Точная сумма, которую я назвал — 9,4 млн. евро», — заявил Сен-Жюст. Он частично подтвердил слова лидера НФ: взять кредит во французских банках невозможно, банки отказывают под предлогом «нежелания финансировать политические объединения». И в этой ситуации согласие Первого Чешско-Российского банка оказалось как нельзя более кстати.

Как опытный адвокат, Валлеран де Сен-Жюст не стал обвинять банки в том, что они отказывают в ссуде Национальному Фронту из-за того, что эта партия является крайне правой. *«Не думаю, — сказал он в интервью каналу BFM. — Во-первых, потому, что дискриминация по признаку политических идей является уголовно наказуемой. Я думаю, что это общее решение, в рамках выбранной банкам стратегии не финансировать политические партии в целом и особенно их кандидатов в ходе предвыборных кампаний».*¹⁷¹

Валлеран де Сен-Жюст — один из тех соратников Марин Ле Пен, кто осуществляет ее связь со старыми французскими элитами, недовольными капитуляцией нынешнего руководства страны перед агрессивным англосаксонским проектом глобализации (подробнее об этом говорится в восьмой главе). Несмотря на то, что он никогда не рвался в первые ряды противников однополых браков, Сен-Жюст вполне может быть причислен к лагерю «традиционалистов» в окружении Марин Ле Пен.

171. <http://www.bfmtv.com/politique/emprunt-russe-du-fn-pourquoi-les-banques-sont-frileuses-avec-les-partis-851432.html>

Глава шестая

БИТВА ЗА ЕВРОПУ

Политическое землетрясение (май 2014)

В отличие от местных и парламентских выборов, на выборах в Европарламент избиратели обычно голосуют больше по велению сердца, нежели кошелька (именно страх обывателя перед возможным сокращением своих доходов является главным тормозом, ограничивающим голосование за партии, занимающие крайние фланги политического спектра). Но именно поэтому выборы в ЕП и являются довольно надежным инструментом для определения господствующих в обществе настроений. Если на выборах в Национальную Ассамблею (июнь 2012 г.) партия получила всего два депутатских мандата (причем сама Марин, в отличие от своей юной племянницы Марион Марешаль Ле Пен, в депутаты так и не прошла), то на выборах в Европарламент в мае 2014 г. за НФ проголосовало 4712461 избирателей (24,86%), что позволило НФ получить 24 кресла в парламенте Единой Европы (на предыдущих выборах в Европарламент (2009 г.) результат НФ был гораздо более скромным — 6,3%, что дало возможность провести в главный законодательный орган Европы всего 3 представителей).

Впервые в истории Национальный Фронт оставил позади главных соперников — Союз за народное дви-

жение и правящую Социалистическую партию. СНД получил 20,8% голосов, а социалисты — всего лишь 13,98%.¹⁷²

«Это политическое землетрясение», — писали газеты. — «На выборах в главный парламент Европы побеждают противники Европейского Союза».

Эпицентром политического землетрясения, испугавшего политические элиты Франции в мае 2014 г., стала маленькая деревня Браше в департаменте Верхняя Марна (регион Шампань-Арденн).

В мае 2014 г. в Браше проживало пятьдесят девять человек. Из них на выборах в Европарламент проголосовало чуть меньше половины — двадцать восемь человек. Из этих двадцати восьми двадцать два отдали свои голоса Национальному Фронту. Еще трое проголосовали за крайне левую партию «Левый Фронт». Остальные поддержали кандидатов от мелких крайне правых партий.

Ни один избиратель в Браше не проголосовал ни за одну из мейнстримных партий — ни за социалистов, ни за Союз за народное движение. Пресловутые UMPs не получили в Браше ни одного голоса.

Прецедент Браше озадачил политических аналитиков и журналистов, привыкших объяснять успехи партии Марин Ле Пен такими «объективными» факторами, как рост преступности в связи с увеличением иммиграции из бедных стран Северной Африки, Центральной Европы и Ближнего Востока, ухудшение экономической ситуации и т.д. В Браше нет иммигрантов (вообще ни одного), нет преступности (последняя кража была совершена здесь более 20 лет назад), нет безработицы, о которой можно было бы говорить. Пятьдесят лет хозяйство Браше поддерживается — прямо или косвенно — из бюджета ЕС. Каза-

172. <http://www.france-politique.fr/elections-europeennes-2014.htm>

лось бы, в Европе не найти места, более подходящего для голосования за мейнстримные партии, поддерживающие курс на углубление европейской интеграции. Но избиратели Браше решительно отвергли проевропейский истеблишмент и проголосовали за Национальный Фронт, а также за другие партии, относящиеся к лагерю евроскептиков.

В поисках ответа на вопрос: почему же НФ получил поддержку подавляющего большинства избирателей спокойного и достаточно благополучного Браше, эксперты предположили, что Браше, как и многие подобные ему поселения, проголосовали за Марин Ле Пен *«не потому, что им непосредственно угрожают преступники или иммигранты, но потому, что они напуганы миром, который они видят на экранах своих телевизоров»*. Таким образом, заключали они, массовое голосование французов за НФ — это «страусиная позиция», голосование за прекрасное прошлое и против настоящего, а тем более туманного и пугающего будущего.¹⁷³

Однако даже скептически относящиеся к победе евроскептиков наблюдатели вынуждены были признать, что и во Франции, и в Великобритании голосование за «крайне правых популистов» инспирировалось не только мистическим страхом перед будущим, но и вполне реальной «смесью антиевропеизма, антииммиграционизма и антиэлитизма».

Результаты, полученные на выборах теми партиями и движениями, которые в той или иной степени относятся к лагерю евроскептиков, оказались беспрецедентно высокими по всей Европе. К числу этих

173. European elections 2014: Marine Le Pen's Front National victory in France is based on anguish, rage and denial // The Independent, 26.05.2014 (<http://www.independent.co.uk/news/world/europe/european-elections-2014-marine-le-pens-national-front-victory-in-france-is-based-on-anguish-rage-and-denial-9436394.html>).

партий относятся как крайне правые, так и умеренные консерваторы, и левые, и крайне левые, а также партии либертарианского толка. В общей сложности, евроскептики получили в Европарламенте примерно 25% всех депутатских кресел.

**Взгляд назад.
Rassemblement Bleu Marine
и муниципальные выборы 2014 г.
(январь 2012 – март 2014)**

От предыдущих избирательных кампаний в Европарламент кампания 2014 г. отличалась еще и тем, что Национальный Фронт выступал не в одиночку, а в составе широкого альянса, получившего название *Rassemblement Bleu Marine* – политической коалиции, объединившей партии и движения, стоящие на платформе суверенитизма. Само название *Rassemblement Bleu Marine* представляет собой игру слов: по-французски «*bleu marine*» – «темно-синий» цвет, цвет глубокого моря. В то же время, *bleu* – один из эмблематических цветов НФ, а *Marine* – имя лидера партии. На русский, впрочем, RBM часто переводят как «Объединение темно-синих» – за неимением более адекватного варианта, передающего второй смысл этого названия, так будем называть его и мы.

Образованию RBM (или ОТС в русском варианте) предшествовала интернет-кампания, которую Марин запустила в январе 2012 г. Тогда во французском обществе активно дискутировался вопрос о дальнейшем развитии законодательства, защищающего интеллектуальную собственность в интернете (по названию создававшейся для их реализации административной службы, законы *HADOPI-1* и *HADOPI-2*).

Впервые эти законы были приняты в 2009 г. по инициативе Н. Саркози; в 2012 г. предполагалось принятие закона HADOPI-3, еще более ужесточающего правила доступа к интернет-контенту. К тому же в январе 2012 г. ФБР закрыло крайне популярную во Франции сеть бесплатных ресурсов (фильмов, музыкальных файлов и т.д.) MegaUpload, а ее создатель Ким Шмитц был арестован и отдан под суд. Функционеры HADOPI горячо приветствовали решение американских властей, одновременно сетуя на то, что у них пока нет таких полномочий. *«Но ничто не мешает правообладателям, обнаружившим нарушения авторского права, пойти в другие инстанции... использовать уголовно-процессуальный кодекс, — заявили они. — Не стоит забывать, что во Франции наказанием за контрафактную продукцию являются три года тюремного заключения и штраф до 300 тысяч евро»*.¹⁷⁴

Марин Ле Пен с самого начала высказывалась против законов HADOPI, отстаивая принцип свободы в интернете. Модернизированный Национальный Фронт активно использовал возможности интернета для налаживания коммуникации со своими избирателями, противопоставляя его традиционным СМИ: *«Пресса должна быть также освобождена от диктатуры идеологической, от давления политических интересов и финансов. По этим причинам мы ревностно будем выступать за свободу в интернете»*.¹⁷⁵ В качестве подтверждения особой роли интернета для кампании партии, Марин Ле Пен запустила в январе 2012 г. «волну морского цвета» (vague bleu marine) в Сети: она попросила своих сторонников разместить на своих личных страничках в социальных сетях спе-

174. Belouezzane S. En France, rien n'empêche une action similaire? // Le Monde, 21.01.2012.

175. Pour lancer sa campagne en ligne, Marine Le Pen s'attaque la Hadopi // Le Monde, 18.01.2012.

циальные бэджи в поддержку Национального фронта.

Организационная структура RBM изначально предполагала несколько уровней управления.

Президентом ассоциации является Марин Ле Пен, генеральным секретарем – писатель и адвокат Жильбер Коллар, не принадлежавший ни к одной политической партии, но бывший председателем комитета в поддержку Марин на президентских выборах 2012 г. Генеральный делегат ассоциации – Жан-Ив Наркин, представляющий Республиканское объединение. Луи Альо и Флориан Филиппо были официальными представителями ассоциации в период парламентских выборов, при этом Филиппо был назначен постоянным представителем (т.е. сохранял свой пост и после окончания кампании). Казначеем RBM был назначен Бертран Дюрей де ла Роше (представлявший партию «Родина и гражданство», а впоследствии ставший членом НФ), а администраторами – Поль-Мари Куто (человек, который в 2009 г. познакомил Марин с Флорианом Филиппо) и Карим Уших – оба из новой крайне правой партии SIEL (название, состоящее из первых букв французских слов *Souveraineté, Indépendance et Libertés* – «Суверенитет, Независимость и Свободы»). Именно на организационном съезде SIEL, 24 марта 2012 г., Марин Ле Пен и объявила о создании новой ассоциации *Rassemblement Bleu Marine*.

8 мая того же года ассоциация была официально зарегистрирована. В нее вошли различные партии, движения и отдельные политические деятели, стоящие на патриотических позициях.

Первоначально коалиция собиралась для участия в парламентских выборах (июнь 2012 г.) В ОТС, помимо НФ и SIEL (первым лидером которого стал

Поль-Мари Куто), вошло движение «Родина и гражданство», возглавляемое бывшим сторонником Шевенмана Бертраном Дютеем де ла Роше. Также в состав ассоциации вошли т.н. «Независимые», представленные Жильбером Колларом, Оливье Эйро (генеральным советником департамента Эн, избранным по спискам СНД), Катрин Блейн и некоторыми другими политиками. Союзниками коалиции стали «Республиканское согласие» Жака Пейра (бывшего мэра Ниццы, до 1994 г. бывшего членом НФ) и «Республиканское объединение» Жан-Ива Наркина. RVM получило также поддержку со стороны малоизвестного движения «Partie de L'In-посепсе» писателя Рено Камю, который, однако, не стал участвовать в организационной структуре коалиции. RVM выдвинуло 572 кандидата, 289 из которых были женщины¹⁷⁶. Это было связано с законом, требовавшим равного представительства представителей обоих полов на выборах. Жан-Мари Ле Пен не упустил случая, чтобы не отпустить ядовитую шпильку в адрес нового либерального руководства НФ: *«Мы отравлены этим идиотским законодательством о партиях... Зачастую мы вынуждены заменять хорошего кандидата дамой не самого высшего качества»*.

Из 577 избирательных округов кандидаты «темно-синих» отсутствовали лишь в 5 «заморских территориях», в том числе, в Гвиане и на островах Полинезии. Увы, консолидация не помогла ни Фронту, ни другим сторонникам суверенитета: даже сама Марин Ле Пен, баллотировавшаяся в Национальное собрание от своей «вотчины» Энен-Бомон, проиграла кандидату от социалистов Филиппу Кемелю (правда, разрыв между двумя кандидатами составил всего

176. http://www.lemonde.fr/politique/breve/2012/05/21/572-candidats-bleu-marine-aux-legislatives-dont-289-femmes_1704955_823448.html

116 голосов). В итоге НФ удалось провести в парламент лишь двух своих кандидатов. Одним из них стала двадцатидвухлетняя племянница Марин, Марион Марешаль Ле Пен, одержавшая победу в департаменте Воклюз на юге страны. Второй депутат от НФ, избранный в Национальное собрание, генеральный секретарь «Объединения» адвокат Жильбер Коллар, победил противника-социалиста в департаменте Гар.

Если на выборах в Национальное собрание «Объединение темно-синих» выступило откровенно слабо (что, впрочем, было предсказуемо: между образованием коалиции и выборами прошло чуть больше месяца), то к выборам в Европарламент 2014 г. его лидеры и активисты успели подготовиться.

Начиная с 2013 г. Марин начинает активно посещать провинциальные департаменты и проводить многочисленные встречи с избирателями. Это называлось «кампанией сближения» и «туром по забытой Франции»: целью этих поездок и встреч было установление контактов с потенциальными сторонниками и активистами НФ в сельских и городских районах, не охваченных до того партийной пропагандой. Местные партийные сети никогда не были сильной стороной НФ; там же, где партия вкладывала ресурсы и силы в создание локальных ячеек и связывала их между собой, результаты, как правило, оказывались превосходными: это касается, например, департамента Воклюз на юге, и уже неоднократно упоминавшегося Па-де-Кале на севере. Основной задачей этих поездок была подготовка к муниципальным выборам 2014 г., которые прошли в марте.

Результаты муниципальных выборов оказались, тем не менее, довольно скромными — 7% в первом туре, 6,8% во втором. В первом же туре НФ удалось

одержат блестящую победу в Энен-Бомоне: здесь мэром стал Стив Бриуа.

«Это исторический момент, — заявил он после победы. — Я хочу посвятить его тем, кто лишен права голоса, народу Франции, которому масс-медиа и политическая система ежедневно выражают свое презрение. Я хочу сказать всем землякам: мы не предадим вас, мы станем образцом!. Нужно покончить с социалистической системой во всей Франции. Социалисты разрушают нашу экономику, ухудшают безопасность, оскорбляют нашу идентичность. И эту страницу, друзья, надо перевернуть по всей Франции».

В столице Прованса Авиньоне кандидат от НФ Филипп Лоттьо в первом туре вышел вперед, незначительно опередив кандидата-социалиста Сесиль Ээль (29,63% против 29,54%). Это немедленно вызвало громкий скандал: директор знаменитого Авиньонского фестиваля, одного из самых важных театральных форумов мира, Оливье Пи — придерживающийся крайне левых взглядов, и, кроме того, являющийся открытым геем — заявил, что не будет продолжать свою деятельность в городе, которым руководят сторонники Марин Ле Пен. В случае, если Лоттьо одержит победу, добавил Пи, он потребует от Министерства культуры Франции перенести фестиваль в какой-нибудь более демократический город.

В Перпиньяне, городе с населением в 120 тысяч человек, в первом туре борьбы за кресло мэра уверенно лидировал гражданский муж Марин Ле Пен Луи Альо. За него проголосовало 34,18% избирателей, в то время, как за действующего мэра города Жан-Марка Пужоля (СНД — СДН) — всего 30,67%.

В Марселе кандидат НФ Стефан Равье пришел вторым, отстав от бессменного правого мэра Жан-Глода Годена и опередив кандидата-социалиста. Все-

го в первом туре партия Марин Ле Пен обеспечила себе 472 муниципальных мандата по стране, а также прошла во второй тур в 315 коммунах.

«Я считаю, что это, прежде всего, конец биполяризации французской политической жизни, — заявила Марин Ле Пен после обнародования итогов первого тура. — Национальный Фронт показал себя как внушительная и самостоятельная политическая сила — не только на национальном, но и на местном уровне. Я думаю, это одно из открытий этого дня голосования. В самом деле, неожиданное первое место в таких крупных городах, как Авиньон или Перпиньян... показывает, что Национальный Фронт укрепляется на местах с результатом самой лучшей марки».

Итоги второго тура значительно скорректировали радужные прогнозы лидера НФ. В Авиньоне страхи Оливье Пи оказались напрасными — во втором туре Сесиль Эльль, используя классическую мантру левых «не дадим фашистам прийти к власти» получила 47,7% голосов и стала мэром; Филиппу Лоттьо, получившему 35% и кандидату от СНД Бернару Шоссегро (17,50%) пришлось уйти в оппозицию. В Перпиньяне Жан-Марку Пужолу отдали голоса социалисты, и он в результате обошел Луи Альо почти на 11% — 55,11% против 44,89 у кандидата НФ.

Тем не менее, кандидатам НФ удалось «завоевать» мэрии **Бокэра** в департаменте Гар (Жюльен Санчес), **Безье** (Робер Менар) в департаменте Эро, **Коголена** (Марк-Этьенн Лансад) и **Фрежюса** (Давид Рашлин) в департаменте Вар, **Аянжа** (Фабьен Энгельманн) в департамент Мозель, **Ле Понте** (Жорис Эббар) и **Камаре-сюр-Эг** (Филипп де Борегар) в департаменте Воклюз, **Мант-ла-Виль** (Сириль Нот) в департаменте Иль де Франс, **Ле Люк** (Патрисия Зирилли) в депар-

тамент Вар, и **Виллер-Котре** (Франк Бриффо) в департамент Эна.

Еще один город, доставшийся крайне правым — **Оранж** в департаменте Воклюз, но его мэр, Жак Бомпар, один из основателей Национального Фронта, вышел из партии в 2005, заявив, что не согласен с авторитарным стилем руководства Ж.-М. Ле Пена (впрочем, с Марин он тоже не сошелся из-за ее «государственнических идей» и повышенного внимания к социальным вопросам)¹⁷⁷. В городе **Боллен** мэром стала жена Жака Бомпара, В целом же выборы очередной раз доказали, что там, где НФ вступает в союзы с другими партиями и движениями, пусть даже не самыми мощными — шансы на успех у его кандидатов резко увеличиваются. Примером могут служить выборы в Безье, где кандидат от НФ Робер Менар был поддержан партией «Вставай, Республика!» Николя Дюпона-Эньяна, «Движением за Францию» Филиппа де Вилье, и «Объединением за Францию» Николя Стоке. В целом же Национальному Фронту удалось провести в муниципалитеты Франции 1544 советника.¹⁷⁸

Это был безусловный шаг вперед. И, несмотря на то, что системные эксперты, такие, как сотрудник Центра европейских исследований Флорен Гугу, отрицали «исторический прорыв» НФ, утверждая, что партия всего лишь вернулась к уровню 1995 г., (это, конечно, было не так: в 1995 г. НФ удалось сделать мэрами трех своих представителей — Ж.-М. Ле Шевалье в Тулоне, Жака Бомпара в Оранже и Даниель Симонпъери в Мариньяне. Правда, тогда это воспри-

177. Сам Жан-Мари Ле Пен в интервью изданию Le Province обвинил Бомпара в том, что он неоднократно пытался претендовать на пост президента партии.

178. <http://www.leparisien.fr/municipales-2014/resultats/municipales-les-chiffres-definitifs-du-second-tour-donne-le-fn-a-6-75-04-04-2014-3740973.php>

нималось как сенсация, поскольку партии первый раз в своей истории удалось провести в главы муниципалитетов своих представителей).

В то же время эксперты вынуждены были признать, что граница между электоратом классических правых и электоратом крайне правых не является больше непроницаемой, и что те, кто голосует за СНД и СДН, уже не колеблются, когда голосование за кандидата от НФ позволяет одержать победу над представителем левых партий.¹⁷⁹

Европейский прорыв (май 2014)

То, что успех НФ на муниципальных выборах был не случайным явлением, стало ясно уже через несколько месяцев, в мае 2014 г. Подготовительная работа, проведенная *Rassemblement Bleu Marine* перед муниципальными выборами, принесла свои плоды.

Новая стратегия партии, предусматривавшая, помимо всего прочего, союзы с другими партиями и создание коалиций, оказалась чрезвычайно эффективной. Кроме того, Марин Ле Пен расширила эту практику за пределы собственно Франции: в преддверии европейских выборов она провела переговоры с лидерами политических партий некоторых стран Евросоюза. В январе 2014 г., например, был заключен альянс НФ с итальянской Лигой Севера, что положительно повлияло на динамику голосования в южных регионах Франции.

Победе Национального Фронта предшествовала хорошо подготовленная и грамотно продуманная

179. <http://www.mediapart.fr/journal/france/120414/la-frontiere-des-electorats-ump-et-fn-n-est-plus-etanche>

совместная кампания НФ и RVM, слоганом которой стало «**Нет – Брюсселю, Да – Франции!**». Лидер партии Марин Ле Пен в ходе кампании постоянно сравнивалась с национальной героиней Франции Жанной д'Арк, которая с 1988 г. считается покровительницей Национального Фронта. Так, на митинге 1 мая, проходившего у памятника Жанне д'Арк на площади Пирамид, Жан Мари Ле Пен выступил с речью в поддержку своей дочери и преемницы, которой предстояли выборы в Европарламент. *«Жанна получила свыше миссию освободить Францию от английской оккупации, – заявил он. – Марин здесь, чтобы освободить Францию от ига Брюсселя».*

Вторым фактором, обусловившим впечатляющий успех НФ на выборах в Европарламент стала успешная политика «де-демонизации». На протяжении нескольких лет Марин Ле Пен последовательно избавляла Национальный Фронт от имиджа «расистской» партии, не отступая при этом от жесткого неприятия массовой иммиграции, прежде всего, из мусульманских стран. *«Франция не должна превратиться в халифат!»* – повторяла она. Тем не менее, из радикальной и экстремистской партии, которую системные политические движения совместными усилиями держат на задворках политической жизни, НФ должен превратиться в «великую республиканскую партию». На знаменах НФ теперь были начертаны республиканские ценности, освященных многовековой борьбой французского народа – свобода, равенство, братство и социальная справедливость. Либералы и социалисты, выступающие за общечеловеческие ценности, толерантность и мультикультурализм, в трактовке идеологов НФ превратились во врагов Республики, готовых предать ее идеалы ради расплывчатого европейского проекта. Если прежде НФ был в основ-

ном партией отрицания — не важно, иммиграции или «нового социализма» Брюсселя — то теперь в его политической платформе появились мощные позитивные ноты — партия Марин Ле Пен готова встать на защиту «Франции милой», преданной и проданной как социалистами Олланда, так и правыми из Союза за народное движение. Отсюда, разумеется, и образ Жанны д'Арк, архетип женщины — спасительницы погибающей Родины.

В-третьих, при новом партийном руководстве Национальный Фронт стал активно играть на традиционном поле левых — в области социальных реформ. Когда Николя Саркози провел пенсионную реформу, которая должна была «мобилизовать активное население для встряски экономики», Марин выступила с резкой критикой этих нововведений. По ее словам, нехватку бюджетных средств можно было компенсировать, не увеличивая продолжительность работы каждого человека, а сокращая расходы на социальную адаптацию иммигрантов, саму иммиграции и на участие Франции в глобальных социальных проектах ЕС. Агрессивной критике со стороны НФ подвергается и социалистическое правительство Франсуа Олланда, который, с точки зрения Марин Ле Пен, озабочен не благосостоянием граждан Франции, а выполнением директив Брюсселя.

«В этой стране не Франсуа Олланд решает, а раньше решал не Николя Саркози. Решает Брюссель. Оттуда нам любой ценой навязывают все эти меры экономики, как Греции, Испании или Италии».

В итоге, к майским выборам 2014 г. в Европарламент Национальный Фронт подошел как самая популярная партия страны, за которую голосовал не только его традиционный электорат, но и многие из-

биратели, ранее отдававшие свои голоса социалистам и даже коммунистам.

По мнению Джослина Эванса, профессора политологии Университета Лидса, «победа НФ основывается на генеральной репетиции муниципальных выборов в марте, когда стало ясно, что партия наконец поняла, как наиболее эффективно использовать свой ресурс и максимизировать электоральную прибыль. Марин Ле Пен и ее партийное политбюро добились присутствия партии на национальном уровне, которого НФ был лишен все предыдущие 42 года»¹⁸⁰.

Эванс предполагает, что опираясь на победу на выборах в Европарламент, на фоне наиболее непопулярного президента в истории Пятой Республики, и оппозиции, которая по-прежнему слаба и не готова к серьезной политической борьбе, Национальный Фронт имеет все шансы увеличить свою поддержку на парламентских выборах внутри страны до 20% или даже несколько больше. Справедлив ли его прогноз, станет ясно в 2017 г., но результаты последних по времени выборов в советы департаментов (март 2015 г.) показывают, что устойчивый электорат НФ внутри страны насчитывает от 22 до 25% активных избирателей.¹⁸¹

Борьба в Европарламенте: подножка Фараджа.

Триумфально выиграв выборы в Европарламент и проведя туда 24 делегата (при национальной квоте в 74 кресла), Марин Ле Пен вполне могла рассчитывать

180. <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2014/05/26/european-parliament-election-results-our-experts-react/#One>

181. О департаментских выборах 2015 г. подробно рассказано в последней главе книги.

на пост лидера крупнейшей фракции крайне правых евроскептиков. Однако на пути к созданию собственной парламентской группы ей пришлось столкнуться с целым рядом препятствий.

В то время, как европейские СМИ нагнетали алармистские настроения, интерпретируя результаты выборов в Европарламент как «шок» и «начало конца» Евросоюза, большинство экспертов пыталось объяснить растущую популярность крайне правых, националистов и евроскептиков, получивших столь массовую поддержку. Самым расхожим объяснением была связь триумфа евроскептиков с экономическим кризисом, первая волна которого накрыла мир в 2008 г.

«Голосовать ходят, прежде всего, недовольные, а таких в охваченной кризисом Европе недостатка нет. Противники политики экономии, эффектов глобализации и «диктатуры» Брюсселя мобилизуются по всему Евросоюзу. Заключаются антиеэсовские наднациональные союзы. В связи с этим европолитики предвидят ... повышение уровня явки на выборах! Означает ли это что в Европарламенте будут доминировать евроскептики? Может быть», — заявляла евродепутат от польского «Союза демократических левых сил» Лидия Герингер де Этинберг¹⁸².

Но правы в итоге оказались те эксперты, которые высказывались в том смысле, что несмотря на отдельные успехи крайне правых и евроскептиков, ждать каких-то революционных перемен в европейской политике не приходится. «Антиевропейские силы», безусловно, упрочили свое положение в главном законодательном органе единой Европы, но не достигли того уровня представительства, который позволяет реально влиять на процесс принятия решений.

182. http://www.tokfm.pl/blogi/lidia-geringer/2014/05/poczatek_konca_ue_/1

В предыдущем составе Европарламента депутаты правого толка входили как во фракцию «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР), представлявшую собой лагерь умеренных евроскептиков (например, депутатов от британской Консервативной партии, так и в более радикальную фракцию «Европа за свободу и демократию» (ЕСД), объединявшую крайних еврофобов из UKIP и итальянской Лиги Севера¹⁸³. В целом, по итогам выборов 2014 г. обе эти группы несколько увеличили свое представительство в Европарламенте — ЕКР во главе с британцем Сайедом Камалем с 53 депутатских мандатов до 70, ЕСПД, возглавляемая британцем Найджелом Фараджем — с 34 до 48. Однако общее количество евроскептиков, как правого, так и левого толка, в нынешнем Европарламенте значительно превосходит число депутатов в обеих фракциях. И что самое главное — сенсационные результаты, полученные Национальным Фронтом на европейских выборах в мае 2014 г. сделали крайне актуальным задачу образования новой фракции крайне правых — фракцию, во главе которой должна была встать Марин Ле Пен. Однако реализовать это оказалось не так-то просто.

Подготовка к созданию групп и фракций в новом составе Европарламента началась задолго до самих выборов. В октябре 2013 года лидеры нескольких крайне правых партий из различных стран ЕС объявили о своём намерении создать предвыборный альянс, а в случае попадания в парламент, депутатскую группу в Европарламенте. У истоков альянса стояли

183. В новом составе Европарламента Лига Севера вышла из состава ЕСД и присоединилась к альянсу Марин Ле Пен (до июня 2015 г. неформальному). В состав ЕСД, напротив, вошли представители итальянского Движения Пяти Звезд, после чего группа изменила свое название на «Европа за свободу и прямую демократию», а ее сопредседателем стал евродепутат от Движения Пяти Звезд Давид Борелли.

французский Национальный Фронт Марин Ле Пен, Австрийская Партия Свободы Хайнца-Кристиана Штрахе и «Фламандский интерес» из Бельгии. Потенциальными участниками рассматривались, прежде всего, британская UKIP, итальянская Лига Севера, «Шведские демократы» и нидерландская Партия Свободы Герта Вилдерса.

Отказ второго крупнейшего победителя выборов в Европарламент — лидера Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP) Найджела Фараджа — объединяться с Марин Ле Пен оказался для президента Национального Фронта не просто досадной неожиданностью, а в полном смысле этого слова крахом всех надежд на создание собственной фракции. «Шведские демократы» также не выразили желания входить в альянс с Национальным Фронтом: после выборов их лидер, Йимми Окессон, заявил, что две партии, с которыми он хотел бы сотрудничать в ЕП — это Датская народная партия и британская UKIP. В итоге «Шведские демократы» вместе с UKIP остались в группе «Европа за свободу и прямую демократию», которая после выборов 2014 г. стала насчитывать 45 депутатов. Простой расчет показывает, что одни только евродепутаты от НФ (и от *Rassemblement Blue Marine*) увеличили бы эту группу до 69 человек, что сделало бы ее третьей по величине группой в Европарламенте (Европейской народной партией и Партией европейских социалистов). Однако из-за жесткой позиции Найджела Фараджа объединение не состоялось.

Официально озвученным поводом для отказа вступить в политический альянс с Марин Ле Пен стал якобы характерный для ее партии антисемитизм. «*Антисемитизм у нее (Марин) в крови*», — заявил Фарадж, намекая на сомнительные шутки Ж.-М. Ле Пена.

Если в отношении Ле Пена-старшего подобные обвинения были частично справедливы, то после всех усилий, которые Марин Ле Пен приложила, чтобы избавить НФ от имиджа «расистской» и «антисемитской» партии, выслушивать такое ей было наверняка очень обидно. К тому же, несмотря на явную угрозу своим планам по созданию группы в составе Европарламента, Марин Ле Пен отказалась от союза с такими партиями, как «Золотая Заря» (Греция), «Йоббик» (Венгрия), а также «Конгресс новых правых» (Польша), лидер которой, Януш Корвин-Микке, также не раз позволявший себе неоднозначные высказывания на тему истребления евреев во время Второй мировой войны, был совсем не против объединиться с Национальным Фронтом.

В довершение всех неприятностей Марин Ле Пен, Фарадж торжественно принял в свою фракцию ветерана Национального Фронта Жоель Бержерон, которой угрожало исключение из партии за поддержку предложения о предоставлении права нерезидентам ЕС голосовать на местных выборах. В лагере Фараджа праздновали победу: Бержерон была членом НФ 42 года, с момента его основания. Пресс-релиз, выпущенный ЕСПД, утверждал: «Она присоединилась к Национальному Фронту, питая большие надежды, но поняла, что их философия кардинально отличается от ее собственной... Жоель Бержерон присоединилась к нашей фракции как независимый депутат, как англофилка, считающая себя демократом и уважающая различия между нациями».¹⁸⁴

Марин не смогла сдержать своего раздражения. В интервью Le Figaro она обвинила Фараджа в «грязном политическом трюкачестве» и добавила: «Я хочу

184. <http://www.euractiv.com/sections/eu-elections-2014/le-pen-candidate-joins-farages-new-efd-group-302906>

*сказать мистеру Фараджу: незаконно приобретенный товар, в конце концов, пойдет вам не на пользу».*¹⁸⁵

Конечно же, дело было в том, что согласившись на формирование общей с Марин Ле Пен фракции крайне правых евроскептиков в новом Европарламенте, Фарадж мог потерять как часть своего авторитета (в конце концов, он получил на выборах даже больший процент голосов, чем президент Национального Фронта – 27,49%), так и немаленький кусок пирога – дополнительным финансированием от Еврокомиссии, на которое он рассчитывал как лидер собственной фракции, пришлось бы делиться с француженкой.

То, что позиция Фараджа была проявлением типичного британского лицемерия, стало очевидно в октябре 2014 г., когда «пророчество» Марин сбылось совершенно неожиданным образом. 16 октября Ивета Григуле – депутат от латвийского Союза зеленых и крестьян – без объяснения причин покинула группу Фараджа, тем самым развалив ее. По правилам Европарламента, в парламентской фракции должно быть не менее 25 депутатов из 7 стран ЕС. Без Григуле – единственной представительницы Латвии в ЕСПД – в группе Фараджа все еще оставалось 44 человека, но только из 6 стран.

Журналисты сразу же предположили, что Григуле вышла из состава группы не просто так, а в обмен на какие-то посулы со стороны руководителей Европарламента. И действительно, очень скоро Григуле заявила, что «разочарована» сотрудничеством с евроскептиками, которые, например, «демонстративно поворачиваются спиной к флагу ЕС». После этого она очень быстро была назначена специальным предста-

185. Цитируется по: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/french-farright-leader-marine-le-pen-blames-ukips-nigel-farage-of-political-dirty-tricks-as-she-fails-to-form-bloc-in-eu-parliament-9560658.html>

вителем Европарламента в Средней Азии (непыльная и довольно прибыльная синекура).

Весьма вероятно, что вся «операция» с Григуле была задумана опытными аппаратчиками Европарламента с целью максимально ослабить позиции евроскептиков. Правда, существовала серьезная опасность усиления Марин Ле Пен, к которой могли присоединиться остатки разгромленной группы Фараджа.

В этой непростой ситуации лидер УКІР мгновенно «забыл» о своих принципах. Уже 20 октября он объявил о восстановлении группы ЕСПД, в состав которой вошел... представитель того самого Конгресса новых правых Януша Корвина-Микке, с которым не решалась блокироваться даже Марин Ле Пен. Сразу после оглашения результатов выборов депутаты из «Конгресса Новых правых» изъявляли желание присоединиться к создаваемой Марин Ле Пен фракции, однако Национальный Фронт отклонил их предложение, сочтя польскую партию «слишком экстремальной». Присоединившегося к ЕСПД польского евродепутата звали Ярослав Ивашкевич, и он был единственным из представителей КНП, который согласился на союз с Фараджем (остальные евродепутаты от КНП – сам Корвин-Микке, Станислав Жолтек и Михал Марусик предпочли остаться независимыми). Как сообщали польские газеты, договор между КНП и ЕСПД был заключен лишь для того, чтобы фракция Фараджа удалось сохранить официальный статус группы.

Таким образом, Марин Ле Пен не удалось воспользоваться временным поражением Фараджа. В результате и депутаты от НФ/ОТС, и от их союзников – нидерландской Партии Свободы Герта Вилдерса, австрийской Партии Свободы Хайнца-Кристиана Штрахе, итальянской Лиги Севера и бельгийского

«Фламандского интереса» были вынуждены довольствоваться статусом т.н. «non-inscrit», то есть депутатов, не присоединившихся ни к одной группе. Слабость этого неформального альянса заключалась не только в недостатке финансирования, но и в сложных отношениях, сохранявшихся между его членами. Например, АПС Х.-К. Штрахе активно сотрудничала с Фламандским Интересом (Бельгия) и пангерманистскими общественными движениями ФРГ, но была «в контрах» с Нидерландской партией свободы, лидер которой, Герт Вилдерс, неоднократно заявлял, что политика АПС «имеет явное сходство с политикой национал-социализма».

Для участия в распределении постов в Европарламенте претендентам требовалось зарегистрировать политическое объединение до полуночи 23 июня.

24-го июня Национальный Фронт выпустил заявление, в котором говорилось, что не объявил о создании фракции до установленного срока из-за нежелания идти на союз с партиями, разделяющими «неприемлемые» для НФ ценности.

В тот же день британская The Guardian не без скрытого злорадства сообщила, что *«планы европейских крайне правых попытаться саботировать ЕС изнутри потерпели поражение после того, как Марин Ле Пен и Герт Вилдерс... не сумели получить достаточно союзников для того, чтобы стать единой фракцией в новом ЕП... в результате им было отказано в щедром финансировании, дополнительном регламенте для выступлений и позициях в ключевых комитетах»*.¹⁸⁶

Наблюдатели отмечали, что Ле Пен и Вилдерс с легкостью набирали необходимые для создания фракций 25 депутатов (только от НФ в Европар-

186. <http://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament>

ламент прошло 24 парламентария), но могли рассчитывать лишь на пять стран, в то время, как для образования фракции необходимо заручиться поддержкой партий из семи государств ЕС. Некоторые указывали, что драматическую роль сыграл провал крайне правых в Словакии – «Нашу Словакию» политтехнологи Национального Фронта рассматривали в качестве потенциального союзника в ЕП, но партия Мариана Котлебы получила на выборах в ЕП всего лишь 1,73% голосов. С лидером «Конгресса Новых правых» Корвином-Микке Марин Ле Пен отказалась сотрудничать, заявив что *«его слова, его политические взгляды противоречат нашим ценностям... Мы предпочли пожертвовать созданием группы в данный момент, чтобы не связывать себя с людьми, которые не разделяют наших ценностей и наших политических планов»*. Британская пресса намекала, что истинной причиной отказа Марин Ле Пен и Герта Вилдерса сотрудничать с польскими крайне правыми явилась неприязнь, которую лидеры НФ и Партии свободы питают к иностранным рабочим, отнимающим хлеб у западноевропейцев. Согласиться с этим сложно.

Главный объект критики НФ – не столько все гастарбайтеры в целом, сколько мигранты-мусульмане, которым в позитивном ключе противопоставляются «белые мигранты», в том числе из Восточной Европы. Герт Вилдерс также занимает крайне антимусульманскую, произраильскую позицию, но достаточно лоялен к восточноевропейцам. Также не вполне понятно, почему, отвергая союз с поляками из-за неприязни к «польским водопроводчикам», НФ и Нидерландская Партия Свободы были готовы сотрудничать со словацкими крайне правыми из «Нашей Словакии». Скорее, помимо «пронацистских» высказываний Януша Корвина-Микке, негативную роль могла сы-

грать антифеминистская позиция Конгресса новых правых, неоднократно высказывавшегося за отмену права голосования для женщин. Подобный «мачизм» совершенно неприемлем как для полуфеминистки Марин Ле Пен, так и для славящегося своими ультра-либеральными взглядами на гендерную проблематику Герта Вилдерса.

Еще одна восточноевропейская крайне правая партия – литовский «Закон и порядок» (*Tvarka ir teisingumas*, ТТ) заявила, что отказывается присоединиться к группе Марин Ле Пен, предпочтя ему фракцию «Европа за свободу и демократию» Найджела Фараджа.

Противники Марин Ле Пен не считали нужным скрывать свое удовлетворение.

«Французский «Национальный фронт» столкнулся с серьезными трудностями уже менее чем через месяц после победы на выборах в Европарламент, не сумев сформировать группу с единомышленниками, – писала *The Financial Times*. – Хотя лидер «Национального фронта» Марин Ле Пен делала ставку именно на эту группу, чтобы получить возможность дальше продвигать свою яркую антииммиграционную политику и политику против ЕС».

«У мадам Ле Пен было явное стремление стать ведущим евроскептиком в Европарламенте, но неспособность создать официальную группу означает, что теперь «Национальный фронт» потеряет миллионы евро в качестве финансирования и возможность занять ключевые позиции в парламентских комитетах», – злобно комментировали происходящее британские журналисты. По версии газеты *The Guardian*, Марин Ле Пен рассчитывала на сумму в 22 миллиона евро дополнительного финансирования. Не менее важно, что, несмотря на блестящую победу на выборах в Ев-

ропарламент во Франции, влияние Марин Ле Пен в стенах Европарламента реально сократилось, из-за невозможности провести представителей своей партии на ключевые позиции в комитеты ЕП.¹⁸⁷

Но Марин умела держать удар не хуже, чем ее отец.

Вице-президент НФ Флориан Филиппо, заявил в интервью «Рейтерс»: «У нас нет группы, по крайней мере, временно. Но наши депутаты, которые более многочисленны, чем представители любой другой партии во французской делегации, будут здесь (в ЕП) отстаивать интересы Франции при любых обстоятельствах, с фракцией или без».

Официальный представитель Марин Ле Пен, один из молодых идеологов Национального Фронта, Людовик де Данн, добавил: *«Предательство или пропаганда СМИ не имеют значения. Мы и наши союзники обязательно создадим мощную и последовательную политическую группу — но позже»*.¹⁸⁸

Будущее показало, что это были не пустые слова.

Реванш: «Европа Наций и Свобод»

Сенсация разразилась 15 июня 2015 г.: в твиттере Марин Ле Пен появилось сообщение: *«Во вторник, 16 июня, я анонсирую в Брюсселе создание нашей группы «Европа Наций и Свобод»*. И действительно, на следующий же день в стенах Европарламента состоялась учредительная встреча новой парламентской коалиции **«Europe des Nations et des Libertés»**.

187. <http://www.euractiv.com/sections/eu-elections-2014/eurosceptics-make-controversial-return-eu-parliament-303242>

188. <http://www.theguardian.com/world/2014/jun/24/marine-le-pen-fails-form-far-right-bloc-european-parliament>

Созданию новой фракции предшествовали события, между собою никак не связанные, и произошедшие в разных уголках Европы – в Польше и в Великобритании.

В январе 2015 г. основатель и лидер польской партии «Конгресс новых правых» Януш Корвин-Микке покинул партию и объявил о создании новой, получившей название «Коалиция Возрождения Республики Свободы и Надежды» (сокращенно – KORWiN). Новым председателем Конгресса новых правых стал евродепутат Михал Марусик. «Развод» с КНП сопровождался внутривнутрипартийными скандалами: Корвин-Микке утверждал, что партии нужна новая формула и ребрендинг, а Марусик обвинял его в нарушении этических норм, в том числе и в плане личной жизни.

В марте в Великобритании разразился скандал с участием двух членов партии UKIP – евродепутата Дженис Аткинсон, представляющую избирателей юго-востока Англии, и главу ее аппарата Кристин Хьюетт. Полицейское расследование установило, что Хьюетт договорилась с менеджером ресторана в графстве Кент, где должен был проходить ужин для партийного руководства UKIP о счете, значительно превышающем фактически расходы (3150 фунтов стерлингов вместо 950). Знала ли об этой сделке Дженис Аткинсон, осталось неизвестным¹⁸⁹. Но руководство UKIP исключило из своих рядов и Хьюетт, и Аткинсон – за действия, дискредитирующие партию.

Эти события позволили Марин Ле Пен возобновить усилия по созданию фракции европейских консерваторов, надежды на которую, казалось, рухнули летом 2014 г. Уход из КНП одиозной для Марин и ее ближайших союзников в Европарламенте фигуры Януша Корвина-Микке открывал окно возможно-

189. <http://www.bbc.com/news/uk-32028343>

стей для сотрудничества: новый лидер КНП, Михал Марусик, был классическим консерватором и традиционалистом, в отличие от экспансивного Микке, который, подобно Жан-Мари Ле Пену, мог позволить себе крайне рискованные эскапады (в частности, ему ставилось в вину заявление, что Гитлер не был осведомлен о Холокосте). Переговоры с поляками вел советник Марин по европейским делам Людовик де Данн. По неофициальным данным, союзу с Конгрессом новых правых противился Герт Вилдерс, но к маю 2015 г. его сопротивление удалось преодолеть. От КНП в «Европу Наций и Свобод» вошли его лидер Михала Марусик и евродепутат Станислав Жолтек.

Решающим фактором, по-видимому, стало согласие Дженис Аткинсон присоединиться к создаваемой новой парламентской группе на правах сопредседателя.

С двумя поляками и одной британкой коалиция, в которую ранее входили нидерландская «Партия свободы» Герта Вилдерса, австрийская «Партия свободы» Хайнца-Кристиана Штрахе, бельгийский «Фламандский интерес» Тома Ван Грикена, итальянская «Лига Севера» и собственно Национальный Фронт, полностью удовлетворяет требованиям ЕП: не менее 25 депутатов от семи государств ЕС.

*«Группа будет представлять собой ударную политическую силу, — сказала на пресс-конференции Марин Ле Пен. — Создание группы — это хорошая новость для наших партий, а также для нашей страны, нашего народа, для свободы».*¹⁹⁰

Образование «Европы Наций и Свобод» стало результатом *«целого года самоотверженной работы и усилий делегации НФ/ОТС и координации действий с нашими голландскими, бельгийскими, итальянскими*

190. <http://gatesofvienna.net/2015/06/the-beginning-of-our-liberation-our-d-day/>

*и австрийскими партнерами, — говорится в коммюнике, опубликованном на сайте Национального Фронта. — Переход на нашу сторону британских и польских депутатов показывает, что наши действия воспринимаются как позитивные и эффективные все большим числом представителей европейских народов».*¹⁹¹

Один из главных союзников Марин Ле Пен, Герт Вилдерс, с присущим ему пафосом, объявил день создания коалиции «днем Д» и «началом нашего освобождения».

«Мы должны снова контролировать наши границы, наши деньги, наши законы — все, что отобрал у нас Евросоюз, — сказал он. — Наши страны вернут это все себе. Мы начинаем освобождение сегодня, здесь. Это исторический день и исторический момент».

По словам Вилдерса, группа «Европа Наций и Свобод» станет голосом нового «Европейского сопротивления», защищающего суверенитет европейских государств. Вилдерс добавил также, что группа будет бороться против массовой иммиграции и исламизации Европы.¹⁹²

«Сегодня исторический день для Британии и всей Европы, которые готовы противостоять европейскому сверхгосударству. Новая группа придаст вес борьбе против идеологии Европейского союза и брюссельской машины», — заявила сопредседатель новой группы Дженис Аткинсон EU Reporter.

По словам Аткинсон, народы Европы должны сами решать свою судьбу, а не подчиняться решениям чиновников, которые от них не зависят.

«Горькие плоды европейского проекта стали ежедневной реальностью для граждан Британии и всей

191. <http://www.frontnational.com/2015/06/creation-du-groupe-enl-au-parlement-europeen-une-force-de-frappe-europeenne/>

192. <http://gatesofvienna.net/2015/06/the-beginning-of-our-liberation-our-d-day/>

Европы. Безжалостность европейской политики чувствуют миллионы доведенных до бедности граждан. Массовая иммиграция в Британию и Европу только усиливается. Право принимать свои законы и важные решения отобрали у избирателей. Провальный политический проект требует твердого политического ответа. Мы будем представлять интересы избирателей, которые хотят развернуть европейский проект в другую сторону».¹⁹³

Дженис Аткинсон заявила, что приняла решение вступить в группу после того, как Марин Ле Пен приостановила членство в Национальном Фронте своего отца, «известного своими антисемитскими взглядами». *«Я рада, что отец Марин изгнан из партии, — сказала Аткинсон. — Теперь для меня политически более благоприятные условия».*

Таким образом, гамбит, разыгранный Марин Ле Пен весной 2015 г., начал приносить свои плоды. И плоды весьма серьезные: финансирование, которое новая фракция получит от ЕС в течение следующих 4 лет (следующие выборы в ЕП — в 2019 г.) составит 17,5 миллионов евро. А аппаратный вес парламентской группы в ЕП несравним с влиянием отдельных политиков, пусть даже таких популярных, как Марин Ле Пен.

Конечно, не стоит недооценивать евробюрократов: они вполне могут попытаться повторить такую же операцию, которая едва не разрушила амбициозные мечты Найджела Фараджа. Новый союз пока выглядит достаточно уязвимым. Аткинсон, по-видимому, по-прежнему сохраняет хорошие связи и политический авторитет в УКИП: еще в конце мая английская The Independent сообщала, что, несмотря

193. <http://www.eureporter.co/politics/2015/06/17/atkinson-bitter-fruit-of-the-european-project-are-an-everyday-reality-for-citizens-in-britain/>

на скандал, связанный с ее «так называемым изгнанием» из UKIP, Аткинсон не только поддерживает прекрасные отношения с Найджелом Фараджем, но и по-прежнему имеет доступ к партийным фондам, голосует вместе с UKIP да и вообще остается полноправным членом группы «Европа за свободу и прямую демократию». С 16 июня 2015 г. это, разумеется, уже не так: Аткинсон официально покинула группу ЕСПД, став сопредседателем «Европы Наций и Свобод», но неформальные контакты с руководством UKIP, безусловно, сохранила. Что же касается польских участников группы из Конгресса новых правых, то, как сообщают неофициальные источники, Михал Марусик тяжело болен, и, возможно, было бы слишком опрометчиво возлагать большие надежды на сотрудничество Национального Фронта и КНП.

Более того: не все так гладко и в самой делегации НФ/ОТС. Один из старейших депутатов Европарламента от Национального Фронта, Бруно Гольниш, отказался присоединиться к группе ЕНС из солидарности с бывшим лидером партии Жан-Мари Ле Пенем, чье членство в НФ было приостановлено в мае 2015 г. Не подписал пока декларацию о создании группы один из наиболее заметных интеллектуалов в делегации НФ/ОТС Эмерик Шопрад (по объективным причинам — на момент создания фракции он находился на Фиджи).

И все же нельзя отрицать, что создание группы «Европа Наций и Свобод» — это большая победа Национального Фронта и лично Марин Ле Пен в ее борьбе с европейской бюрократией.

Глава седьмая «МАДАМ ФРЕКЗИТ»

Взяв на европейских выборах 2014 г. очень высокую планку, Национальный Фронт сделал серьезную заявку на титул первой партии страны. Разумеется, это вызвало противодействие всех конкурирующих сил – от СНД до коммунистов. К тому же, как уже упоминалось, выборы в Европарламент – это почти идеальный референдум, в котором на мотивацию избирателей почти не влияют «низменные» соображения о необходимости модернизации коммунальной инфраструктуры и даже о снижении налогов. Настоящее испытание ожидало Марин и ее партию на выборах в советы департаментов (т.н. *départementales*), которые состоялись во Франции и на ее заморских территориях в марте 2015 г.

Départementales – далеко не самые важные выборы в политической жизни Пятой республики. Раньше во Франции проводились кантональные выборы, но с 2013 г. их заменили выборы в советы департаментов.¹⁹⁴ Избирательными единицами при этом остаются кантоны.

Департамент – основная территориально-административная единица во Франции, базовый элемент

194. Административное деление Франции довольно запутанно. Во Франции 36700 коммун, 2054 кантона (до реформы 2013 г. их было 4035 кантонов), 2600 межгородских структур, 101 департамент и 22 региона. Деление на департаменты восходит к временам Великой Французской революции. Размеры департамента определялись по одной мерке – чтобы можно было за один день доскакать на лошади из местной столицы до любого населенного пункта на территории департамента.

французской «вертикали» власти, служащий промежуточным звеном между муниципалитетом (органом власти коммуны) и региональным советом. Всего во Франции в советах департаментов более 4 000 народных избранников. Депутатское собрание – Conseil général – решает вопросы, связанные с социальной поддержкой материнства и детства, заботой о пожилых и инвалидах. «Генеральные советы» отвечают за выплату минимальных пособий безработным, за содержание и ремонт местных дорог, а также зданий средних школ. В общем, это та самая «работа на земле», в которой Национальный Фронт никогда не было особенно силен – за исключением описанного выше опыта в Энен-Бомон. В каком-то смысле получить хороший результат на départementales было для партии не менее важно, чем одержать победу на выборах в Европарламент.

Однако результаты выборов оказались хотя и неплохими, но далеко не такими блестящими, как надеялись руководители Национального Фронта – и как полагали многие политологи. За несколько недель до выборов, например, эксперты считали, что НФ *«может развить свой успех, достигнутый на майских выборах 2014 г. в Европарламент... с учетом резонанса январских парижских терактов партия Ле Пен, которая занимает радикальную позицию в отношении ограничения иммиграции во Францию, вполне может собрать более 30% и стать лидирующей политической силой в стране»*.¹⁹⁵

Действительно, Национальный Фронт начал мартовскую кампанию с массивированной «атаки»: его представители были внесены в списки кандидатов в 93% кантонов. И в первом туре départementales (22 марта) НФ занял второе место по стране, получив 25% голосов избирателей.

195. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document264604.phtml>

Сама Марин Ле Пен перед вторым туром заявляла, что ее партия «получит около 40% голосов», и рассчитывала, что НФ поставит под контроль 1-2, а при удачном стечении обстоятельств 3-4 Генеральных совета (получить больше даже при таком великолепном результате Национальному Фронту не дала бы мажоритарная система). Некоторые основания для такого оптимизма были: выборы в советы департаментов обычно проходят при низкой явке, а для НФ с его дисциплинированным и пассионарным электоратом это, скорее, преимущество. Однако во втором туре, состоявшемся 29 марта, результат оказался не выше, а ниже – 22,23%.

В то же время правые (блок Снд-СПН плюс Союз правых) получили 37,59%, социалисты и их союзники – 25,49%. Остальные голоса поделили между собой не примкнувшие к блокам левые и правые партии и движения.

С одной стороны, как отметили многие политологи, эти выборы подтвердили, что тенденция превращения Франции в трехпартийную демократию продолжает укрепляться. С другой, претензия НФ на статус «первой партии страны» оказалась явно преждевременной. Несмотря на сравнимые, в целом, результаты блоков правых, левых и выступавшего в одиночестве НФ, партии Марин Ле Пен не удалось получить большинства ни в одном совете департамента Франции. В то же время, Снд-СПН получил большинство в 67 департаментах, став настоящим триумфатором этих выборов. Левые, которые до выборов контролировали 61 департамент, сумели удержать не более 30¹⁹⁶. О непопулярности их политики свидетельствует тот факт, что они потеряли

196. Во Французской Гвиане, на Мартинике, в советах Парижа и Лионской метрополии выборы не проводились.

Коррез – департамент, считающийся политической вотчиной президента-социалиста Олланда, Эссон – «родной» департамент премьер-министра Вальса, и Сен-Маритим – министра иностранных дел Лорана Фабиуса.

Некоторым утешением для Национального Фронта стало то, что теперь он располагает 62 депутатами в советах департаментов по всей стране. По сравнению с общим числом «генеральных советников» (более 4000) это капля в море, но раньше не было и такого. Вкупе с довольно большим количеством муниципальных советников НФ это позволит партии создать интегрированную сеть местных отделений. Кроме того, партия расширила географию своего присутствия на избирательной карте Франции, добавив к уже освоенным юго-востоку (РАСА) и северо-востоку западные и центральные районы страны.

«Это поможет нам на будущих выборах, в том числе – на выборах в советы регионов в декабре этого года. Наша цель приближается – прийти к власти и воплотить наши идеи, которые восстановят могущество Франции, вернут ей свободу, безопасность и процветание», – заявила Ле Пен. По ее прогнозам, в результате выборов в региональные советы, которые должны состояться во Франции в декабре 2015 г. представители НФ займут кресла, по крайней мере, в четырех-пяти из них.

Подобный прогноз, однако, может оказаться чересчур оптимистичным. Все политические силы, участвовавшие в *départementales*, рассматривали их как своего рода генеральную репетицию перед выборами в советы регионов (и как проверку актуальных возможностей партий перед президентскими выборами 2017 г.). Тактика, доказавшая свою эффектив-

ность в марте 2015 г., скорее всего, будет использована и в ходе будущих выборов.

Пример *départementales* показал, что главной слабостью НФ по-прежнему остается его изолированная позиция по отношению к другим партиям и движениям. Как было показано в шестой главе, даже такая рыхлая и несбалансированная коалиция, как «Объединение темно-синих», значительно повысила результаты НФ на выборах 2014 г. (муниципальных и европейских). В ходе мартовских выборов не вступавшему ни в какие союзы Нацфронту противостояли альянсы СНД (главной оппозиционной партии, куда в декабре 2014 вернулся Николя Саркози) и Союза Правых и Независимых (СПН), а также социалистов и Союза левых сил. При этом СПН сам по себе представлял собой коалицию, отдаленно напоминавшую «Союз темно-синих», но гораздо более представительную¹⁹⁷.

Однако сможет ли НФ в принципе заключать такие союзы — остается не вполне ясным. На крайне правом фланге французской политики не так много партий и движений, с которыми Национальный Фронт мог бы вступать в коалиции. Совсем не случайно на вопрос портала «Русская Idea», есть ли у нее союзники, Марин Ле Пен ответила:

«Если хотите, наш союзник — французский народ. Конечно, есть люди, которые к нам присоединяются: голлисты, бывшие коммунисты, бывшие социалисты, старые РПР. На сегодняшний день НФ — единственная

197. **Союз демократов и независимых** (*Union des démocrates et indépendants*), (СДН) — центристская французская политическая партия, основанная в сентябре 2012 года на базе одноименной парламентской группы. В состав Союза входят девять отдельных политических партий, сохранивших свою самостоятельность: Радикальная партия, Новый центр, Центристский альянс, Демократическая европейская сила, Современные левые, Территории в движении, Национальный центр независимых и крестьян, Либерально-демократическая партия, Новая экологическая демократия.

*патриотическая сила, способная объединить французов самых разных политических взглядов, в точности из-за нового разделения: нация vs. глобализация. Мы думаем, что нация – наиболее эффективная структура, способная обеспечить безопасность, процветание и защиту идентичности людей. Наши политические противники имеют совершенно другое видение».*¹⁹⁸

Кроме того, остается не вполне ясным, что может противопоставить НФ отработанной в течение многих лет тактике «республиканского фронта». Эта тактика, активно применявшаяся еще в XX в. под девизом «не пустим фашистов во власть», используется в тех случаях, когда во втором туре голосования складываются «треугольники» – примерно равное количество голосов набирают представители правых, левых и НФ. В таком случае социалисты призывают того кандидата, который имеет минимальные шансы победить (левого или правого – не важно) снять свою кандидатуру, чтобы исключить конкуренцию между двумя «приемлемыми» кандидатами и победу кандидата «неприемлемого», т.е. представителя Национального Фронта.

На мартовских выборах «треугольники» сложились в 278 кантонах. Премьер-министр Франции Мануэль Вальс публично призвал французов голосовать против кандидатов от НФ, после чего социалисты сняли свои кандидатуры в 36 избирательных округах. Однако правые фактически бойкотировали «республиканский фронт», рекомендовав своим избирателям придерживаться принципа «ни-ни»: при отсутствии правого республиканского кандидата не

198. «Россию атакуют, потому что она является альтернативой американской модели глобального порядка». Интервью Марин Ле Пен portalу «Русская Idea», 10.03.2015 // <http://politconservatism.ru/forecasts/rossiyu-atakuyut-potomu-chto-ona-yavlyaetsya-alternativoy-amerikanskoj-modeli-globalnogo-poryadka/>

отдавать предпочтения ни социалистам, ни представителям НФ.

Таким образом, тактика «республиканского фронта», хотя и продолжает оставаться действенным инструментом блокирования НФ на местном и региональном уровне, уже не является универсальным средством борьбы с партией Марин Ле Пен. Как представляется, главная опасность для «республиканского фронта» заключается в том, что в результате «де-демонизации» НФ уже не воспринимается, как «абсолютное зло», которое необходимо остановить «любой ценой», а становится «такой же, как и все прочие», партией, за которую можно голосовать, не теряя при этом самоидентификации «добропорядочного гражданина» и «ответственного избирателя».

В то же время уже сейчас определилась основная интрига будущего избирательного цикла во Франции, в частности президентских выборов 2017 г. Скорее всего, ее пружиной будет борьба за голоса правого электората, которая развернется между «классическими» правыми (СНД, переименованные недавно в «Республиканцев») и «крайне правыми» (Национальным Фронтом). Возвращение на пост лидера «Республиканцев» Николя Саркози дает основания полагать, что его подход к заимствованию идей Национального Фронта (контроль над иммиграцией, усиление общественного порядка и т.д.) станет приоритетной стратегией партии (альтернативной стратегии сдвига в сторону партий центра, которую продвигает вероятный конкурент Саркози на внутрипартийных праймериз, Ален Жюппе).

На мартовских выборах в советы департаментов СНД удачно сочетала обе эти стратегии.

«Выступая в целом с жестких позиций, а подчас и перехватывая лозунги НФ, в частности по иммигра-

ционной политике, партия заключила в 80% кантонов соглашения с центристами, что резко отличало ее от разобщенных левых сил: на каждый кантон в первом туре приходилось в среднем лишь 1,3 кандидата правых против двух кандидатов левых».¹⁹⁹

В этой ситуации у НФ не будет другого выхода, чем продолжать развивать идею о том, что СНД (UMP) и СПФ (PS) представляют собой, по сути дела, разные части одного целого (UMPS) – партийно-бюрократического монстра, «глобальную партию».

*«То, что мы во Франции называем UMPS – это не просто слоган, это политическая реальность. По вопросам иммиграции, ЕС, евро, геополитики, Сирии, Ливии, России – у них абсолютно одинаковая позиция. Так что вполне возможно, что они объединятся во втором туре и тем самым возродят политическую биполярность, только уже не прежнюю – между правыми и левыми (то есть между UMP и PS), но в обновленной форме – между Национальным Фронтом и глобальной партией UMPS».*²⁰⁰

Несмотря на очевидные успехи НФ, достигнутые под руководством Марин Ле Пен, партия еще не стала не только «первой» политической силой страны, но даже и стабильно «второй». Ответ на вопрос, станет ли она таковой, зависит от того, в какую сторону качнется взаимно подвижный электорат правых и крайне правых партий. На данный момент он демонстрирует большую готовность поддержать классических правых, без зазрения совести эксплуатирующих

199. Кудрявцев А.К. К итогам департаментских выборов во Франции // ИМЭМО РАН, 07.04.2015 (http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1603&printmode).

200. Марин Ле Пен. Россию атакуют, потому что она является альтернативой американской идее глобального порядка // Интервью порталу «Русская Idea», 10.03.2015 (<http://politconservatism.ru/forecasts/rossiyu-atakuyut-potomu-chto-ona-yavlyaetsya-alternativoy-amerikanskoj-modeli-globalnogo-poryadka/>).

наиболее выигрышные идеи НФ. Однако в оставшееся до начала большого избирательного цикла время ситуация наверняка изменится. И тут на руку НФ может сыграть кризис в Евросоюзе, усугубившийся весной-летом 2015 г. в связи с возможным выходом Греции из еврозоны.

«Фрекзит»

Став президентом Национального Фронта, Марин Ле Пен неоднократно повторяла: Франции необходимо выйти из ЕС и зоны евро. Когда ей возражали, что не существует прецедентов выхода стран из зоны евро, она отвечала:

«Да, нас взяли, как подопытных кроликов, посадили в единый европейский дом, который мало похож на то, что нам обещали... А теперь говорят: «Ой, мы не продумали механизм выхода отсюда».... Вы видите, что мы построили? Мы построили дом, напоминающий тюрьму. Всем входить — никому не выходить!»²⁰¹

До недавнего времени могло показаться, что все это, как и пессимистические прогнозы относительно будущего евро вообще (*«евро умрет, я думаю, что лучше предусмотреть эту смерть, чем страдать от этой гибели, а это будет реальный экономический и социальный хаос»*)²⁰² не более, чем риторика оппозиционного лидера, стоящего на позициях евроскепсиса. Однако события, связанные с прогнозируемым на лето 2015 г. дефолтом Греции перевели угрозы Марин Ле Пен вывести Францию из еврозоны на другой уровень политической реальности.

201. Euronews, 01.12.2014.

202. Интервью Марин Ле Пен телеканалу RT 11.06.2011.

В настоящий момент вероятность сценария распада еврозоны относительно невелика, но греческий прецедент (в случае, если Брюссель и Афины не придут к соглашению), способен в короткие сроки повысить шансы на его реализацию.

Разумеется, в Брюсселе осознают масштабы угрозы и готовят встречные шаги. Речь идет, прежде всего, о реформаторской концепции «Завершить экономический и валютный союз», разработанный под руководством Жан-Клода Юнкера. Имеется в виду трехфазовая реформа, которая должна привести к превращению еврозоны в «подлинный и углубленный» валютный союз, который станет «оплотом стабильности и процветания».²⁰³ Концепция рассчитана на 10 лет — до 2025 г., но конкретные нововведения (обязательная экономическая координация, создание «европейского казначейства» с собственным бюджетом для содействия структурным реформам и т.д.) намечаются лишь после 2017 г. А в 2017 состоятся выборы во Франции и Германии, а также референдум о членстве Великобритании в ЕС.

В интервью Bloomberg Марин Ле Пен заявила, что выход Греции из зоны евро (Grexit: от слов Greese и Exit) неизбежен. По ее мнению, за Грецией из ЕС выйдет Великобритания (Brexit), а затем настанет черед Франции (Frexit).

«Я стану мадам Фрекзит, если Евросоюз не вернет нам наш монетарный, законодательный, территориальный и бюджетный суверенитет», — пообещала Марин, подчеркнув, что если Франция выйдет из зоны евро, то единая валюта перестанет существовать. При этом, по ее словам, Франция по-прежнему будет спо-

203. Сравним с характеристикой Марин Ле Пен: «Еврозона сейчас слабейшая в мире, она практически банкрот».

собна осуществлять внешние заимствования и привлекать инвестиции в экономику.²⁰⁴

Одним из вероятных вариантов разрешения нынешнего кризиса ЕС является создание внутри нынешней еврозоны нескольких более мелких экономических и политических союзов. В этом случае Великобритания станет центром модернизированной «зоны фунта», Германия сохранит в своей орбите страны Центральной и Восточной Европы (возможно, кроме стран Балтии, которые больше тяготеют к англосаксонской оси), а Франция может превратиться в полюс притяжения для католических стран юга Европы (Италия, Испания, Португалия) – и с большой долей вероятности сохранит в своей зоне влияния страны Бенилюкса. В Италии, Бельгии и Нидерландах достаточно сильны позиции евроскептиков, которые охотно поддержали бы такой вариант развития событий. Немаловажным представляется и тот факт, что представители этих евроскептических партий и движений входят вместе с Национальным Фронт в европарламентскую группу «Европа Наций и Свобод» (итальянская «Лига Севера», нидерландская «Партия свободы», бельгийский «Фламандский интерес»).

Создание на месте единой еврозоны «зоны фунта», «зоны марки» и «зоны франка» неизбежно ослабит нынешнюю глобальную финансовую систему, основанную на доминировании доллара США. Надо сказать, что критика этой системы не является прерогативой одного лишь Национального Фронта; однако до сих пор все попытки политических лидеров Франции сопротивляться гегемонии доллара подавлялись быстро и безжалостно.

204. Marine Le Pen: Just Call me Madame Frexit // Bloomberg 23.06.2015 (<http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-06-23/call-me-mrs-frexit-le-pen-sees-france-euro-exit-next>).

«*Неужели американская валюта обратима ровно до той поры, пока не потребуют ее обратимости?*» — спросил генерал де Голль американского президента Линдона Джонсона в 1965 г., предложив обменять полтора миллиарда бумажных долларов из французской казны на золотые слитки. Генерал не был экономистом, но он прислушивался к мнению своего советника, выдающегося ученого Жака Руэ, который был убежденным сторонником золотого стандарта.

Американцы предсказуемо заартачились, но Париж стоял на своем, и вскоре трансатлантические лайнеры повезли через Атлантику купленное французами золото. Правда, целиком затребованную сумму получить так и не удалось, однако за два года Франция увеличила свой золотой резерв почти в два раза. Эскапада де Голля создала крайне неприятный для США прецедент: вслед за французами потребовали обмена долларов на золото немцы, затем канадцы, японцы... Золото, накопленное американцами за время войны, утекало, как песок сквозь пальцы. Если в 1964 г. золотой резерв США составлял 12500 тонн, то к 1971 г. всего 9000 тонн. И тогда президент США Ричард Никсон объявил о полной отмене золотого обеспечения доллара — по сути дела, объявил дефолт по золотым займам.²⁰⁵

Но еще раньше де Голлю пришлось уйти в отставку в результате «майской революции» 1968 г., и последовавшего референдума. Как и «новые правые» из GRECE и Клуба Настенных Часов, Марин Ле Пен считает, что «революция 1968 г. во Франции была специально организована с целью лишить де Голля власти».²⁰⁶

205. Американское казначейство и по сей день учитывает золото по официальной цене конца 1971 года — \$42,2222 за тройскую унцию. Рыночная же стоимость унции в разы выше. Например, в сентябре 2011 г. рыночная цена тройской унции равнялась примерно \$1923.

206. В этом с ней солидарен авторитетный французский интеллектуал и политический деятель Иван Бло, бывший председателем элитной организа-

Еще более оперативно была пресечена попытка перспективного кандидата от Социалистической партии на выборах 2012 г., Доминика Стросс-Кана, выступить против американской долларовой гегемонии. Стросс-Кан, занимавший стратегически важный пост председателя МВФ, 3 апреля 2011 г. выступил с заявлением о том, что «Вашингтонский консенсус с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади». Эта речь произвела впечатление разорвавшейся бомбы: Стросс-Кан призвал к смелому реформированию мировой политической и экономической систем, подразумевающему отмену тех приоритетов, которые, по его мнению, привели к мировому финансово-экономическому кризису 2008 г. (стремление к достижению низкого бюджетного дефицита, принцип свободного, не контролируемого государственными институтами финансового рынка и т.д.)

14 мая 2011 г. Стросс-Кан, как уже упоминалось в четвертой главе, был арестован в Нью-Йорке по обвинению в сексуальном домогательстве в отношении горничной отеля «Софитель». После того, как он подал в отставку с поста главы МВФ (за два месяца до окончания своего мандата), американские власти согласились отпустить его под залог, а спустя два месяца обвинение было с него снято (выяснилось, что горничная лгала). Тем не менее, скандал, в котором оказался замешан Стросс-Кан, помешал ему выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Франции, и в итоге лидером Пятой республики оказался гораздо более покладистый и управляемый Франсуа Олланд.

ции новых правых – Клуба Настольных Часов (Club de l'Horloge), по оценке которого май 1968 г. мало чем отличается от «оранжевых революций» начала XXI в. (Иван Бло, выступление в Государственной Думе РФ март 2015 г.).

Национальный Фронт на сегодняшний момент остается единственной крупной партией Франции, выступающей за избавление от глобальной «диктатуры доллара». Отвечая на вопрос российских журналистов, какими будут первые и главные действия Марин Ле Пен на посту президента республики, в том случае, если большинство избирателей ее поддержит, президент НФ ответила:

«Первым делом я верну национальный суверенитет нашей валюте. Франция должна выйти из зоны евро, начать чеканить франк и изгнать монополистов с финансовых рынков. Второе: необходимо разделение банков по роду деятельности — на коммерческие депозитно-ссудные, где люди хранят деньги и в которых запрещены рискованные финансовые операции (с последующей частичной национализацией этих банков), и на инвестиционные, которые зарабатывают на рисках. И третья мера — умный, продуманный протекционизм и полный контроль границ, чтобы регулировать движение капитала, товаров и людей».²⁰⁷

Но станет ли «Мадам Фрекзит» президентом Пятой республики? На пути к Елисейскому дворцу «новую Жанну д'Арк» ждут препятствия, которые кажутся сегодня непреодолимыми. «Республиканский фронт» социалистов и правых — только одно из них. А ведь, кроме явных противников, есть еще и вчерашние союзники, которые могут обернуться врагами и, выждав момент, ударить в спину.. Весной 2015 г. таким неожиданным врагом для Марин Ле Пен стал ее собственный отец.

207. Комсомольская правда, 11.12.2012 г.

Низвержение Менгира

На плакатах, призывавших французов голосовать за Национальный Фронт на выборах в Европарламент в мае был изображен профиль юной девушки с одухотворенным лицом, в стальном шлеме с кольчужной бармицей. Внизу, гораздо более мелко — стоящая на трибуне блондинка в строгом костюме, над ней держит белый зонт телохранитель. Девушка в шлеме — прославленная героиня Франции Жанна д'Арк, блондинка — Марин Ле Пен. Подпись на плакате гласила: «Нет — Брюсселю, да — Франции!».

1 мая 2014 г. Марин Ле Пен и ее отец Жан-Мари шли в первых рядах многотысячной демонстрации Национального фронта. Митинг партии, как обычно, проходил у памятника Жанне д'Арк на площади Пирамид (1 мая, широко отмечаемый во Франции День Трудящихся, еще и «домашний» праздник НФ — с 1988 г., когда Жан-Мари Ле Пен объявил, что Орлеанская дева, покровительница французских националистов, была весьма ревностной труженицей). Тогда Ле Пен-старший выступил с зажигательной речью в поддержку своей дочери и преемницы, которой предстояли выборы в Европарламент. «Жанна получила свыше миссию освободить Францию от английской оккупации, — заявил он. — Марин здесь, чтобы освободить Францию от ига Брюсселя».

Это был последний партийный праздник, на котором отец и дочь шли рядом, плечом к плечу. Прошло совсем немного времени — и вспыхнувший между ними конфликт заставил журналистов говорить о конце «Семейного фронта».

8 июня в своем видеоблоге «Бортовой журнал», размещенном на официальном сайте партии, Ле Пен-старший позволил себе двусмысленную шутку в от-

ношении певца, актера и профессионального игрока в покер Патрика Брюэля. Сказал он про него, посмеиваясь, следующее: *On fera une fournée la prochaine fois*. Слово «fournée» во французском языке имеет несколько значений. Например, «группа», «цепочка» — тогда получается, что «в следующий раз мы сформируем (из таких, как Брюэль) целую группу». Но в то же время *fournée* это еще и «печь» — и в этом случае выходит, что автор «Бортового журнала» собирается в следующий раз отправить Брюэля в топку. Поскольку Брюэль — алжирский еврей, исповедующий иудаизм — шутка получилась совсем не смешная, хотя вполне в духе Жан-Мари Ле Пена. И, разумеется, многочисленные противники Национального Фронта немедленно ухватились за очередной «прокол» его основателя (это далеко не первый подобного рода «каламбур» — в прежние годы Ле Пену приходилось выкладывать круглые суммы в качестве штрафов за неполиткорректные высказывания).

Марин была шокирована. После всех усилий по «де-демонизации» получить такой удар в спину от обожаемого когда-то отца! Она расценила эскападу Жан-Мари не просто как личный выпад, а как непосредственную угрозу партии. И, оправдывая репутацию женщины решительной и жесткой, не колеблясь, осудила отца, назвав его выступление «политической ошибкой», а опасный каламбур «разрушительным». А Луи Альо, высказался еще резче — «это не просто неудачная фраза, это удручающая политическая глупость!».

В довершение всего, с официального сайта партии были удалены все видеоблоги Жана-Мари Ле Пена (осталась лишь ссылка, ведущая на личный сайт патриарха — «во избежание проблем с правосудием»).

85-летний Жан-Мари Ле Пен воспринял все это крайне болезненно. Еще бы: ведь в скандальном сво-

ем выступлении он защищал дочь от либералов, которые, «используя хорошо известные механизмы», выставляли Марин «нацисткой» и сравнивали ее с Гитлером. А вместо благодарности, или, на худой конец, простого понимания — такое унижение.

Он написал дочери открытое письмо — подчеркнуто официальное по форме, начинающееся словами «Госпожа Президент», и в то же время очень эмоциональное, пронизанное обидой. «Я жертва враждебной и клеветнической интерпретации, которая была сделана нашими политическими врагами или «полезными идиотами», — писал Ле Пен-старший. — «Я не прошу ничего, кроме справедливости, взываю к вашему авторитету для восполнения несправедливо нанесенного мне ущерба. После этого, в наших общих интересах, я буду считать инцидент исчерпанным».

Марин не посчитала нужным принести отцу извинения, тем более публично. А когда в апреле 2015 г. Жан-Мари позволил себе повторить свои же собственные высказывания о том, что газовые камеры были «всего лишь деталью» истории Второй мировой войны (впервые он заявил так еще в середине 1980-х годов) — терпение Марин лопнуло окончательно. Не для того она выстраивала новый образ Национального Фронта, как уважаемой политической партии, не для того отказывалась от альянсов с крайне правыми движениями Центральной Европы, жертвуя перспективой создания крупной фракции в Европарламенте, чтобы подставить под удар репутацию НФ из-за откровений своего старшего папы, которому вдруг приспичило признаться в симпатиях к маршалу Петену. «Я никогда не считал маршала Петена предателем», — отрезал Жан-Мари. Можно представить себе реакцию российской общественности, если бы кто-то из отечественных политиков заявил, что не считает предателем, например,

генерала Власова. Только в случае с Ле Пенем градус общественного негодования можно было смело помножить на три.

«Статус почетного президента партии не означает, что Жан-Мари Ле Пен может ставить под удар партию и допускать столь явные провокации, цель которых — навредить мне», — заявила тогда Марин Ле Пен. А вице-президент НФ Флориан Филиппо добавил: «Жан-Мари Ле Пен высказал точку зрения, которая означает полный, окончательный и непоправимый разрыв с позицией Национального Фронта. То, что он говорит, совершенно противоречит позиции партии и Марин Ле Пен».

Вслед за публичным выговором последовали и оргвыводы. Жану-Мари запретили выдвигать свою кандидатуру на региональных выборах в декабре этого года в регионе Прованс-Альпы-Лазурный берег. Вместо него партию там будет представлять его юная племянница, Марион Марешаль Ле Пен. *«А я все равно считаю, что был бы лучшим кандидатом», — сварливо заметил Жан-Мари.* 3 мая Марин Ле Пен заявила, что больше не желает, чтобы слова ее отца звучали от имени всей партии. И, наконец, в понедельник, 4 мая, состоялось заседание исполнительного бюро НФ, созванного для решения о дисциплинарных санкциях за провокационные высказывания в прессе о Второй мировой войне, на котором было принято решение «приостановить» (suspendre) членство Ле Пена-старшего в партии. Кроме того, бюро постановило в течение трех месяцев созвать внеочередной партийный съезд, который должен будет решить вопрос о лишении Жана-Мари статуса почетного председателя партии.²⁰⁸

208. 20 августа 2015 г., когда эта книга уже готовилась к печати, Исполнительное бюро Национального Фронта «необходимым большинством голосов» все-таки исключило Жан-Мари Ле Пена из рядов партии. Характерно, что на заседании бюро не присутствовали ни Марин Ле Пен, ни Флориан Филиппо.

На сей раз старый политик среагировал с такой экспрессией, которая сделала бы честь многим молодым людям. Он назвал решение бюро «предательством», «преступлением» и «результатом заговора», и заявил, что надеется на поражение своей дочери на президентских выборах 2017 г. *«Противник бьет в лицо, а она бьет ножом в спину, — кипятился Жан-Мари в эфире радиостанции Еигоре-1. — Если человек с такими моральными принципами будет руководить Францией, то горе Франции».*

Ле Пен-старший был настолько взбешен, что фактически отрекся от дочери, посоветовав ей сменить фамилию. *«Пусть выходит замуж — за Луи Альо, или за Флориана Филиппо», —* перечислил он имена вице-президентов НФ, один из которых и так является ее «компаньоном», а сексуальные предпочтения второго были секретом Полишинеля.

Скандалное интервью Ле Пена-старшего, из-за которого, собственно, он и был подвергнут унижительной порке, было дано еженедельнику Rivarol. И сделано это было отнюдь не случайно.

Как уже говорилось в четвертой главе, Rivarol и его главный редактор Жером Бурбон были убежденными противниками (можно даже сказать — врагами) Марин Ле Пен.

Особое раздражение Бурбона вызывала кадровая политика Марин: он считал, что люди, которыми она себя окружала еще со времен «Поколения Ле Пен», представляли собой «банду дегенератов». К «дегенератам» он относил Луи Альо («агента сионистов, поставленного в руководство партии, чтобы вернуть ее в рамки Системы»), Флориана Филиппо (о сексуальной ориентации которого еще до «аутинга» журнала Closer было известно в кругах, близких к Националь-

ному Фронту – и редакция Rivarol, разумеется, не являлась исключением), Стива Бриуа и многих других.

Одним словом, сточки зрения «тру-националистов» из Rivarol, а также ветеранов партии, сплотившихся вокруг Жан-Мари Ле Пена еще в героические времена «старого Нацфронта», вместе с Марин в партию ворвался не столько свежий ветер перемен, сколько сладковатый душок декаданса и разложения. И закаленные бесчисленными баталиями бойцы стали понемногу отходить от нового лидера НФ. А вместе с ними потихоньку размывалось и политическое влияние Ле Пена-старшего, который, конечно же, не предполагал вовсе удалиться от дел после передачи власти Марин.

За прошедшие с момента передачи власти четыре года «почетный председатель» Национального Фронта растерял все инструменты воздействия на партию, бывшую когда-то его верной армией. Он сам выковал «вертикаль власти», беспрекословно подчиняющуюся приказам харизматичного лидера – но теперь место лидера заняла его дочь, и дисциплинированные солдаты НФ даже не подумали выступить в защиту своего бывшего главнокомандующего. Со стороны кажется, что повторилась история шекспировского короля Лира, передавшего свое царство дочерям и вышвырнутого ими под проливной дождь. Жан-Мари Ле Пен, однако, мало похож на беднягу Лира – и не только потому, что, имея, как и шекспировский король, трех дочерей, «королевство» он отдал младшей. У Лира, как мы помним, не осталось почти ничего – только шалаш в чистом поле. А вот Жан-Мари Ле Пена, и без того человека весьма не бедного (его состояние приблизительно оценивается от 30 до 40 миллионов евро), совсем недавно заподозрили в сокрытии более 2 миллионов евро на тайном

счета в банке HSBC. Буквально за несколько дней до скандала с «приостановлением членства» Ле Пена-старшего в НФ издание журналистских расследований Mediapart опубликовало данные, которые Управление разведки и противодействия подпольным финансовым схемам (TRACFIN) передало в прокуратуру города Нантер. TRACFIN – финансовая разведка при министерстве экономики и финансов Франции, отвечающая за борьбу с отмыванием денег. Эта спецслужба обычно не сливает добытую информацию, и то, что «компрогат» на почетного президента НФ попал к журналистам Mediapart, можно объяснить только очень сложной игрой, которая ведется вокруг Национального Фронта в последние месяцы.

Деталью этой игры является «разоблачение» финансирования НФ со стороны Первого Чешско-Российского банка, о которой рассказывалось в пятой главе.

Потом в Европарламенте инициировали расследование в отношении помощников евродепутатов от НФ, которые, якобы, работали на партию и лично на Марин и ее отца, получая зарплату из бюджета ЕП. Расследование это, кстати говоря, тянется до сих пор. И, наконец, месяц тому назад тот же Mediapart сообщил о новой сенсации: хакеры выложили в сеть «тысячи текстовых сообщений и электронных писем» из переписки между Кремлем и Национальным Фронтом. Речь, в частности, шла о поддержке присоединения Крыма к России (Марин Ле Пен не раз заявляла, что Крым является российским регионом).

И вот теперь финансовая разведка добралась до Ле Пена-старшего. Причем, если сообщения Mediapart о счете, на котором хранятся тайные капиталы почетного председателя НФ, подтвердятся, ему грозит не только разорение (по закону, ему могут

предъявить обвинение в неуплате не только подоходного налога, но и социальных платежей за 10 лет), но и позор. Позор, который ляжет плохо смываемым пятном и на партию, и на саму Марин Ле Пен.

Что в этой ситуации должна была сделать Марин, жесткий и прагматичный политик, всерьез собирающаяся побороться за пост президента Франции? Правильно: максимально дистанцироваться от отца, который и без того доставлял ей сплошные неприятности.

Некоторые журналисты, правда, подозревали, что скандал был инсценировкой, которую отец и дочь договорились поставить для отвлечения внимания недоброжелателей — но слишком искренним был гнев Ле Пена-старшего, и слишком заметно, с каким трудом скрывает бешенство его дочь. Помирить деда с теткой попыталась Марион Марешаль — но безуспешно.

В целом, конфликт между Марин и ее отцом пошел не на пользу партии — хотя бы потому, что породил целую серию версий о возможном создании альтернативной партии (Жан-Мари сделал несколько таких заявлений, но затем взял свои слова обратно) и о ребрендинге Нацфронта. В интервью немецкой газете «Штерн» Марину спросили, не собирается ли она переименовать свою партию в «Патриоты».

*«Нет, — ответила лидер НФ. — «Патриотами» называется социальная сеть, существующая у нас на протяжении нескольких месяцев. Что касается изменения названия, Жан-Мари Ле Пен сказал по этому поводу: «Это не обсуждается, пока я жив». Для меня это не табу, но в ближайшее время этого не случится».*²⁰⁹

209. «National, das ist ein guter Begriff» // Stern, 25.06.2015.

Глава восьмая О РОССИИ – С ЛЮБОВЬЮ

Непредубежденный читатель уже имел возможность убедиться, что Национальный Фронт никогда не был «неофашистской» партией, как это пытались изобразить французские левые, советские политические пропагандисты и российские либералы. Действительно, в его создании принимали участие и ультраправые экстремисты из «Нового порядка», и ветераны ОАС. Но, несмотря на то, что у его колыбели стояли страшноватые «родители», enfant terrible французской политики вырос хотя и несколько брутальным, но все же привлекательным для миллионов граждан Пятой республики молодцом. К моменту прихода к власти Марин Ле Пен Национальный Фронт был истинно консервативной партией, весь «экстремизм» которой заключался в том, что ее лидер позволял себе произносить вещи, немыслимые в пронизанном политкорректностью западноевропейском обществе.

«Де-демонизация», проведенная Марин, не только сдвинула НФ ближе к классическим правым партиям, таким, как Союз за народное движение, но в известной мере размыла ее истинно-консервативную идеологию. Понятно, что это было сделано сознательно: такова плата за вхождение в круг системных партий, билет, дающий право на присоединение к мейнстриму. Последние опросы общественного мне-

ния показывают: 56% опрошенных французов считают, что Национальный Фронт ничем не отличается от остальных политических партий страны²¹⁰. И это несомненный результат «де-демонизации».

Однако все драматические изменения, произошедшие с Национальным Фронтом в последние годы и месяцы нимало не затронули один из основных сюжетов внешнеполитической повестки партии — отношение к России. Симпатии НФ к России остаются неизменными на протяжении всей истории этой партии, как бы ни парадоксально звучало это утверждение для тех, кто помнит жесткие антисоветские высказывания Жан-Мари Ле Пена образца 70-х — 80-х годов. (*«Шестьдесят лет марксистской и материалистической диктатуры, ГУЛАГ, запрещение частной инициативы, железный занавес привели к тому, что прогресс наблюдается только в двух сферах — в армии и полиции»*), — писал Ле Пен-старший в 1985 г.²¹¹ Тем не менее, антисоветизм Ле Пена отнюдь не был тождественен русофобии; напротив, еще в молодости Жан-Мари проникся глубокой симпатией к России и русской культуре, общаясь с потомками русских эмигрантов первой волны. В частности, дружеские отношения связывали его с прославленным танцором группы Дягилева Сержем Лифарем, с одним из убийц Распутина графом Феликсом Юсуповым. *«Я считаю, что первая русская эмиграция была для Франции самой ценной из всех, она обогатила французскую культуру. И те русские, которые решили ассимилироваться во Франции, и те, которые предпочли сохранить свою собственную национальную культуру,*

210. http://www.lexpress.fr/actualite/politique/le-fn-n-inspire-pas-confiance-a-75-des-francais_1689450.html

211. Pour la France. Programme du Front National. Préface de J.-M. Le Pen. Paris, 1985, p.14.

делали это с такой тонкостью и с таким пониманием, что русская эмиграция была, пожалуй, единственной, которая не создавала для Франции и французов вообще никаких проблем», – говорил лидер НФ в 1991 г. в интервью Александру Дугину.²¹² В конце 60-х годов прошлого века Ж.-М. Ле Пен владел небольшой фирмой грамзаписей, выпускавшей, в том числе, русские военные марши и песни. Тогда же, на общей почве любви к дореволюционной России, он сдружился с Ильей Глазуновым, написавшим его портрет.

«Мы познакомились с Ильей в 1968. Он приехал на свою выставку в Париж и застрял во время майских студенческих волнений. Поскольку по своему мировоззрению я был ему ближе, чем французские коммунисты, мы прониклись взаимной симпатией, стали друзьями, и теперь нас связывают братские отношения», – вспоминал Ж.-М. Ле Пен в 2013 г. в интервью газете «Культура».

На свадьбе Жан-Мари с его второй женой Жани в 1991 г. присутствовали Великий князь Владимир Кириллович с супругой княгиней Леонидой. Для нас же важно, что симпатия (если не сказать – любовь) Жан-Мари Ле Пена к России была не случайным субъективным фактором, а одним из столпов его идеологии, поскольку Россия (в романтически-ностальгическом образе «Святой Руси») воспринималась лидером НФ как чрезвычайно яркий пример традиционалистского государства, сохраняющего свои культурно-цивилизационные корни и тем выгодно отличающегося как от торжествующей мондиалистской модели, так и от тоталитарной коммунистической модели СССР. Что еще более важно – русофильство Ле Пена-старшего «передалось по наследству» его дочери Ма-

212. «Кто Вы, Жан-Мари Ле Пен?» Интервью Ж.-М. Ле Пена газете «День». 1991 г.

рин, а также его внучке – Марион Марешаль, которую часто называют «восходящей звездой» партии.

С 2014 г., когда после переворота в Киеве, возвращения Крыма и начала гражданской войны на Украине отношения России с Западом перешли в стадию новой холодной войны, традиционное русофильство семьи Ле Пен стало предметом пристального внимания, обсуждения (и осуждения) в ведущих французских СМИ. Достаточно привести пример большого «расследования» в *Nouvelle Observateur*, претенциозно озаглавленного «Путин и НФ: разоблачение русских связей семьи Ле Пен», информация из которого (довольно неточная в ряде деталей: так, например, Илья Глазунов назван там «лидером антисемитского движения «Память») впоследствии многократно дублировалась различными СМИ, как франко-, так и англоязычными²¹³.

Причиной, разумеется, послужили неоднократные высказывания Марин Ле Пен в поддержку российской политики, в частности, возвращения Крыма, и лично президента Путина. Как и в случае с Найджелом Фараджем, лидером британской UKIP, поддержка российского президента является для мейнстримных европейских СМИ маркером, позволяющим безошибочно атрибутировать того или иного политика как врага демократии и западной цивилизации. Однако, если для Фараджа высказывания в поддержку Путина явно были продиктованы совершенно другими соображениями, не имеющими ничего общего к русофилии, то для Марин Ле Пен, как, впрочем, и для других политических активистов Национального Фронта, одобрение политики Москвы

213. Poutine et le FN : révélations sur les réseaux russes des Le Pen // *Nouvelle Observateur*, 2014, 10. 24

(<http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20141024.OBS3131/poutine-et-le-fn-revelations-sur-les-reseaux-russes-des-le-pen.html>)

на постсоветском пространстве, равно как и противостояние с Вашингтоном, является неотъемлемой частью идеологии партии, противостоящей экспансии англосаксонской глобализации (и, в частности, европейскому мондиалистскому проекту).

Многочисленные высказывания Марин Ле Пен в поддержку России постоянно цитируются в отечественных СМИ, что, на наш взгляд, делает излишним их дублирование в этой книге. Наиболее полная их компиляция собрана в книге «Марин Ле Пен. Равняться на Путина!», вышедшей в издательстве «Алгоритм» весной 2015 г. с послесловием бывшего корреспондента «Правды» во Франции В. Большакова.²¹⁴ Предыдущая книга В. Большакова, вышедшая в том же издательстве в 2012 г., носила провокационное название «Зачем России Марин Ле Пен?». Однако представляется, что гораздо интереснее инверсионный вопрос: «Зачем Марин Ле Пен Россия?».

При поиске ответа на этот вопрос следует иметь в виду, что Россия (а точнее, Святая Русь, Saint-Russie) рассматривается французскими традиционалистами не просто как огромная страна на Востоке, а как держава, которая не раз спасала Францию – La Belle France – в кризисные для нее моменты истории. Они – в отличие от воспитанных на англосаксонской версии истории либералов и одержимых русофобией троцкистов – хорошо помнят, как Александр III вывел Францию из политической изоляции после разгрома последней в войне с Пруссией, как солдаты армий Самсонова и Ренненкампа ценой своих жизней спасли Париж в августе 1914, и все еще могут процитировать маршала Фоша, утверждавшего, что Франция не была стерта с карты Европы лишь благо-

214. Марин Ле Пен. Равняться на Путина! М.: Алгоритм, 2015.

даря жертвенному наступлению русских на Восточном фронте.

С этой точки зрения Марин Ле Пен — не просто «феномен» французской политики, отличающийся от других игроков необычными симпатиями к России, а представитель многолетней и глубоко укорененной во французскую общественную мысль традиции. Выше уже говорилось, что идеологическая доктрина Марин вобрала в себя идеи и концепции многих французских (и шире — западных) интеллектуалов. Часть этих интеллектуалов — и, прежде всего, представители течения «Новых правых», группа GRECE и Клуб Настенных Часов — всегда рассматривали Россию как важнейшего континентального союзника Франции в борьбе с англосаксонским «морским могуществом».²¹⁵

Прислушаемся к мнению основателя движения французских Новых Правых, основателю и главному идеологу Группы изучения европейской цивилизации (GRECE) Алену де Бенуа:

«Они (русские, — К.Б.) заслуживают того, чтобы Европа проводила по отношению к ним самостоятельную политику, а не сверяла ее с американцами. Европа, в свою очередь, для того, чтобы сохранить независимость и избежать внешней зависимости и подчинения, нуждается в сильной России, вернувшей себе традиционный политический статус сверхдержавы и роль структурного элемента международных отношений. Ее собственный интерес состоит в возможно более тесном партнерстве с Россией, которую она дополняет в технологическом и экономиче-

215. Французская геополитическая мысль, много заимствовавшая у Х. Маккиндера, заслуживает отдельного большого исследования. Укажем только, что одним из наиболее интересных современных геополитиков Франции является бывший член НФ, депутат ЕП от этой партии и бывший советник Марин Ле Пен Эмерик Шопрад.

ском плане. То, что сегодня Европа идет по другому пути, не отменяет острой необходимости перейти к необисмарковскому курсу на союз с русскими. Европа должна решительно выйти из западного мира и повернуться лицом к Востоку. Упадок России будет означать и ее собственный упадок».

Это очень близко (если не полностью совпадает) с высказываниями самой Марин Ле Пен.

«Европа, к сожалению, окончательно склонилась перед Америкой, превратилась в маленькую законную дочку Вашингтона. Мы почему-то решил, что можем оказывать влияние на остальной мир только с помощью НАТО и Соединенных Штатов. А американцы категорически не приемлют российской модели, которая является альтернативой, своеобразным вызовом англосаксонской системе... Если этот пост (президента Франции, – К.Б.) займу я, связи между Парижем и Москвой будут углубляться. Мы сможем более тесно сотрудничать в области научных исследований, развивать совместные медицинские, военные, аэродинамические проекты. У нас общие стратегические интересы, общая история. Франция не раз заключала тесный политический альянс с Россией. И могла бы сделать это снова. Вместо того, чтобы сохранять неестественные отношения с англосаксонскими странами, культура которых нам не так близка, как культура России».²¹⁶

Русофильская политика лидера Национального Фронта не является «тактической уловкой» или ситуативным выбором. Она опирается на прочный фундамент, включающий себя, помимо искренних симпатий к нашей стране, передающихся в семье

216. Интервью Марин Ле Пен интернет-журналу «Однако», 06.08. 2013 (<http://www.odnako.org/blogs/intervyu-odnako-marin-le-pen-franciya-davno-uzhe-ne-svobodnaya-strana/>).

Ле Пен по наследству, историософскую (и отчасти геополитическую) концепцию «Новых правых» о **континентальном союзе Франции с великой евразийской державой Востока**. Помимо этого, пророссийская повестка внешнеполитической доктрины Ле Пен обусловлена противодействием англосаксонскому глобальному проекту, который – как одно из обличей ненавистного «мондиализма» – рассматривается как угроза цивилизационной и культурной идентичности Франции.

Борьба Национального Фронта с глобальным англосаксонским проектом является сейчас одним из наиболее привлекательных для французского избирателя сюжетов. Антиамериканизм становится все более популярным во Франции: сыграло свою роль и судебное преследование французских банков в США (в июне 2014 года BNP Paribas вынужден был выплатить рекордный штраф в 8,97 миллиарда долларов за нарушение режима санкций против Кубы, Судана и Ирана), и совсем недавнее разоблачение прослушивания трех президентов Пятой Республики (Миттерана, Ширака и Олланда) американской спецслужбой АНБ.

Национальный Фронт умело использует эти настроения: сразу же после публикации материалов WikiLeaks о прослушке французских политических лидеров Марин Ле Пен потребовала немедленного «выхода Франции из переговоров о заключении договора о Трансатлантическом экономическом партнерстве» и подчеркнула, что США не являются ни союзником, ни другом Франции.

«Мы не должны больше мириться с подобными методами. Французы должны осознать, что Соединенные Штаты – я говорю об американском правительстве, а не о народе – не являются ни союзным,

ни дружественным государством... Соединенные Штаты – держава-гегемон, готовая ко всему, чтобы увеличить свой контроль над нашей страной... Это не новая констатация, но были периоды в истории, даже недавней, когда правительство Франции выступало против этого посягательства на наши свободы, независимость, честь. Последний скандал должен побудить нас вновь осознать наши национальные интересы»²¹⁷.

По мнению Марин Ле Пен, подписание соглашения о трансатлантической торгово-экономической интеграции США и стран ЕС приведет к еще большим экономическим потерям европейских производителей и усилению зависимости Европы от заокеанских партнеров. Дальнейшая экспансия американских транснациональных корпораций станет неизбежной, а это нанесет ущерб «остаткам» французской индустрии и сельского хозяйства.

Однако считать позицию Марин Ле Пен однозначно антиамериканской было бы неверно. Она не зря разделяет «правительство» и «народ» Соединенных Штатов: в США есть силы, идейно и политически близкие Национальному Фронту.

Это, в частности, набирающая в США силу Чайная партия, которая, так же, как и НФ во Франции, «сдвигает традиционный консервативный истеблишмент вправо». В США Чайная партия также высказывается куда более жестко по вопросу иммиграционной политики, нежели традиционные «сочувствующие консерваторы».²¹⁸ Симпатии, которые Марин Ле Пен испытывает к одному из лидеров Чайной партии, сенатору Рону Полу, объясняются в том

217. <http://europe.newsweek.com/marine-le-pen-us-not-ally-friend-france-329210>

218. Je t'aime, Ron Paul // Foreign Policy, 28.03.2014 (<http://foreignpolicy.com/2014/03/28/je-taime-ron-paul/>)

числе и тем, что американский политик, так же, как и президент Национального Фронта, не боится говорить вслух о тех проблемах, обсуждение которых в парализованном политкорректностью американском (и французском) обществе до крайности затруднено.

Впрочем, Национальный Фронт и Чайную партию сближает не только «глубинный страх быть завоеванными иностранцами с коричневой кожей», как поэтически выразился автор статьи в *Foreign Policy*, озаглавленной «*Je t'aime, Ron Paul*».²¹⁹ Не менее — а быть может, и более — важно то, что обе партии разделяют общие консервативные ценности, в том числе отношение к христианской религии и морали. Среди активистов Чайной партии много христиан-традиционалистов, с большим пиететом относящихся к религиозному фундаменту, на котором когда-то возникли Соединенные Штаты. Во Франции НФ поддерживают многие молодые католики, которые разделяют позицию партии в отношении аборт (например, в их среде получило большую популярность высказывание Луи Альо о том, что французское государство «делает все, чтобы поощрять аборт, и ничего для сохранения жизни (детей, — К.Б.)»). Однако есть и различия. Католические организации во Франции — во всяком случае, после «де-демонизации» — находятся несколько правее Национального Фронта в таких вопросах, как отношение к сексуальным меньшинствам, планирование семьи и т.д. С другой стороны, в отношении возвращения смертной казни — сторонником которой Марин Ле Пен является еще со времен своей работы адвокатом — многие католические организации настроены гораздо более либерально.

Существует очевидный соблазн очертить — хотя бы приблизительно — границы некоего «консерватив-

219. Там же.

ного интернационала», куда наряду с Марин Ле Пен могли бы войти лидеры американских «истинных консерваторов», такие, как Рон Пол и Патрик Бьюкенен – однако это было бы сильным упрощением куда более сложной политической ситуации. Например, одним из надежных союзников Марин Ле Пен в Европарламенте является лидер Партии свободы Нидерландов Герт Вилдерс, открыто поддерживающий однополые браки. Вряд ли «истинные консерваторы» США, выступающие за сохранение христианских моральных ценностей, смогут найти общий язык с «либеральными консерваторами» типа Вилдерса. С другой стороны, исламофобия Вилдерса (являющаяся главной пружиной его союза с Марин Ле Пен) определяет его более чем благожелательное отношение к Израилю (как к «последнему бастиону белой цивилизации» в сердце враждебного исламского мира). Подобная позиция близка американским неоконам, которые, будучи адептами глобального доминирования США, являются политическими противниками Марин Ле Пен.

Но если создание франко-американского консервативного союза представляется вполне фантастической перспективой, то возможность формирования такого же союза с Россией выглядит гораздо более реальной.

Контурсы консервативного союза

Именно с Россией Марин Ле Пен (а также вице-президент НФ Луи Альо и многие другие члены руководящего звена партии) связывает надежды на возрождение исконно европейских ценностей, находящихся ныне в забвении и небрежении вслед-

ствие торжества мондиализма, политкорректности и толерантности. В частности, большой резонанс получило интервью Марин Ле Пен австрийской газете «Курьер», в котором она назвала Владимира Путина своим «единомышленником» и заявила, что российский президент защищает христианские ценности европейской цивилизации.²²⁰

На примере Национального Фронта мы видим, как знаки возвращения современной России к своим историческим корням и традициям (такие, как возрождение Русской Православной церкви, законодательное запрещение пропаганды гомосексуальных отношений, и т.д.) воспринимаются французскими «истинными правыми»²²¹ как символы титанической борьбы между пост- и антихристианской цивилизацией англосаксонского глобализма и живой европейской традицией, опирающейся на общий для Франции и России христианский фундамент, но также как сигналы к возможному идеологическому сближению двух стран (разумеется, в том случае, если НФ станет ведущей политической партией Франции, а Марин Ле Пен – президентом республики).

Вопрос о том, чем завершится предвыборная борьба и президентская кампания 2017 г. остается ключевым для определения контуров возможного нового франко-российского союза. Ответить на него сейчас, конечно же, невозможно: слишком много факторов (в том числе, и тех, что с легкой руки Нассима Талеба зовутся «черными лебедями») могут еще повлиять на

220. Marine Le Pen: «Putin verteidigt Europas Zivilisation»// Kurier, 17.05.2014 (<http://kurier.at/politik/eu/marine-le-pen-putin-verteidigt-die-werte-der-europaeischen-zivilisation/65.991.041>).

221. О разделении консерваторов Запада на «истинных (true)» и «консерваторов только по имени» см. – Бенедиктов К.С., Куркин Н.А., Межуев Б.В. Современный консерватизм на Западе // Тетради по консерватизму. 2014. № 2. Часть 2. С. 19-66.

расклад сил за те почти два года, что отделяют нас от выборов президента Пятой республики.

Электоральный цикл 2012-2014 гг. показал, что у Национального Фронта есть определенный «потолок», который он пока не в состоянии преодолеть. В зависимости от характера выборов, этот потолок сейчас варьируется от 22% до 25% голосов избирателей Франции. На европейских выборах за НФ голосуют охотнее, на местных и парламентских – с большей осторожностью.

Дополнительные корректировки в эту картину, несомненно, внесут выборы в советы регионов (декабрь 2015 г.). Если Национальному Фронту удастся улучшить результат, полученный на департаментских выборах – хотя бы до 28, а лучше до 30% голосов – это будет означать, что тактика «республиканских фронтов», которую используют конкуренты НФ, принципиально преодолима. Кроме того, это будет означать, что растет избирательная поддержка лично Марин Ле Пен – на состоявшемся 30 июня 2015 г. в Аррасе митинге сторонников НФ она объявила, что возглавит избирательный список партии на региональных выборах. В регионе Па-де-Кале за нее изъявляют желание проголосовать около 37% избирателей, что значительно превосходит электоральную поддержку социалистов и правых (у «Республиканцев» на сегодня не более 32% голосов, поддержка социалистов еще меньше). *«Мои избиратели голосуют не за мои красивые глаза, а за мои идеи, – заявила Марин.²²² – Я должна показать, что мои идеи применимы на уровне региона также хорошо, как и на уровне государства».*²²³

222. Гендерная шутка: «les beaux yeux» по-французски действительно «красивые глаза», но на жаргоне также «красивая (или просто большая) грудь»

223. Marine Le Pen, une candidate régionale bien nationale // L'Express, 30.06.2015 (http://www.lexpress.fr/actualite/politique/fn/marine-le-pen-une-candidate-regionale-bien-nationale_1694790.html).

Идея «сначала навести порядок в одном регионе, а потом по всей стране», действительно может сработать — учитывая накопленный Марин и ее соратниками опыт работы именно в Па-де-Кале и чрезвычайно острую ситуацию с мигрантами, которые используют Кале в качестве перевалочного пункта на пути в Великобританию (именно в пригороде Кале находится французский терминал Евротуннеля под Ламаншем). Толпы мигрантов (легальных и нелегальных) уже давно превратили Кале в «город-кошмар», где радикальные предложения Марин Ле Пен по ограничению миграции и укреплению безопасности будут восприняты лучше, чем где бы то ни было во Франции.

Если Марин удастся возглавить региональный совет Па-де-Кале, это станет действительно серьезной заявкой на победу в борьбе за президентское кресло 2017 г. В то же время, не следует закрывать глаза на тот факт, что совокупная мощь системных партий Франции (пресловутых UMPS) во много раз превосходит потенциал Национального Фронта. Сейчас можно с известной долей уверенности прогнозировать, что Марин наверняка выйдет во второй тур президентских выборов 2017 г., однако для того, чтобы она вступила победителем в Елисейский дворец, требуется сочетание целого ряда факторов, не всегда имеющих прямое отношение к волеизъявлению французского народа.

Очевидно, что либерально-демократический мейнстрим Западной Европы, находящийся в тесной зависимости от США, не согласится на приход к власти в одной из ведущих стран ЕС сильного лидера, опирающегося на традиционалистскую, консервативную партию, к тому же пророссийской ориентации. С другой стороны, не менее очевидно, что Марин Ле Пен трезво оценивает политическую конъюн-

ктуру. Стоит предположить, что готовясь к борьбе за президентское кресло Марин Ле Пен заключила (и будет заключать) тактические, а возможно, и стратегические, союзы с влиятельными лоббистскими группами, от позиции которых, в конечном счете, и зависит исход президентской гонки. В частности, явно принесли плоды ее усилия по налаживанию отношений с еврейской общиной Франции и с определенными группами в политической элите Израиля. Еще до терактов в январе 2014 г. в Париже, жертвами которых стали, в частности, евреи, она заявляла, что Национальный Фронт – *«самый крепкий щит для защиты еврейского населения Франции»*. Но самый главный шаг в налаживании отношений с иудейской общиной был сделан, видимо, в конце апреля – начале мая 2015 г. Немногие из следивших за перипетиями «семейной сцены» между отцом и дочерью Ле Пен вспомнили слова президента Совета еврейских общин Франции Роже Кукермана: *«Марин Ле Пен будет оставаться нерукопожатной персоной до тех пор, пока она не заявит о том, что не солидарна с высказываниями своего отца, за которые он был приговорён судом»*, произнесенные на ежегодном гала-ужине Совета в феврале 2015 г.²²⁴ И, хотя это высказывание вызвало жесткую реакцию лидера НФ (*«Господин Кукерман – не судья в вопросах хороших манер, он – не профессор рукопожатности»*, – едко заметила она), прошло всего несколько месяцев, и не только сама Марин, но и ее ближайшие сподвижники публично отмежевались от Жан-Мари, выполнив, тем самым, главное условие, поставленное лидерами еврейской общины Франции.

224. Roger Cukierman : Marine Le Pen est «irréprochable» // Le Point, 23.02.2015 (http://www.lepoint.fr/politique/roger-cukierman-marine-le-pen-est-irreprochable-23-02-2015-1907167_20.php).

Марин Ле Пен – хладнокровный и расчетливый политик, не останавливающийся перед трудными решениями, и ставящий собственные политические интересы выше своих же личных. Ее разрыв с отцом, который в определенный момент превратился в угрозу для политической репутации обновленного Национального Фронта, доказывает это лучше всяких заявлений на публику. Следует также иметь в виду, что, пытаясь найти поддержку в определенных кругах либеральных французских элит, Марин значительно смягчила свою риторику в отношении гомосексуальных союзов. А присутствие в кругу ее ближайших советников открытых геев Себастьяна Шеню, Стива Бриуа и ставшего жертвой аутинга Флориана Филиппо, воспринимаемое, как демонстративный отход от консервативных принципов НФ, оттолкнуло от Марин Ле Пен многих соратников ее отца, ветеранов партийной «старой гвардии». Среди них, к сожалению, были и искренние русофилы (например, Эммануэль Леруа, Эмерик Шопрад).

Разумеется, нельзя не задаться вопросом: не отречется ли Марин Ле Пен от своих симпатий к России в случае, если ей удастся выиграть гонку за президентское кресло? Очевидно, что в этом случае на нее будет оказано беспрецедентное давление не только со стороны структур ЕС, но и со стороны США, которые после ухода де Голля – спровоцированного, по мнению некоторых французских консерваторов, Вашингтоном – имеют определяющее влияние на французскую политику.

Хотя сейчас Марин Ле Пен уверенно заявляет, что, став президентом, не попадет под влияние США, она сама признает, что это для этого придется *«заменить существующие французские элиты одной кандидатурой, которая будет являться кандидатурой француз-*

ского народа».²²⁵ Прекрасный лозунг для предвыборной кампании, однако совершенно ясно, что в реальности от «существующих французских элит» главе государства, даже опирающегося на мощную народную поддержку, никуда не деться.

Несколько упрощая, можно сказать, что вопрос о том, продолжит ли Марин Ле Пен свою пророссийскую политику, став лидером Пятой республики, зависит не столько от нее самой, сколько от того, как выстроят политические элиты Франции (и шире – Европы) свои отношения со своими трансатлантическими партнерами. Очевидно, что сейчас между этими двумя группами элитного «мондиалистского проекта» (используя терминологию Марин Ле Пен) существуют значительные разногласия, отголоски которых время от времени вырывается на поверхность медийного моря. Упомянувшиеся выше санкции американской юстиции против французских банков (в частности, BNP Paribas, потерявшего на этих санкциях более 7 млрд. евро) – одно из немногих явных проявлений этой борьбы между старыми европейскими элитами и новыми, агрессивными элитными группами в США, активно продвигающими проект Трансатлантического экономического партнерства. Сложно не согласиться с Марин Ле Пен в том, что Социалистическая партия Франции, и лично президент Франсуа Олланд находятся под сильным влиянием «старших партнеров» из Вашингтона. Однако далеко не всем представителям старой французской элиты такое положение дел нравится: и, возможно, именно запрос этих элитарных групп, сопротивля-

225. Россию атакуют, потому что она является альтернативой американской модели глобального порядка. Интервью Марин Ле Пен порталу «Русская Idea», 10.03.2015 // <http://politconservatism.ru/forecasts/rossiyu-atakuyut-potomu-chto-ona-yavlyaetsya-alternativoy-amerikanskoj-modeli-globalnogo-poryadka/>

ющихся англосаксонскому глобальному проекту, и определит, кто именно станет следующим президентом Пятой республики.

Готовность Национального Фронта заключить новый консервативный союз с Россией в этой ситуации может сыграть роль козырной карты в борьбе за президентское кресло в 2017 г. Однако следует иметь в виду, что Марин Ле Пен в таком раскладе может быть уготована роль «герольда», первым провозглашающего ту или иную политическую концепцию, которую затем берут на вооружение другие игроки, располагающие более мощным ресурсом.

Обычно такого рода «заимствования» популярных идей НФ практикуют французские правые – во времена Жан-Мари Ле Пена в «плагиате» была замечена партия Объединение в поддержку Республики, а в последние годы тем же самым грешит ее наследник – Союз за народное движение, недавно переименованный в «Республиканцев». Лидер «Республиканцев», бывший президент Франции Николя Саркози, вернувшийся в большую политику в декабре 2014 г., вполне способен перехватить пророссийскую повестку НФ, и уже сделал несколько заявлений в этом ключе.

«Партия СНД, всегда занимавшая традиционно пронатовскую позицию, в течение последних лет стала отличаться беспрецедентной русофилией, а конфликт между Москвой и Европой это только усугубил», – забила тревогу либеральная *Le Monde* в большой статье «СНД: искушение Москвой».²²⁶

Поводом для паники послужило выступление Николя Саркози перед национальным советом СНД

226. Matthieu Goar, Benoît Vitkine. *A l'UMP, la tentation de Moscou* // *Le Monde*, 13.04.2015

(http://www.lemonde.fr/politique/article/2015/04/13/a-l-ump-la-tentation-de-moscou_4614860_823448.html).

7 февраля 2015 г. Заявление экс-президента о том, что «раскол между Европой и Россией – это настоящая драма. То, что американцы поддерживают этот раскол – их право и их проблема, но мы не хотим возобновления новой холодной войны между Европой и Россией», было встречено овацией. *«У нас с Россией общая цивилизация. Интересы американцев – это не интересы Европы и России»*, – продолжил экс-президент.

В устах Марин Ле Пен подобные слова никого не удивили бы. Но, произнесенные политиком, считающимся проамериканским, они приобрели совершенно иное звучание.

Как и лидер НФ, Саркози не считает, что призыванием Украины является вступление в Евросоюз (*«Украина должна сохранять свое призвание быть мостом между Европой и Россией»*). Как и Марин, неоднократно заявлявшая, что *«народ Крыма, живший в страхе, бросился в объятия той страны, откуда появился, поскольку... Крым является частью Украины только в течение 60 лет»*²²⁷, Саркози утверждает, что Европа должна уважать выбор жителей Крыма. *«Крым выбрал Россию. Мы не можем его за это упрекать»*.²²⁸

Конечно, Саркози, как лидер оппозиционной партии, может время от времени позволять себе такие провокационные заявления. Но даже для оппозиционного политика столь явно проявляемая поддержка Москвы, которая за последний год без устали демонизируется подавляющим большинством западных СМИ – шаг довольно рискованный. И то, что Саркози на него решился, говорит прежде всего о том, что умеренные правые Франции также раз-

227. Интервью Марин Ле Пен агентству France Presse, 18.03.2014.

228. Nicolas Sarkozy reprend la rhétorique du Kremlin // Le Monde, 09.02.2015 (http://www.lemonde.fr/europe/article/2015/02/09/crise-ukrainienne-nicolas-sarkozy-reprend-la-rhetorique-du-kremlin_4572863_3214.html).

глядели в «русофильской» повестке Национального Фронта определенные перспективы, связанные как с поддержкой избирателей, так и с некоторой сменой настроений старых французских элит.

Как подчеркивают авторы статьи «СНД: Искушение Москвой» Матье Гоа и Бенуа Виткин, русофилией «заражены» все течения Союза за народное движение: «суверенисты» аплодируют России, как державе, противостоящей американскому империализму и подающей пример Франции, голлисты надеются на возвращение интенсивных экономических отношений с Москвой, а «бонапартисты» сравнивают Николя Саркози с Владимиром Путиным («бицепсы против бицепсов»). Свободными от «московского искушения», по мнению журналистов *Le Monde*, остаются только Ален Жюппе и Брюно ле Мэр – но они как раз тяготеют к центризму (Жюппе был основным сторонником союза СНД с СДН на выборах в советы департаментов весной 2015 г.).

Возможен ли раскол СНД и отделение ее правого крыла с последующим присоединением его к Национальному Фронту? Крупный специалист в области российско-французских отношений Тома Гомар считает, что именно на такой сценарий делает ставку Москва: *«Россия пытается предвидеть раскол в партии СНД и возможное присоединение ее правого крыла к НФ. Уже сейчас Кремль опирается на эти политические силы, рассчитывая, что в будущем встанет вопрос и о расколе еврозоны, и о НАТО»*.²²⁹

С ним согласен и активист СНД, бывший сотрудник МИД Франции Арно Данжан, полагающий, что в отношении России взгляды СНД и Национального

229. Matthieu Goar, Benoît Vitkine. *A l'UMP, la tentation de Moscou* // *Le Monde*, 13.04.2015.

(http://www.lemonde.fr/politique/article/2015/04/13/a-l-ump-la-tentation-de-moscou_4614860_823448.html).

Фронта совпадают. *«Такое очарование Путиным влечёт за собой настоящий идеологический провал партии, то есть отказ от традиционного политического либерализма»*, предупреждает Данжан²³⁰.

Можно предположить, что пророссийские тенденции в рядах СНД неизбежно натолкнутся на противодействие со стороны более системных (в конкретном случае – центристских) группировок и вряд ли будут играть принципиальную роль в выработке повестки дня перед президентскими выборами 2017 г. Тем не менее, этот пример показывает, что Национальный Фронт в очередной раз выступает в роли «первопроходца», выдвигающего концепции, которыми потом пользуются другие, «респектабельные», партии.

Есть, однако, существенная разница между ситуацией десятилетней давности, когда Саркози беззастенчиво заимствовал жесткую антииммигрантскую риторику Национального Фронта для повышения своего рейтинга – и нынешней расстановкой фигур на шахматной доске Пятой республики. Национальный Фронт под руководством Марин Ле Пен окончательно вышел из гетто, в котором его многие годы пытались держать конкуренты, и прочно обосновался во французском политическом мейнстриме. Теперь «воровать» у него идеи будет не так-то просто: когда одна партия заимствует риторику не у маргинального движения, а у равного ей по силе соперника, речь идет уже о формировании общего межпартийного консенсуса.

От ответа на вопрос, станет ли курс на создание нового консервативного союза между Россией и Францией важным элементом гипотетического межпартийного консенсуса правых (в лице СНД) и Национального Фронта, зависит не только исход

230. Там же.

президентских выборов во Франции, но и будущее российско-французских отношений. И в этом смысле фигура Марин Ле Пен, искреннего и последовательного друга России, чрезвычайно важна – не только как возможного будущего президента Франции, но и как политика, подталкивающего политические элиты Пятой республики к союзу с Москвой, вне зависимости от того, кто станет хозяином Елисейского дворца в мае 2017 г.

Приложение ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ, АКТИВИСТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, упомянутые в тексте

1. **Альмиранте, Джорджио** (*Giorgio Almirante*; 1914-1988), итальянский политик, неофашист, один из создателей и лидеров партии Итальянское социальное движение. Единственный ультраправый европейский политик, вошедший в круг «респектабельного» истеблишмента, союза с которым не чурались ни социалисты, ни либералы.

По материнской линии происходил из знатного герцогского рода. По отцовской — из династии киноактеров. По образованию — литературовед и журналист. Защитил диссертацию о Данте Алигьери. С ранней юности — сторонник Бенито Муссолини, состоял в фашистской партии, участвовал во Второй мировой войне, сражаясь в Северной Африке. После капитуляции итальянских войск перед союзниками занимал различные государственные посты в марионеточной Республике Сало, имел лейтенантский чин в фашистской Национальной Республиканской гвардии и Черных бригадах. После войны никаким репрессиям со стороны новых властей не подвергался, более того, уже осенью 1946 г. вместе с Пино Ромуальди и Клементе Грациани приступил к созданию

новой неофашистской партии – Итальянского социального движения (MSI). С 1947 по 1950 занимал пост национального секретаря партии. На выборах 1948 г. был избран от MSI в парламент (палату депутатов), после чего переизбирался девять раз.

На протяжении ряда лет радикального до экстремизма Альмиранте в партии сдерживал гораздо более умеренный Артуро Микелини, за которым стояли влиятельные финансисты Рима а также ряд высших иерархов Ватикана. Борьба между Микелини и Альмиранте, по сути дела, разворачивалась вокруг вопроса о том, какой идеологии должна придерживаться MSI – «третьего пути» (Альмиранте) или консерватизма (Микелини). Противостояние закончилось в 1969 г. со смертью Микелини; Альмиранте вернулся на пост национального секретаря партии, к тому моменту терявшей популярность у избирателей, и провозгласил курс на антисистемную радикализацию. Именно в этот период MSI стала своего рода образцом для французских крайне правых, именно на Итальянское социальное движение начала 1970-х годов равнялся ранний Национальный Фронт.

«Итальянское социальное движение, – заявлял Альмиранте, – не сторонники тоталитарного государства, не ностальгические, но современные националисты, не реакционно-консервативные, но социально передовые». Под этими словами с удовольствием подписался бы и Жан-Мари Ле Пен.

Под руководством Альмиранте MSI активно проводила уличные акции, массовые митинги и демонстрации, зачастую заканчивавшиеся ожесточенными схватками с леваками. Сам Альмиранте, которому к этому моменту было уже под шестьдесят, принимал участие в драках наряду с молодыми бойцами движе-

ния. Параллельно Альмиранте проводил стратегию объединения разрозненных крайне правых группировок, в частности, способствовал вступлению в MSI правоконсервативных монархических групп, после чего партия сменила название на Итальянское социальное движение — Национальные правые, MSI-DN). Это значительно расширило социальный фундамент партии, в том числе, благодаря поддержке консервативных военных, буржуазных и бюрократических кругов, которые до этого отмежевывались от неофашистов, считая их склонными к уличным дракам бандитами. С этого момента (1972 г.) MSI превратилась в бесспорного гегемона правонационалистических сил Италии.

Альмиранте был инициатором создания единого европейского блока «Европравые» перед первыми выборами в Европарламент 1979 г. Главными союзниками MSI стали испанская Fuerza Nueva Бласа Пиньяра и Партия Новых Сил **Тиксье-Виньянкура** (см). При этом лидирующая роль итальянских неофашистов в европейском ультраправом движении была совершенно очевидна.

Альмиранте удалось невозможное (точнее, невозможное ни в одной другой стране, кроме Италии) — он интегрировал неофашистскую партию в демократическую политическую систему («он соединял фашизм с демократией», — неодобрительно отзывался о нем его «ученик» Роберто Фиоре, лидер экстремистской группы «Новая сила»). Не случайно Джорджио Наполитано, президент Италии с 2006 по 2015 г., в речи по случаю столетнего юбилея Альмиранте, заявил, что *«Альмиранте противостоял антипарламентским тенденциям, демонстрировал уважение к республиканским учреждениям, делая это в своём*

суровом стиле. Он принадлежал к поколению лидеров, отличавшихся высоким государственным чувством»²³¹.

Умер АльмирANTE в 1988 г., и у его гроба стояли президент Италии Франческо Коссига, и глава нижней палаты парламента легендарная Нильде Йотти (вдова Пальмиро Тольятти). На недоуменные вопросы иностранцев: «Откуда столько почета фашисту?» итальянцы отвечали: «Это великий человек, он увел радикалов с улиц в парламента».

2. **Бардеш, Морис** (*Maurice Bardèche*, 1907-1998), французский историк литературы, эссеист и критик, один из идеологов французского неофашизма. На идейную эволюцию Бардеша огромное влияние оказали идеолог правого монархизма, лидер «Action française» **Шарль Моррас** (см.) и иписталь и публицист, интеллектуал-националист Морис Баррес. Однако ключевую роль в формировании его позиции сыграл **Робер Бразийяк** (см.), с которым Морис познакомился еще в ранней юности, и который позже стал его шурином.

Перед войной Бардеш вращался в кругах т.н. «правых анархистов», (Т. Молньер, А. Блонден, Р. Вайян), близких к «Action française», но политикой как таковой не интересовался, предпочитая заниматься своим любимым делом — историей французской литературы. Крупный специалист по Бальзаку, Бардеш защитил новаторскую докторскую диссертацию по его творчеству и получил место преподавателя романистики в Сорбонне. Занимался исследованием творчества Стендаля, Пруста, Флобера и многих других французских литераторов. В сферу его интере-

231. <http://www.iltempo.it/politica/2014/06/27/re-giorgio-esalta-almirante-un-alto-senso-dello-stato-1.1265194>

сов входил также кинематограф: в 1935 г. совместно с Бразийяком написал фундаментальную «Историю кино».

Однако помимо искусства он живо интересовался политикой: во время Гражданской войны в Испании много путешествовал по стране и написал (опять же в соавторстве с Бразийяком) «Историю Испанской войны». Симпатии Бардеша были на стороне Хосе Антонио Примо де Риверы, и именно в это время он начал симпатизировать фашизму.

Во время немецкой оккупации Бардеш стал постоянным автором коллаборационистской газеты «Я – везде» («Je suis partout»), за что после освобождения Франции союзниками был арестован. Однако тяжелых грехов за ним не обнаружилось, и Бардеша вскоре освободили – а вот его шурина и соавтору Бразийяку вынесли смертный приговор, который, несмотря на ходатайство многих интеллектуалов, был приведен в исполнение 6 февраля 1945 г.

Этот приговор (который Бардеш официально называл «преступным») подтолкнул его к активной политической деятельности. В 1947 г. он опубликовал открытое письмо к Франсуа Мориаку, в котором осудил репрессии против тех, кто поддерживал режим Виши, яростно защищал коллаборационизм и критиковал участников Сопротивления за то, что называл «восстанием против законности». В книге «Нюрнберг или Земля обетованная» подверг сомнению как моральные, так и юридические основания Нюрнбергского процесса, за что был вновь арестован и приговорен к году заключения, однако вскоре последовало помилование от президента страны.. В 1948 году основал Социалистическое движение французского единства (Mouvement socialiste de l`unité française), которое включало в свою программу борьбу против еврей-

ских финансистов и двух «империализмов, которые разделили Европу»: советского и американского. В мае 1951 года участвовал в неофашистском конгрессе в Мальме, на котором было образовано Европейское социальное движение (MSE), а в 1952 году Бардеш основал ежемесячное издание «Защита Запада» («Défence de l' Occident»), где активно пропагандировал «европейский национализм». Отрицал Холокост.

В отличие от подавляющего большинства европейских интеллектуалов (к тому же интегрированных в академические структуры) Бардеш не считал нужным скрывать свои симпатии к фашизму и открыто называл себя «фашистским писателем». По его мнению, фашизм — помимо наличия четырех составляющих: националистической, социалистической, антикоммунистической и авторитарной — это «не доктрина, но извечное желание скрытое в нашей крови, в нашей душе». Эстетическое отношение к фашизму роднит Бардеша с чилийским писателем и философом Мигелем Серрано, корни фашизма он видел в рыцарской этике самураев, тамплиеров и — гораздо раньше — древних спартанцев.

Свои политические взгляды он изложил в работах «Яйцо Колумба. Письмо американского сенатора» (1951), «Современные времена» (1956), «Спарта и южане» (1969), «Воспоминания» (1993). Наиболее полно идейное кредо Бардеша изложено в книге «Что такое фашизм?» (1961).

По словам Роберта Дж. Сауси, в этой книге Бардеш откровенно признавал, что по-прежнему остается приверженцем фашизма, и утверждал, что фашизм, особенно в его французском варианте, был идеологией, совершенно неверно понятой, оклеветанной и несправедливо забытой. Настоящий фашизм,

утверждал он, был не более жесток, чем демократическая или марксистская идеология, которые его осуждают. Зверства немцев во время оккупации ими Франции были, большей частью, следствием военных условий и необходимости вести борьбу с партизанами; кроме того, союзные войска совершали такие же преступления в отношении немецкого гражданского населения. Настоящий фашизм нельзя отбрасывать вместе с расовой политикой нацистов и их практикой массового истребления людей — эти аспекты немецкого национал-социализма были отклонениями от основ. Так как общественность разучилась понимать, что такое фашизм в действительности, — писал Бардеш, — люди не замечают, что фашизм сегодня быстро возрождается во многих частях света, включая Францию, хотя, поскольку само это название стало одиозным, этот феномен существует теперь под другими именами. Такие неофашисты, как Насер в Египте и молодые технократы во Франции, т. е. люди, которые снова хотят соединить национализм и социализм, редко ассоциируются с идеологией, дискредитированной если не в теории, то на практике. Так что сегодня в мире есть тысячи молодых людей, которые являются фашистами, сами того не зная.²³²

Наиболее удачной политической моделью фашизма Бардеш считал Итальянскую социальную республику, однако он считал что эта модель должна быть модернизирована на основе идеологии, которую он называл «улучшенный фашизм» (*fascisme amélioré*). На этом фундаменте, полагал Бардеш, европейские нации могут построить Европейскую империю, в рамках которой только и возможно возвращение

232. Роберт Дж. Сауси, «Сущность французского фашизма», цит. по Сергеей Кара-Мурза, «Коммунизм и фашизм: братья или враги?» М. Яуза-пресс, 2008

утраченной после Второй мировой войны силы и свободы.

Бардеш умер в Париже в 1998. Жан-Мари Ле Пен назвал его «пророком Европейского ренессанса».

3. Бло, Иван (*Yvan Blot*, 1948) – французский политический деятель и специалист в области политических исследований, экс-заместитель министра МВД Франции. Профессор Католического института Ренна, Университета Ниццы «София-Аннаполис».

Мать Ивана Бло – славянка, родившаяся на границе Польши и Западной Белоруссии. Отец – француз, участник Сопrotивления, исповедовавший левые взгляды и высоко ценивший роль Советского Союза в победе над Третьим рейхом. Как и многие видные политические деятели Франции, Бло окончил Национальную школу администрации (ENA).

В 1969 г. стал членом Группы Изучения Европейской Цивилизации (GRECE) – интеллектуального центра «новых правых», организованного Аленом де Бенуа. В 1974 г. вместе с другими членами GRECE – Жан-Ивом Ле Галлу и Анри де Лескеном – основал клуб Настенных Часов (*club de l'Horloge*) – еще более рафинированную замкнутую структуру, члены которого позиционировали себя как промежуточное звено между правыми и крайне правыми, исповедовали экономический либерализм и национальную идентичность, стоя при этом на республиканской (а не монархической либо иной) платформе. С 1974 по 1985 г. Бло был президентом Клуба Настенных Часов.

С 1978 по 1984 г. был главой кабинета генеральных секретарей Объединения в поддержку республики – Алена Девоче а затем Бернара Понса. Возглавлял ка-

бинет председателя Сената Франции, Алена Поэра. В 1979 г. способствовал переходу в ОНР своего друга Бруно Мегре, впоследствии видного члена НФ и виновника внутривнутрипартийного раскола 1998 г.

С 1986 по 1988 г. был депутатом от ОНР в генеральном совете Па-де-Кале. Принимал участие в разработке концепции миграционной политики ОНР, используя многие идеи Национального Фронта. Эта концепция, однако, так и не была реализована, поскольку правительство сочло ее излишне суровой по отношению к мигрантам.

С 1988 г. Иван Бло, отчасти из-за разочарования в ОНР, сближается с Национальным Фронтом. Он избирается депутатом Европарламента от НФ на выборах 1989 г., а с 1992 г. становится региональным советником от НФ в Эльзасе. Бло также возглавляет партийную структуру НФ в департаменте Нижний Рейн (регион Эльзас).

В 1998 г. Бло был исключен из рядов Национального Фронта в результате «мятежа» своего друга Бруно Мегре. Был избран членом Политбюро новой партии, созданной Мегре после ухода из НФ (Национальный Фронт – Национальное мегретистское движение). Однако уже весной 1999 г. обратился к Ж.-М. Ле Пену с просьбой восстановить свое членство в НФ, заявив, что он был введен в заблуждение Мегре. По словам Бло, истинной причиной мятежа Мегре послужили его закулисные договоренности с мейнстримными политиками. Бло обвинил Мегре в том, что под видом модернизации НФ последний пытался проводить сближение с альянсом ОНР-СФД²³³. Кроме того, Бло заявил, что Мегре получил материальную поддержку от «влиятельных промышленни-

233. Союз за французскую демократию, в 2009 г. преобразован в Демократическое движение (MoDem) Франсуа Байру

ков, близких к Жаку Шираку» и налаживал контакты с партийными активистами ОПР в Нижнем Рейне для формирования общего списка на выборах 2001 г.

С 2000 г. Бло практически перестает заниматься политической деятельностью, сосредоточившись на карьере в органах государственного управления. В 2002 г. назначается генеральным инспектором МВД (позиция заместителя министра). Сферой его деятельности в основном являются вопросы миграционной политики. В 2004 г. защищает докторскую диссертацию (со специальной оценкой «блестяще» аттестационной комиссии) в парижском Институте политических исследований на тему «экономическая мысль и политика Герберта Спенсера».²³⁴ Вскоре получил место профессора университета София-Аннаполис (Ницца) и возглавил Неосократский Институт (INSO). В 2009 г. создал два интернет-сайта, один, посвященный философским проблемам, при Неосократском Институте (<http://www.insoc.fr/>), другой, актуально-политический, посвященный вопросам прямой демократии (<http://www.democratiedirecte.fr/>). Также Иван Бло является создателем и главой политической ассоциации Agir, цель которой – продвижение концепции прямой демократии.

В 2011 г. вернулся в актуальную политику, став вице-президентом Объединения в поддержку независимости и суверенитета Франции (Rassemblement pour l'indépendance et la souveraineté de la France – RIF), президентом которого был в тот момент **Поль-Мари Куто** (см.). Однако после выхода Куто из партии не последовал за ним (Куто основал новую партию, названную SIEL), и остался вице-президентом RIF.

234. Написанная на ее основе книга Бло «Герберт Спенсер, эволюционист против этатизма» была издана в 2007 г. парижским изданием Belles Lettres и получила премию как лучшая книга о либерализме 2007 г.

В июле 2013 г. ушел в отставку с поста заместителя министра МВД. В настоящее время является влиятельным консультантом в команде лидера партии «Республиканцы» (бывшее ОПР) Николя Саркози, с которым Бло связывают дружеские отношения.

Блестящий интеллектуал, Бло – автор многочисленных книг и эссе, в том числе «Мы все родом из Афин», «Лжепророки», «Колонизированная Европа», «Конфискованная демократия», «Олигархия у власти», «Обезображенный человек» и др. Владеет русским языком, относится к числу пророссийски настроенных французских политических мыслителей. Еще во второй половине 90х годов, будучи депутатом Европарламента и занимаясь вопросами безопасности АЭС, почти ежемесячно бывал в России, по личному приглашению тогдашнего министра МВД А. Куликова присутствовал на военном параде 9 мая. В последние годы неоднократно приезжал в Россию, где читал лекции по приглашению различных университетов (Свято-Тихоновский Православный университет, Москва, университет Ярослава Мудрого, Великий Новгород), а также Государственной Думы Российской Федерации. Участвовал в заседании Валдайского клуба в Сочи.

Иван Бло является ярким представителем голлистской традиции, выступающим за стабильные взаимовыгодные контакты с Россией. По его словам, такого же мнения придерживался – «по крайней мере, в конце своего президентского мандата» – и Николя Саркози²³⁵. Бло резко отрицательно относится к колонизации Европы Соединенными Штатами, которую он подразделяет на экономическую, политическую, военную и культурную. По мнению Бло,

235. <http://portal-kultura.ru/articles/bolshaya-igra/98270-ivan-blo-sanktsii-protiv-rossii-eto-glupost-i-eres/>

предупреждение де Голля о будущем Европы, как агломерации американских колоний, сбылось в полном объеме. Бло также считает, что США умышленно способствуют размыванию европейской идентичности, поощряя миграцию из мусульманских стран, в том числе, используя инструменты т.н. «мягкой силы».²³⁶

4. **Бразийяк, Робер** (*Robert Brasillache*, 1909-1945), иногда неправильно называемый в русских переводах Бразийяшем, французский литератор и кинокритик, историк кино, министр кинематографии в правительстве Лавая, шурин **Мориса Бардеша** (см.) Родился в Перпиньяне в 1909 г. Сочувствовал идеям **Шарля Морраса** (см.), писал статьи и обзоры для «Action française»,. После 6 февраля 1934 г. когда на Площади Согласия была расстреляна демонстрация правых, в которой участвовали монархисты из ««Action française», члены «Французской солидарности» Рене Коти и «Союза ветеранов», вышедшая на улицы с призывами «очистить Республику от воров» (тогда погибло 15 человек и около 2000 получили ранения), открыто стал поддерживать фашизм.

Наиболее известен Бразийяк как кинокритик и автор (совместно с Морисом Бардешем) фундаментальной «Истории кино». Блестящий интеллектуал, широко образованный и энциклопедически эрудированный, он был в буквальном смысле слова влюблен в кинематограф: третью редакцию «Истории кино» он готовил в камере смертников, уже зная, что прошение о помиловании отвергнуто де Голлем.

²³⁶. Иван Бло, лекция в Государственной Думе РФ, 4 марта 2015 г., запись автора.

Однако современникам он был известен в основном как политический публицист, сотрудничавший в крайне правой газете «Je suis partout», основанной диссидентами из «Аксьон Франсез». В этом качестве он отправился на войну в Испанию, откуда писал репортажи, проникнутые явной симпатией к Хосе Антонио Примо де Ривере. В 1939 г. был мобилизован во французскую армию и после поражения Франции год провел в немецком плену. В лагере написал мемуары «Наше «до войны» (1941 г.), до сих пор остающихся одним из лучших литературных памятников «золотого века» Парижа, наряду с «Праздником, который всегда с тобой» Хемингуэя.

После освобождения из плена вернулся к работе в редакции Je suis partout. Писал статьи, прославлявшие немецкую оккупацию и режим Виши. Объявил, что от «коллорабационизма разума» перешел к «коллорабационизму сердца». Вообще его восприятие «сотрудничества» Франции с нацистской Германией имело плохо скрываемый сексуальный подтекст (что впоследствии было использовано на суде его обвинителями, поставившими Бразийяку в вину, среди всего прочего, его гомосексуальность и «влюбленность во врага»).

Крайне жестокий (до эпатажа) на словах, Бразийяк вовсе не был таким закоренелым нацистом в жизни. «Надо избавиться от евреев до последнего, не оставив даже младенцев», — призывал он в одной из своих статей в сентябре 1942 г. Но в том же году спас из застенков гестапо мужа своей знакомой, еврея Мориса Гудеке²³⁷.

После освобождения Франции союзниками Бразийяк не захотел бежать из страны (единственный из

237. Михаил Трофименков, Волки молодые и старые // «Сеанс» <http://seance.ru/blog/nouvelle-vague-nazi/>

редакции *Je suis partout*) и сам отдал себя в руки новых властей, явившись в префектуру. В январе 1945 г. суд, продлившийся всего шесть часов, приговорил Бразийяка к смертной казни.

Усилия блестящего адвоката Жака Изорни по спасению Бразийяка не увенчались успехом. Не помогла и петиция, подписанная 56 французскими литераторами (в т.ч. Франсуа Мориакон, Полем Валери, Марселем Эме и даже Альбером Камю²³⁸). Де Голль отказал просителям – судя по всему, из политических соображений (смерти Бразийяка требовали коммунисты). 6 февраля 1945 г. Бразийяк был расстрелян в форте Монруж.

5. **Гомар, Тома** (*Thomas Gomart*, 1973) – французский историк, политолог, русист. Доктор исторических наук, специалист по международным отношениям, руководитель программы по изучению России и СНГ Французского института международных отношений (IFRI). Преподавал в Университете Париж-1, а также в Королевском колледже в Лондоне и в Институте военных исследований ЕС в Париже. Является преподавателем Высшего военного училища Сен-Сир ВС Франции. В 2001 г. был приглашен в МГИМО. Автор книг: «Двойная разрядка: француско-советские отношения в период с 1958 по 1964 г.» (2003), «Российско-французские отношения с точки зрения Москвы» (2002), а также многочисленных статей по российской проблематике. Создатель

238. В частном письме к инициатору петиции Марселю Эме Камю уточнил свою позицию: Бразийяка как писателя он считает ничтожеством, как человека – презирает. Он не может забыть друзей, убитых теми, кого вдохновлял Бразийяк, помнит, что тот не заступился за расстрелянных в 1942-м коммунистов. Но отвращение Камю к смертной казни сильнее всех прочих чувств.

электронной коллекции экспертных статей о России и странах СНГ – «Russie.Nei.Visions» на английском, французском и русском языках на базе IRFI.

6. **Дорио, Жак** (*Jacques Doriot, 1898 – 1945*), один из самых беспринципных политиков в истории Франции, бывший (последовательно) социалистом, коммунистом, антикоммунистом, фашистом и коллаборационистом. Лидер **Французской народной партии**, фашистского движения, действовавшего во Франции с 1936 по 1945 г. В конце жизни, по-видимому, работал на британскую разведку, пытался наладить контакты с Сопротивлением. Погиб при налете авиации союзников по дороге на партийный съезд.

7. **Дюпра, Франсуа** (*François Duprat, 1941- 1978*), французский историк, публицист, политик, один из создателей партии Национальный Фронт.

Родился 26 октября 1941 года, в Аяччо, Корсика, и получил образование в средней школе в Байонне, в лицее Ферма в Тулузе и в престижном лицее Луи-ле-Гран в Париже до 1960 года. Окончил исторический факультет Сорбонны, после защиты диссертации получил место профессора международных отношений в Институте по связям с общественностью в Париже и профессора истории в колледже Кодебек-ан-Ко.

В ранней юности сочувствовал идеям Троцкого, однако в Сорбонне примкнул к крайне правым, став членом «Молодой Нации», неофашистского крыла Федерации студентов-националистов (FEN). Во время алжирской войны примыкал к лагерю противников независимости Алжира, однако впоследствии стал поддерживать арабские освободительные дви-

жения, как антисиионистские. После «предательства» де Голля, предоставившего Алжиру независимость (Эвианские соглашения, март 1962 г.), Дюпра уехал в Катангу, бывшую провинцию Бельгийского Конго, в июле 1960 провозгласившую себя независимым государством. Организатором выхода был Моиз Чомбе, лидер партии Конфедерация ассоциаций Катанги. Сепаратистским тенденциям противостоял премьер-министр Республики Конго Патрис Лумумба, запросивший военной поддержки ООН. В январе 1961 г. Лумумба был убит сепаратистами, по некоторым данным — по личному приказу Чомбе, сохранявшему власть над Катангой до 1963 г., когда страна была оккупирована миротворческими силами ООН. Поддержавший сепаратистские устремления Чомбе Дюпра занимал должность директора пропаганды на Радио-Катанга до введения в страну «голубых касок».

После бегства Чомбе вернулся во Францию, где стал членом движения «Запад». Участвовал в уличных акциях, в том числе, драках с леваками и последователями Мао. В 1967 г. членство Дюпра в рядах «Запада» было прекращено: его заподозрили в том, что он является полицейским информатором. Тем не менее, Дюпра вошел в руководство движения «Новый порядок», и в качестве такового стал соучредителем Национального Фронта в 1972 г. Был членом политбюро НФ до своей гибели в 1978 г., представлял «твердую линию» в руководстве партии, возглавляя группу «националистов-революционеров» (Пьер Буе, Ален Рено, Пьер Потти и др.). В 1973 г. «националисты-революционеры» во главе с Дюпра помогли Ж.-М. Ле Пену отбить атаку экстремистов из «Нового порядка» (прежде всего, А. Робера) захватить власть в партии.

Личный друг и верный соратник Ж.-М. Ле Пена, Дюпра оказал огромное влияние на идеологию НФ в период с 1972 по 1978 г. Сам Дюпра был ревизионистом, отрицавшим Холокост: печально известный пассаж Ле Пена относительно газовых камер обязан своим появлением именно ему. Опубликовал фундаментальную историю СС «Семь цветов» (*Les Sept Couleurs*), в которой разоблачались «мифы» о Второй мировой войне. СМИ называли его одним из лидеров ревизионистской исторической школы, способствовавшим распространению во Франции опасных взглядов английских ревизионистов (так, он перевел и распространял книгу члена Британского Национального фронта Ричарда Веррала «Действительно ли шесть миллионов были убиты?»).

18 марта 1978 г. Дюпра был взорван с собственной машине. Его жена Жанин, сидевшая рядом с ним, лишилась обеих ног. Ответственность за убийство Дюпра немедленно взяли на себя две еврейские экстремистские организации «Коммандо Памяти» и «Еврейская революционная группа». «Так будет с каждым, кто осмелится отрицать Холокост», — заявили они. Однако эта версия никогда не была документально доказана, тем более, что об этих организациях практически ничего не было известно. В убийстве Дюпра подозревали как крайне правые организации, конкурирующие с НФ, так и французские спецслужбы. Роже Фалиго и Паскаль Кроп доказывали, что Дюпра был убит агентами DST из-за своих связей с палестинскими и сирийскими боевиками.

Для Национального Фронта (во всяком случае, для его ветеранов) имя Дюпра значит очень многое. Каждый год в годовщину его смерти Жан-Мари Ле Пен посещает могилу Дюпра на кладбище Монмартра,

воздавая должное памяти своего соратника и друга, «мученика свободомыслия».

8. **Куто, Поль-Мари** (*Paul-Marie Coûteaux*, 1956), французский писатель, политик, публицист. Сын писателя Андре Куто, происходящего из старинного аристократического рода Трюши де Лэ (его матерью — и соответственно, бабушкой Поля-Мари — была русская аристократка Катевана Элбори-Дзасохов из эмигрантов первой волны). Получил образование в Институте политических исследований в Бордо, затем в Национальной школе администрации. Занимал целый ряд важных государственных постов, работал дипломатом, советником в нескольких кабинетах министров. В 1991-1993 гг. был советником Бутроса-Бутроса Гали.

В начале своей политической карьеры был социалистом, сторонником Ф. Миттерана. Затем долгое время примыкал к республиканцам (RPR, Объединение в поддержку республики), однако в результате раскола ОНР в 1999 г. присоединился к Шарлю Паскуа, войдя в созданное им Объединение за Францию. Был избран депутатом Европарламента по списку, возглавляемому Паскуа и Филиппом де Вилье.

В 2001 г. создал «Суверенистский союз» (*L'Entente souverainiste*) — партию, которая впоследствии стала основой для Объединения за независимость и суверенитет Франции. Во время избирательной кампании 2002 г. поддерживал кандидатуру Жан-Пьера Шевенмана (см.) Во втором туре выборов не стал призывать голосовать за Ширака (что было расценено как молчаливая поддержка Ж.-М. Ле Пена). В результате Куто был исключен из «Республиканского Полюса» (*Rôle républicain*) Ж.-П. Шевенмана.

В мае 2008 был избран президентом Объединения в поддержку независимости и суверенитета Франции (Rassemblement pour l'indépendance et la souveraineté de la France (RIF)). На этом посту получил известность как горячий сторонник возврата к сильному централизованному государству, самостоятельно решающему свои проблемы и не передоверяющему их решение наднациональным структурам.

Участвовал в миссии CIS-ЕМО по наблюдению за президентскими выборами в России 2008.

Как убежденный защитник государственного суверенитета, Куто не мог не разделять многие взгляды лидеров НФ, но, если позиция Ле Пена-старшего была для него все-таки чересчур радикальной, то с Марин Ле Пен он довольно быстро нашел общий язык. Именно Куто познакомил Марин с Флорианом Филиппо, который быстро стал главным стратегом партии. В марте 2011 г. Куто призвал свою партию (RIF) к созданию альянса с Национальным Фронтом, партией «Вставай, Республика!» Николя Дюпон-Эньяна и «Движением За Францию» Филиппа де Вилье для участия в парламентских выборах 2012 г. Стратегия эта, как показал опыт муниципальных выборов 2014 г. была правильной – но в тот момент Куто не удалось добиться понимания от всех участников будущего альянса. Тем не менее, именно под влиянием Куто к Национальному Фронту присоединились некоторые бывшие видные активисты партии Шевенмана, в том числе, Бертран Дютей де Ла Рошер, считавшийся одной из опор Республиканского и гражданского движения²³⁹.

В 2011 г. Куто создал еще одну партию, названную SIEL (аббревиатура первых букв слов «Сувере-

239. <http://www.mediapart.fr/journal/france/280911/des-chevenementistes-se-rallient-au-front-national>

нитет, Независимость И Свободы – *Souveraineté, indépendance et libertés*), вошедшую в «Объединение темно-синих» (*Rassemblement bleu Marine*).

В 2013 г. подверг критике Марин Ле Пен за ее осторожное отношение к закону об однополых браках. Куто твердо заявил, что легализация однополых браков во Франции – это «насилие, совершаемое над природой», и призвал к манифестациям против проекта закона. На этой почве возник конфликт между Куто, с одной стороны, и Марин, а также Флорианом Филиппо, с другой. Филиппо, которого Куто сам привел в НФ, заявил, что взгляды Куто на общественную мораль и институт брака устарели. Раздраженный Куто обратился к Марин в достаточно фамильярной форме: «Не понимаю, как ты можешь влиять в таком стратегически важном вопросе».²⁴⁰ В итоге, после нескольких месяцев конфликта, Куто был вынужден оставить пост президента партии SIEL, которое перешло к выходцу из Социалистической партии и бывшему активисту движения «Вставай, Республика!» Кариму Ушиху.

Куто относится к числу французских политиков, которые критикуют западные элиты (прежде всего, англосаксов) за их стратегию по отношению к России. Он считает, что политика США и их европейских сателлитов привела к драматическому для Европы развороту России на Восток, в сторону Китая и Японии.²⁴¹

9. М'бала М'бала, Дьедонне (*Dieudonné M'bala M'bala*, 1966) – французский комик, шоумен, поли-

240. http://www.lexpress.fr/actualite/politique/le-mariage-pour-tous-divise-les-amis-du-fn_1210065.html

241. http://www.lanef.net/t_article/sur-m-poutine-paul-marie-couteaux-26010.asp

тический активист. Известен своими эпатазирующими антисемитскими высказываниями. Учился в католической школе (несмотря на то, что его мать была буддисткой). Вместе со своим другом детства, еврейским комиком и актером Эли Семуном, Дьедонне выступал в составе комедийного дуэта «Эли и Дьедонне», первоначально выступая в маленьких барах и кафе. Продюсеры заметили комиков, и в 1990х гг. шоу Эли и Дьедонне получило телевизионное воплощение. В своих выступлениях Дьедонне и Семун безжалостно высмеивали расовые предрассудки, излюбленной их мишенью был Национальный Фронт и его лидер, Жан-Мари Ле Пен. Дьедонне, кроме того, снимался в нескольких французских комедиях, как правило в ролях второго плана (самым известным из этих фильмов стал «Астерикс и Обеликс: Миссия Клеопатра»).

В том же году, когда «Миссия Клеопатра» вышла на экраны, Дьедонне решил попробовать себя в роли кандидата в президенты страны (в 1997 он уже выдвигал свою кандидатуру на выборах в парламент, но безуспешно). Для раскрутки он выбрал тему борьбы с расизмом — успешно опробованную еще на шоу «Эли и Дьедонне». Однако некоторые высказывания Дьедонне вызвали негативную реакцию еврейской общины Франции: в частности, в интервью журналу *Lyon Capitale* он заявил, что никакого антисемитизма не существует, более того, не существует и самих евреев: «По-моему, евреи — это секта, мошенничество». Но эта секта «худшая из всех», потому что первая. Кроме того, Дьедонне объявил «секту» ответственной за возникновение идеологии расизма. «Расизм придумал Авраам. Так называемый «избранный народ» — вот вам исток расизма», — заявил Дьедонне.²⁴²

242. <http://www.lyoncapitale.fr/Journal/France-monde/Actualite/Societe/LITW-dans-Lyon-Capitale-qui-a-fait-condamner-Dieudonne>

Эпатажные заявления привлекли к Дьедонне внимание прессы, однако не помогли ему собрать необходимые подписи «поручителей» для участия в первом туре выборов. Тем не менее, комик продолжал активно использовать тему разоблачения «еврейского расизма». В своем шоу он говорил об исторической несправедливости: французским евреям достались и извинения за преступления режима Виши, и денежные компенсации — а чернокожим и арабам — ничего. А ведь Франция долгое время вела агрессивную колониальную политику в Африке, занималась работоторговлей, а потом и вовсе устроила кровопролитную алжирскую войну.

В 2003 г. Дьедонне появился в телеэфире переодетым в еврейского поселенца-ортодокса, обвешанный оружием с ног до головы и в традиционной черной шляпе израильского харедим. А потом, шокируя зрителей, вскинул руку в нацистском приветствии и выкрикнул что-то вроде «Изра — Хайль!». Сам Дьедонне утверждал, что произнес просто «Израиль», хотя, возможно, и с африканским акцентом. За эту выходку комика пытались привлечь к суду, но суд не нашел в его действиях оскорбления евреев в целом, а лишь выпад против носителей определенных политических взглядов.

Во время выборов в Европарламент в 2004 г. был кандидатом ультралевой партии «Евро-Палестина», но вскоре рассорился с ее лидерами. Он вообще трудно уживался с другими политиками — да и те без особого восторга относились к его выходкам, таким, как объявление Холокоста «порнографией памяти». Дьедонне заявлял, что Совет еврейских организаций Франции (CRIF) — это «мафия, которая крутит всей Французской республикой», что «сионисты из Национального центра кинематографии, контроли-

рующие все французское кино», препятствовали ему снимать фильм о работоторговле и т.д. Он устраивал публичные дебаты с раввинами из движения Натурей Карта (еврейской религиозной общиной, выступающей против сионизма и существования государства Израиль), с которыми соглашался в том, что Холокост – это результат действий сионистов и наказание еврейскому народу за его грехи и сионизм.

Все это чрезвычайно затрудняло Дьедонне возможность вхождения в уже существующие партии и движения. Одно время он пытался стать фронтменом и выразителем интересов чернокожего населения Франции – но и с ними не сумел найти общего языка. За ним закрепилась устойчивая репутация скандалиста-антисемита, хотя сам он утверждал, что является противником не евреев, а сионистов, которые подчинили своим интересам французское государство, извратив его изначальную национальную сущность. Именно сионисты, по словам Дьедонне, натравили на него подконтрольные им СМИ. В интервью иранскому телеканалу Press TV Дьедонне заявил: «Сионизм лишает человечество единства. Его адепты пытаются заставить нас драться друг с другом. Это они начали все войны, это из-за них на планете творится полный беспорядок».²⁴³

Единственной политической силой, с которой Дьедонне долгое время поддерживал хорошие отношения, был Национальный Фронт. В 2005-2006 гг. Дьедонне часто появлялся на публике в компании ближайшего соратника Ж.-М. Ле Пена Бруно Гольниша, а также доверенного советника Марин Ле Пен **Фредерика Шатийона** (см.) Он тесно общался с известным французским конспирологом Тьерри Мейсаном и Аленом Соралем, бывшим марксистом, а ныне

243. <http://lenta.ru/articles/2014/02/05/dieudonner/>

праворадикальным интеллектуалом, оказывавшим большое влияние на отца и дочь Ле Пенов. Идеи Соралея, сочетавшие в себе воинственный антисемитизм и симпатии к исламу, совпали с экстравагантными взглядами Дьедонне; в августе 2006 г. Дьедонне совместно с Соралем, Шатийоном и Мейсаном совершил поездку в Ливан, где встретился с полевыми командирами Хезболлы.

Дружба Дьедонне с активистами НФ становилась все более крепкой: в период президентской кампании 2007 г. комик не раз появлялся на публике вместе с Жан-Мари Ле Пенем, а затем даже предпринял поездку в Камерун в компании жены президента НФ, Жани. В июле 2008 г. Жан-Мари Ле Пен стал крестным отцом третьего ребенка Дьедонне. Согласно опросам общественного мнения, проведенным французским институтом IFOP, 71% французов негативно относятся к Дьедонне М'бала М'бала, и только у 16% он вызывает положительные эмоции. Однако среди избирателей Национального Фронта соотношение другое: здесь Дьедонне симпатизируют 32%, тогда как отрицательно к нему относятся лишь у 54%.

Политическая позиция шоумена привлекала внимание не только СМИ. Дьедонне не раз становился ответчиком по искам различных еврейских и правозащитных организаций, и был вынужден выплачивать значительные штрафы — в том числе, за исполнение песни «Шоа-нанас» (Shoah-Nanas), в которой, в частности, были такие слова: «Дорогой ананас, я никогда тебя не забуду. Ты столько страдал. И за все, что ты перенес, мы дадим тебе компенсации. Ты получишь солнечную страну и миллионы долларов за миллионы депортированных ананасов». Несколько лет назад на Дьедонне напали на улице два подростка-еврея, применившие против него слезоточивый газ — сим-

птоматично, что уголовного дела заведено так и не было.

В сентябре 2014 Дьедонне оказался под следствием, поводом для которого стало видео, на котором комик сравнил убийство американского журналиста Джеймса Фоули с казнью бывшего иракского диктатора Саддама Хусейна и расправой над Муаммаром Каддафи. Дьедонне тогда заметил, что «ротшильдовская мафия» спокойно восприняла жестокое убийство Каддафи, но назвала чрезмерной расправу с Фоули. Наконец, в январе 2015 г. Дьедонне был арестован в Париже по обвинению в публичной поддержке терроризма. Вся вина Дьедонне заключалась в том, что после расстрела редакции *Charlie Hebdo* а также шутинга, который устроил в магазине кошерной еды исламист Амеди Кулибали, он написал на своей страничке в Фейсбуке: «Сегодня вечером я чувствую себя Шарли Кулибали». Тут уже прокуратура среагировала мгновенно, и возбудила уголовное дело против комика. Дьедонне был приговорен к двум месяцам тюремного заключения (условно) — за «подстрекательство к террору».

10. **Моррас, Шарль**²⁴⁴ (*Charles-Marie-Photius Maurras, 1868-1952*), выдающийся идеолог французского «интегрального национализма», монархист и консерватор. Публицист, эссеист, критик, поэт. Родился в небольшом городе Мартиг в Провансе, в богатой буржуазной семье. Отец Морраса придержи-

244. При написании этого раздела широко использовались фрагменты интереснейшей статьи Василия Молодякова, опубликованной на сайте Русская Idea (Василий Молодяков, «Рождение «действия» из «дела Дрефуйса»: Шарль Моррас и создание «Action française»// Русская Idea, 16.07.2015 (<http://politconservatism.ru/thinking/rozhdenie-deystviya-iz-dela-drefuysa-sharl-morras-i-sozdanie-action-fran-aise/>))

вался либеральных взглядов, мать была глубоко верующей католичкой. Моррас получил образование в частных католических школах, но вырос, по его собственным словам, «законченным эпикурейцем и атомистом», рационалистом и критиком иудеохристианства. «Моррас приемлет Церковь и не приемлет Евангелие. Он жаждет папу, а не Христа, — писал его старший друг Морис Баррес. — У него есть обобщающая система, в которой он, подобно Огюсту Конту, отводит место католицизму. Для Церкви это неприемлемо».²⁴⁵

В ранней юности начал терять слух, что повлияло на решение Морраса посвятить себя занятиям литературой и философией (до этого мечтал быть моряком, как дед). Переехал в Париж, где с 1886 г. начал печататься в консервативных изданиях. Вошел в литературное движение «фелибров» (литераторов, писавших на провансальском языке) и учеником его вождя Фредерика Мистрала. Писал стихи, статьи и эссе — как на французском, так и на провансальском.

Моррас был влюблен в античность (его родной город, Мартиг, стоял на месте древнегреческой колонии), наследниками которой считал все народы романской группы (англичан, скандинавов, немцев и русских Моррас относил к «варварам»). Из увлечения античностью родился один из главных идеологических концептов Морраса — «метеки». В одноименной статье, опубликованной в декабре 1894 г., он первым во Франции ввел в актуальный обиход этот термин из лексикона древних Афин, обозначив им иностранцев, которые легально живут в другом государстве и пользуются защитой его законов, но лишены прав гражданина. Под современными метеками Моррас

245. Здесь и дальше цитаты даны по указанной статье В. Молодякова

имел в виду евреев, протестантов и франкмасонов. В масонских ложах, чрезвычайно влиятельных во времена Третьей республики, он видел систему связей «метеков» между собой для давления на французов. Еще одним опасным врагом Франции Моррас считал еврейство, однако не как народ или конфессию, а как «нацию внутри нации, государство в государстве», как «чуждую» силу, которая «вмешивается в нашу политическую жизнь, внося лишь раскол и разрушение».²⁴⁶

В 1899 г. на фоне ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками капитана Дрейфуса (офицера французской армии, еврея по происхождению, обвиненного в шпионаже в пользу Германии), последние объединились в Лигу французской родины. Почетным председателем Лиги стал знаменитый поэт и драматург, член Французской академии Франсуа Коппе, председателем — драматург, критик и тоже академик Жюль Леметр, а его ближайшим помощником Морис Баррес. В правление, избранное 19 января, вошли Мистраль, Рамбо, бывший военный министр Годфруа Кавеньяк, историк литературы Фердинанд Брюнетьер, композитор и дирижер Венсан Д'Энди. Среди членов Лиги были поэт Жозе-Мария де Эредиа, прозаик Поль Бурже, историк Альбер Сорель, филолог Гастон Буассье. В Лигу входили знаменитые живописцы Огюст Ренуар и Эдгар Дега, всемирно известный фантаст Жюль Верн, пропагандист русской литературы Мельхиор де Вогиюэ, карикатурист Каран д'Аш (уроженец Москвы Эмануэль Пуаре) и многие другие. В течение месяца в Лигу вступило 30 тысяч человек, в основном интеллигенция и люди творческих профессий.

246. Там же.

Моррас принадлежал к радикальному крылу Лиги, которое называло себя «национальной оппозицией» и выдвигало программу «антисемитизм – антипарламентаризм – французский традиционализм». В правление Лиги его, однако, не избрали.

С двумя руководителями Лиги – философом Анри Вожуа и критиком Морисом Пюжо – Моррас основал движение «Французское действие» (*Action française*). Название было взято из статьи Пюжо «Французское действие», опубликованной в декабре 1898 г. «Самое нужное сейчас, – говорилось в статье, – воссоздать Францию как общество, восстановить идею родины, обеспечить непрерывность наших традиций и приспособить их к условиям нынешнего времени, преобразовать республиканскую и свободную Францию в государство, настолько организованное изнутри и сильное снаружи, как это было при старом порядке».

10 июля 1899 г. вышел первый номер «*Bulletin d'Action française*» (позднее «*Revue d'Action française*»), выходившего дважды в месяц. 15 ноября была опубликована политическая декларация:

«1. Для отдельного человека не существует более насущного интереса, чем жить в обществе; любая угроза обществу является угрозой для личности.

2. Из всех общественных форм, присущих человеческому роду, единственной законченной, наиболее основательной и распространенной бесспорно является нация. После того как древняя общность, известная в Средние века под именем христианского мира, распалась, частично сохранившись в единстве романского мира, нация остается необходимым и абсолютным условием [существования] человечества. Международные отношения, будь то политические, моральные или научные, зависят от сохранения наций.

Исчезновение наций ставит под угрозу самые высокие и ценные экономические и духовные связи мира. Поэтому национализм не есть дело чувства: он рационально, математически необходим.

3. Французы — граждане государства, преданного своими правителями и раздираемого прискорбными разногласиями, — должны решать все существующие вопросы и разделяющие их проблемы с точки зрения нации.

Естественные объединения французов должны создаваться вокруг общего национального стержня.

С учетом политических, религиозных и экономических различий они должны классифицироваться, исходя из твердости и глубины их веры во Францию.

4. Долг французов, верных этим принципам, сегодня состоит в том, чтобы излагать их как можно более открыто и часто дабы привлечь заблуждающихся или не просвещенных пока соотечественников».

Эта декларация в той или иной степени определила политические взгляды всех последующих французских националистов — от Бардеша до Ле Пена.

Благодаря усилиям Морраса, «Action française» все больше превращалось в монархическое движение — несмотря на то, то Вожуа и Пюжо были убежденными республиканцами. Вожуа в шутку называл Морраса «единственным роялистом во Франции». «Присоединяйтесь ко мне, и нас будет двое», — невозмутимо отвечал Моррас.

23 ноября 1897 г. в статье «Чему служит монарх?» он впервые заявил, что вывести Францию из кризиса может только смена политического строя, а при парламентской республике не помогут никакие реформы. А на вопрос: «Не кажется ли вам сложной реставрация монархии?», — отвечал: «Это доказывает лишь то, как трудно возродить Францию».

Под лозунгами федерализма и децентрализации Моррас выступал за восстановление исторических провинций, противопоставляя их искусственно созданным департаментам, и за передачу решения локальных проблем местной выборной власти, оставляя за несменяемой центральной — законотворчество, военную и внешнюю политику. В статье «То, чего хочет Франция», появившейся 16 ноября 1899 г., днем позже декларации «Action française», Моррас суммировал: «Монархическая идея — ничто иное как максимальное выражение идеи патриотизма».

В монархических кругах Франции шла борьба между «орлеанистами», «легитимистами» и «бонапартистами», отстаивавшими права на престол потомков соответственно Луи-Филиппа, Карла X и Наполеона III. Моррас и его соратники приняли сторону первых, считая герцога Филиппа Орлеанского — он же Филипп VIII — самой перспективной фигурой для объединения монархистов. В 1886 г. республиканские власти выслали членов Орлеанского дома за границу, не позволив 17-летнему Филиппу закончить военное образование.

Ставший после смерти отца в 1894 г. главой дома, герцог занял антидрейфусарскую позицию: «На армию нападают и хотят уничтожить, Францию хотят погубить. Я — естественный защитник армии и родины».

Страдавший от глухоты и не склонный к публичной активности, Моррас стал идеологом и теоретиком движения. Он сразу же пригласил в «Action française» Мориса Барреса, настаивая: «Важно, чтобы интеллектуально вы были с нами. Я, как вы и, если угодно, больше, чем вы, чувствителен к различиям, но сейчас важно только объединение». Республиканец авторитарного, «бонапартистского» толка, Бар-

рес не примкнул к движению, но публично выразил симпатию к нему, оговорив разность позиций.

Под руководством Морраса, с организаторскими талантами Вожуа и с поддержкой талантливого писателя Барреса, посвящавшего свои статьи и романы возрождению национального духа и обращавшегося в основном к молодежи, «Action française» быстро превратилась в авторитетную и влиятельную силу французской политики. Провал Лиги французской родины многому научил Морраса: движение сразу же отказалось от участия в выборах и других механизмах системной политики. «Бросая вызов основополагающим принципам существующего государства, было бы странно начинать с их принятия и недальновидно претендовать на их использование», — заявлял Моррас. Просветительская деятельность сочеталась со стремлением привлечь к себе внимание — шумными акциями, демонстрациями «во славу» и «долой», уличными потасовками, которые Моррас называл «насилием на службе разума». И то, и другое привлекало молодежь, в том числе в лицеях и университетах, где на рубеже веков господствовали республиканские и социалистические идеи.

Рост популярности «Action française» привел к тому, что ситуация в учебных заведениях медленно, но верно начала меняться. Можно даже сказать, что основы успеха политических объединений крайне правых в 1960-1970 х. гг. с их принципами «прямого действия» и экстремистской уличной политикой были заложены именно тогда, в начале XX в., благодаря Моррасу и его движению. Прообраз таких групп, как GUD или «Запад» — молодежное крыло «Action française» — «Королевские молодчики» ((Camelots du Roy), которое возникло в 1908 г. , изначально как группа курьеров, распространявших газету движения. «Молодчи-

ки» базировались в Латинском квартале Парижа, в связи с этим левым посещать этот квартал было весьма небезопасно. От «Молодчиков» доставалось всем: они устраивали уличные драки не только с социалистами, коммунистами и анархистами, но и с правыми республиканцами, включая фашистов. «Молодчики» были не чужды артистического активизма. Так, они срывали театральные спектакли, если автором пьесы был еврей или республиканец, уродовали памятники «врагам Франции». Членом «Королевских молодчиков» в юности был, в частности, известный французский писатель Жорж Бернанос. Однако самым знаменитым «молодчиком» был и остается не кто иной, как Франсуа Миттеран, активно участвовавший в движении Морраса в 1930-е годы.

Слабым местом движения была нехватка финансов. Для укрепления позиций Action française Вожуа и Моррас 15 января 1905 г. объявили о создании Лиги французского действия. Особого успеха она, как и Лига французской родины, не имела, но через два с половиной месяца у нее появился отличный информационный повод для новой кампании — визит кайзера Вильгельма II в Танжер и попытка немцев заключить оборонительный антифранцузский союз с султаном Марокко. Это означало, что наглые боши без стеснения начинают

«Мы почувствовали раскрывшиеся над нами крылья войны, — вспоминал французский критик и литератор Анри Массис, которому тогда было девятнадцать. — Эта дата означала вступление в жизнь нашего поколения».

Новое поколение, которому предстояло пролить немало крови на полях Первой мировой войны, вступало в жизнь, вдохновляемое яркими националистическими проповедями Морраса. Патриотиче-

ский подъем, вызванный бесцеремонной немецкой политикой, помог собрать полмиллиона франков на издание ежедневной газеты *Action française*. Появление собственной газеты сразу же вывело движение Морраса на совершенно новый уровень. «Главным рычагом любого политического предприятия нашего времени является пресса, значение которой исключительно, — писал примкнувший к движению Леон Доде²⁴⁷. — У истоков и во главе каждого движения, хорошего или дурного, стоит журналист или писатель. У антисемитов это был Дрюмон, у дрейфусаров Золя, у сторонников реставрации монархии Моррас. Без такого поборника и без ежедневного издания никакая идея не воодушевит общественное мнение, не будет ни жизненной, ни успешной». 21 марта 1908 г. вышел первый номер ежедневной газеты «*Action française*», на которую удалось собрать полмиллиона франков. Директором и главным редактором газеты стал Леон Доде (его жена пожертвовала газете полученное наследство), Вожуа — политическим директором. После смерти Вожуа в 1916 г. Моррас разделил с Доде политическое руководство газетой, а ее основной «техник» Пюжо занял пост главного редактора. Историк Жак Бенвиль с первого номера и до своей смерти в 1936 г. отвечал за обзор международной политики.

С 24 марта Моррас печатался в «*Action française*» почти ежедневно, порой несколько раз в одном номере, в общей сложности опубликовав около десяти тысяч статей. Они принесли ему большую известность, чем книги, в том числе составленные из этих же текстов, хотя Георгий Адамович утверждал, что «политические статьи Морраса писаны тускло и вяло». Мнения о форме его статей бытовали разные, но значимость содержания сомнений не вызывала.

247. Сын знаменитого писателя Альфонса Доде

Противники признавали ее, друзья восторгались. «Моррас берется за перо лишь тогда, когда хочет сказать нечто важное, — писал Доде, — то есть каждый день и на общезначимую тему».

Девизом газета выбрала слова герцога Орлеанского «Все национальное — наше» (*Tout ce qui est national est nôtre*), т.е. все национальные силы — с нами²⁴⁸. Редакционное заявление в первом номере обещало «рассматривать все проблемы Франции только с точки зрения интересов страны» и выразило неприятие любой «анархии», прежде всего «космополитической».

В конце первого года существования тираж «Action française» составил 15 тысяч экземпляров, в то время как у официальной орлеанистской «Gazette de France», где Моррас регулярно печатался с 1892 г., не превышал 6 тысяч. Редакционный архив «Action française» не сохранился, и историки не имеют точных данных о тираже (колебался между 50 тыс. и 100 тыс.) и финансовой стороне дела, но известно, что предприятие почти всегда было убыточным (в 1920-1930-е годы дефицит составлял до миллиона франков в год) и существовало на пожертвования. Даже соратники Морраса вроде Барреса полагали, что газета не продержится более полугода, и точно не могли предвидеть, что она прекратит существование лишь в августе 1944 г., в результате освобождения Франции от немцев.

Появление ежедневной газеты открыло новую эпоху французского национализма. Он перестал быть замкнутой сектой интеллектуалов и превратился в массовое движение, привлекающее десятки тысяч активистов. При всем своем консерватизме Моррас

248. Спустя шестьдесят с лишним лет этот девиз возьмет на вооружение Жан-Мари Ле Пен

старался идти в ногу со временем и не чурался ничего нового. Так, в 1930 г. он начал печатать в «Action française» молодого и очень популярного кинокритика Люсьена Ребате (впоследствии автора блестящих «Мемуаров фашиста») — и это несмотря на то, что патриарх французского национализма видел в своей жизни один-единственный фильм, и фильмом этим по странной случайности оказался тогдашний голливудский блокбастер «Бен Гур», который Моррас назвал «отвратительным еврейским товаром». Но Моррас понимал, что кино привлекает миллионы, и позволял Ребате печатать на страницах газеты и «большевистские фильмы, «большевистские фильмы, ещё одушевлённые революционным лиризмом, фильмы иудеонемецких экспрессионистов, клоунов из гетто братьев Маркс, жесты об американских гангстерах — то есть образы, совершенно чуждые мистралистской или неоклассической эстетике и нравам «Девушек-роялисток»²⁴⁹ с их сорокалетней девственностью».

Движение Морраса приняло активное участие в событиях 6 февраля 1934 г., которые в российской историографии принято называть «фашистским путчем». Поводом для выступления правых сил послужило т.н. «дело Стависского» — еврея-эмигранта из России, подозревавшегося в коррупционной деятельности и подкупе ряда левых политиков. 9 января 1934 г. Стависский был найден мертвым в гостиничном номере — официальной причиной смерти было названо самоубийство, но правые сразу же заявили, что Стависского застрелили агенты полиции, действовавшие по указу коррупционеров из правительства. На протяжении нескольких недель на улицах

249. «Девушки-роялистки» (Jeunes femmes royalistes) — ещё одна молодёжная организация «Action Française», объединявшая, как нетрудно догадаться, последовательниц Морраса.

Парижа проводились массовые демонстрации, марши военизированных организаций, в том числе, и «Королевских молодчиков». Наконец, 6 февраля около 40 тысяч сторонников правых, многие из которых были членами «Action française», направились к зданию парламента. Начались столкновения с полицией, в результате чего полицейская охрана парламента применила огнестрельное оружие. Погибло 15 человек, более 2000 получили ранения.

Тем не менее, вооруженные отряды «Action française» продолжили борьбу и на следующий день — в отличие от куда более опытных и подготовленных колонн организации «Огненные кресты» полковника де ла Рока, которые во время решительных схваток на мосту перед Бурбонским мостом сохраняли выжидательную позицию.

В годы нацистской оккупации Моррас поддерживал режим маршала Петена, хотя никакой симпатии к немцам не испытывал — они оставались для него варварами, угрозой французской цивилизации. Но Петен стал настоящим героем для пожилого уже Морраса. Как писал немецкий историк Эрнст Нольде, «Петен стал объектом всех элементарных монархических настроений, какие еще остались у французского народа: женщины протягивали ему детей, чтобы он их коснулся, и провинции Франции в торжественных церемониях вручали спасителю страны свои подарки... И Моррас не уклоняется от этого, он идет до конца в полной самоотдаче личности Петена. Он, критиковавший папу и противившийся своему королю, когда их идеи казались ему ошибочными, проповедовал теперь самую слепую преданность — теперь, когда Петен вел Францию по пути коллаборационизма, что почти наверное должно было означать реальную гибель Франции. Он, быв-

ший в течение сорока лет передовым борцом за дело Бурбонов, не находит ни слова протеста, когда Петен и Лаваль в полном согласии готовят графу Парижскому холодный прием. Он, указавший в самом знаменитом труде своей юности путь освобождения интеллигенции – союз с аристократией крови – произносит теперь слова, гротескно кастрирующие все духовное ради банальнейшего военного режима. Так подтверждается старое подозрение, что в монархизме Морраса столь же мало традиции и подлинности, как и в его католицизме».²⁵⁰

Газета «Action française» продолжала выходить до самого освобождения Франции союзниками в 1944 г. В сентябре 1944 г. Моррас был арестован военной полицией союзников и предстал перед судом. Чрезвычайный трибунал лишил его звания члена Французской академии и приговорил к пожизненному заключению. Обвинительный акт был составлен торопливо и небрежно – даже ничуть не симпатизирующий Моррасу Нольте признает, что «этот объемистый документ, собрание цитат из *Аксьон Франсэз*, изготовлен не очень добросовестным и добропорядочным человеком, с множеством неточностей, местами сравнимых с фальсификацией». Мотив преступления, вмененного Моррасу, был чрезвычайно туманен: «интеллектуальное сотрудничество с врагом и сочувственное изображение его действий». Но исход судилища был, по-видимому, predetermined – и когда судья огласил приговор, 76-летний старец, с трудом расслышав его из-за прогрессирующей глухоты, крикнул со скамьи подсудимых: «Это месть за Дрейфуса!».

В марте 1952 г. президент Четвертой республики Венсан Ориоль помиловал Морраса, которому ис-

250. Эрнст Нольте. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

полнилось уже 83 года. По еще одному странному совпадению с делом Дрейфуса, к тому времени во Франции набрало силу ревизионистское движение в защиту Моррасса – но патриарх французского национализма принял освобождение, не настаивая на предварительной реабилитации. Он был уже очень болен, и не смог вернуться в Париж, закончив свои дни в клинике в Туре спустя восемь месяцев после освобождения.

«Католическая церковь никогда его не покидала, – пишет Нольте. – И на этот раз она послала к нему священника, не обижавшегося на упрямые споры. И он в самом деле умер 16 ноября 1952 года, примирившись с церковью, а может быть даже примирившись с христианским богом; в его последнем сборнике стихов *Balance Intérieure* есть очень красивое стихотворение, позволяющее это предположить».²⁵¹

Организация, созданная Моррассом, Action française, существует до сих пор, сохраняя верность «роялистским и националистическим» принципам.

11. **Паскаль, Пьер** (*Pierre Pascal*, 1890-1983) – выдающийся французский славист, в 1916-1918 гг. сотрудник французской военной миссии в Москве, затем сотрудник Наркомата иностранных дел РСФСР, секретарь Г.В. Чичерина. После отъезда из СССР в 1933 г. преподаватель ряда французских университетов, в том числе, Сорбонны. Автор книг по истории России, в том числе, по истории раскола. Убежденный русофил (по выражению Ж. Нива, смыслом жизни Паскаля была «русская религия»).

251. Там же.

12. **Робер, Ален** (*Alain Robert*, 1945) – французский политический активист, один из лидеров группы «Запад», один из «отцов-основателей» Национального Фронта. Прошел путь от уличного бойца из экстремистской крайне правой группировки до успешного респектабельного политика.

Студент факультета права университета Париж-Асса, Робер присоединился к Федерации студентов-националистов – «*Federation des Etudiants Nationalistes*» (FEN) – созданной в мае 1960 г. в одной из парижских пивных студентами и лицеистами, недовольными «предательским» курсом де Голля, готового предоставить независимость Алжиру. Символ FEN – шлем греческого гоплита, символизовавший верность и восхищение спартанскими военными ценностями, среди которых не последнюю роль играл интеллект. Федерация с недоверием относилась к экстремизму, но уделяла большое внимание физическому и интеллектуальному воспитанию своих членов.

В апреле 1964 г. Робер вместе с Филиппом Асселеном, Кристианом де Бонгеном, Фредериком Брего и другими выходцами из FEN создает «движение «Запад» (*mouvement Occident*)²⁵². Идеологом группы становится **Франсуа Дюпра (см)**, исключённый двумя годами ранее из FEN. Наиболее взрослый (он уже защитил диссертацию по истории, в то время как молодые люди из Occident в лучшем случае получили лишь диплом об окончании первой ступени университета), он предоставляет движению ряд своих идеологиче-

252. Создание «Запада» было результатом раскола ФСН, из которой была исключена «фракция» Франсуа д'Орсиваля (журналиста, сотрудничавшего в журналах «Защита Запада» Мориса Бардеша и «Европейское действие» Доминика Веннера) за «недисциплинированность и отход от принципов национализма».

ских проектов и наработок²⁵³. Общее теоретическое руководство движением на первых порах осуществлял бывший активист ОАС Пьер Сидо.

«Запад» представлял собой вполне классическую правую группировку, вдохновляемую идейным наследием **Шарля Моррасса** (см.). На идеологию «Запада» в этот период оказали влияние идеи **Роберта Бразильяка** (см.) — в частности, апология расового неравенства, мистика крови и т.д. Тогда же лидеры «Запада» впервые открыто заявили: «Негодный и вредный во всех его формах, либерализм есть самый опасный враг национализма».

Первые шаги движения «Запад» совпали с началом предвыборной президентской кампании **Жана-Луи Тиксье-Виньянкура** (см.) Ален Робер, как и другие активисты «Запада», принимают самое деятельное участие в предвыборной кампании Тиксье-Виньянкура, начиная от работы в Комитете в поддержку Тиксье-Виньянкура и заканчивая тайной подтасовкой бюллетеней на избирательных участках. Впрочем, это не помогло Тиксье-Виньянкуру попасть в Елисейский дворец (он набрал 5,27% голосов).

В 1967 г. Робер и еще двое руководителей «Запада» попадают в тюрьму в Руане по обвинению в избивании студентов-леваков в столовой университетского кампуса, но спустя два месяца выходят на свободу. Этот инцидент имел некоторые последствия: из рядов движения был исключен старший товарищ Робера Франсуа Дюпра, заподозренный в тайном сотрудничестве с полицией.

После роспуска движения «Запад» в 1968 г. Робер основывает Группу совместной обороны (GUD), первоначально называвшуюся Группой объединен-

253. Т. Лаган, Д. Маршал, Ф. Шатийон, *Чумные Крысы: история студентов-националистов 1965-1995 гг.*, Часть I.

ных правых — организацию, объединявшую наиболее склонных к уличным потасовкам студентов, существующую и до сих пор (см. главу 1). Несколько позже Робер и ряд других руководителей движения основывают группу «Новый порядок» (подробнее об этом рассказывается во 2 главе). В 1972 г. Робер и главный редактор *Minute* Франсуа Бриньо создают новую организацию — Национальный Фронт, и приглашают своего бывшего соратника по Комитету в поддержку Тиксье-Виньянкура Жан-Мари Ле Пена занять пост президента.

В 1973 г. происходит разрыв между Робером и Ле Пенем. Ле Пен сместил Робера с поста генерального секретаря партии, заменив его на преданного ему Доминика Кабоша. В ответ Робер организывает свой собственный Национальный Фронт — ориентированный на молодежь и более агрессивный. Однако вскоре Ж.-М. Ле Пен через суд отстоял право на бренд Национальный Фронт, и Роберу пришлось создавать партию с нуля. В 1974 г. Робер зарегистрировал Партию Новых Сил ((PNF — *Parti des Forces Nouvelles*), в создании которой приняли участие его старые соратники Франсуа Бриньо и Паскаль Гошон, а также «несбывшаяся надежда крайне правых» — Ж.-Л. Тиксье-Виньянкур.

В 1981 г. в идейной эволюции Робера происходят заметные изменения. Он отходит от крайне правого национализма и примыкает к Национальному центру независимых и крестьян — консервативной, но отнюдь не экстремистской крестьянской партии, занимая довольно важный пост помощника генерального секретаря. Сближается с правым консервативным политиком Шарлем Паскуа, и под его влиянием переходит в ряды Объединения в поддержку респу-

блики (позже – Союз за народное движение, сейчас – Республиканцы).

В 1983 г. Робер избирается в муниципальный совет Блан-Месниля в Сен-Сен-Дени по списку СНД-Союз за французскую демократию – Национальный центр независимых и крестьян. Три года спустя его избирают в региональный совет Иль-де-Франс по списку СНД-НЦНК. После этого Робер получает пост в Министерстве внутренних дел, которое возглавил Шарль Паскуа. В последующие годы многократно переизбирался в региональный совет Иль-де-Франс, продолжал занимать посты в МВД. В 1994 г. премьер-министр Франции Эдуард Балладюр назначил Робера членом Совета по экономике и социальной политике, как «весьма квалифицированного» специалиста. В 2004 г. вошел в национальный совет Союза за народное движение.

13. **Сержан, Пьер**²⁵⁴ (*Pierre Sergent*, 1926-1992), известный также как Капитан Сержан, офицер Иностранного легиона, один из руководителей ОАС, создатель ее филиала в метрополии в 1961 г. Впоследствии писатель, политик, примыкавший к Национальному Фронту.

Родился в богатой буржуазной семье в Севре, департамент Сена-и-Уаза. Подростком испытал глубокий шок от «позорного бегства» французской армии перед наступающими дивизиями Третьего Рейха. Семья Сержан была вынуждена переехать в Париж, их семейный дом в Севре был захвачен и разграблен немцами.

254. Автор выражает благодарность историку-архивисту Екатерине (<http://catherine-catty.livejournal.com/profile>), чей Живой Журнал содержит множество материалов (в том числе, фото), касающихся войн в Индокитае и Алжире, использованных при написании этого раздела

Во время оккупации Пьер Сержан учился в престижном лицее Генриха IV. В 1942 г. был в числе тех лицеистов, которые из солидарности со своими товарищами-евреями нашивали себе на рукава желтые звезды.

Вскоре Пьер и его старший брат Жак, учившийся в лицее Людовика Великого, становятся участниками одной из ячеек Сопротивления, называвшейся Национальный Фронт (Le Front National). Первоначально их деятельность ограничивалась распространением подпольных листовок и газет, однако в 1943-1944 гг. братья становятся бойцами вооруженной группы «Свобода», состоявшей в основном из студентов, аспирантов и выпускников Национальных школ. Получив диплом, Пьер покидает Париж и уходит в макизары (группы партизан, действовавших в основном в сельской местности). Участвовал в боях как с немецкими оккупантами, так и с французскими силами безопасности, перешедшими на сторону немцев.

После освобождения Франции Сержан поступил в лицей Св. Людовика, а затем и в Высшее военное училище Сен-Сир. В 1950 г. вступил в Иностраннный легион (1й пехотный полк Иностранного легиона), дислоцированный в Сиди Бель Аббес (Алжир). После трех лет службы в Северной Африке был переведен в 1 парашютно-десантный батальон ИЛ, принимавший участие в войне в Индокитае. Лейтенант Сержан участвовал в операции «Марион» — первого масштабного использования парашютно-десантных войск в Индокитае, во время которой 2350 парашютистов были десантированы в тылу вьетнамцев.

Сержан был образцовым солдатом, для которого знаменитые 10 заповедей колониального парашютиста были своего рода Священным писанием. Име-

ет смысл привести их здесь — еще и потому, что они дают представление не только о моральных качествах Сержана, но и о принципах, на которых строилась политика Жан-Мари Ле Пена.

1. *Вы — солдаты элитных частей. Вас ждут бои и испытания. Высшей вашей целью будет сражение.*

2. *Развивайте дух товарищества. Только вместе с товарищами вы придете к победе или к смерти.*

3. *Будьте лаконичными и неподкупными. Мужчина действует, а кокетство оставляет женщинам. Оно может привести вас к могиле.*

4. *Будьте спокойными и благоразумными, сильными и решительными. Храбрость, энтузиазм, наступательный дух во время атаки дадут вам преимущество над противником.*

5. *Когда рядом враг самое драгоценное — это патроны. Тот, кто стреляет без необходимости, для куража, не заслуживает звания парашютиста.*

6. *Никогда не сдавайтесь, для вас существует только победа или смерть. Нет никакой другой альтернативы. Это вопрос чести.*

7. *Невозможен триумф без исправного оружия. Четко следуйте правилу: сначала -оружие, потом — вы сами.*

8. *Вы всегда должны ясно понимать что нужно делать. Даже если ваш командир убит, четко выполнять ваши обязанности.*

9. *С врагом, который бьется с открытым забралом, будьте рыцарями, лицом к лицу с герильей оставайтесь людьми.*

10. *Будьте бдительны. Будьте героями. Будьте так же быстры, как борзые, так же выносливы, как кожа, так же тверды, как сталь, и вы станете великолепным воплощением Воина.²⁵⁵*

255. <http://www.commandoguillaume.com/html/medias/pdf//10commandements.pdf>

Сержан отличался исключительной личной храбростью. Во время боев в Аннаме (1954) получил тяжелое ранение, спасая товарищей, и был отправлен во Францию. Проходя лечение в парижском госпитале узнал о капитуляции Дьен-бьен-фу. Подобно Жан-Мари Ле Пену (см. главу 2), чрезвычайно тяжело переживал завершение индокитайской войны, считая, что продажные и трусливые политики предали страну и солдат, которые ее защищали. Открыто называл Женевские соглашения актом «позорной продажи мужчин, крови и земли».

В ночь на 1 ноября 1954 г. — дата, которая вошла в историю Франции как «красный День всех святых» — отряды Фронта национального освобождения Алжира атаковали французские поселения и казармы. Первыми жертвами повстанцев стали гражданские лица — пассажиры автобуса, среди которых были французы-учителя и местные жители. Вслед за этим правительство Мендес-Франса отправило в Алжир дополнительные воинские контингенты. Выписавшийся из госпиталя Пьер Сержан немедленно отправился в Алжир.

Служил в 1-м парашютно-десантном полку Иностранного легиона, принимая непосредственное участие в борьбе против алжирских мятежников (ФНО). Обстановка в Алжире в это время была крайне нервной: полтора миллиона «черноногих» (французских жителей Алжира) были защищены от огромной массы местного населения только армейскими штыками, но сама армия чувствовала себя брошенной на произвол судьбы парижскими политиками. Четвертая республика оказалась шатким политическим образованием, переходящим от одного кризиса к другому. Только за первые три с половиной года ал-

жирской войны (ноябрь 1954 – май 1958 гг.) в Париже сменилось шесть правительств.

В марте 1958 г. был вынесен вотум недоверия очередному премьер-министру (Феликсу Гайяру) и Франция погрузилась в трехнедельный правительственный кризис. На пост премьера был выдвинут Пьер Пфлимлен, о котором говорили, что он является сторонником мирных переговоров с ФНО.

Сержан, видевший уже своими глазами, как политики сдают завоеванные солдатами территории, быстро понял, что положение в Алжире приобретает тот же характер, что и в Индокитае. Он не знал (или, по крайней мере, не знал наверняка) что патриотически настроенные генералы (П. Шеррьер, М.-Л. Шассэн) тайно ведут переговоры с полуправительственными и подпольными националистическими организациями (такими, как «Движение Молодая нация») и монархистами (Ф. Мартэн), а также с крупными алжирскими землевладельцами (Р. Мартель) чтобы выступить против импотентного режима Четвертой республики. Тем более он не мог знать о том, что за кулисами заговора стоит бывший генерал-губернатор Алжира **Жак Сустьель** (см.), профессиональный историк-антрополог и блестящий разведчик, имевший собственную разветвленную агентурную сеть в Алжире.

События 13 мая 1958 г. оказались для Сержана полной неожиданностью.

В авангарде мятежа оказались представители националистических гражданских организаций, поддержанные силами крупных землевладельцев и промышленников Алжира. Поводом послужило сообщение о расстреле трех французских солдат, захвачены в плен повстанцами из ФНО. Одновременно пресса сообщила о том, что премьер-министром Республики все-таки назначен «пацифист» Пьер Пфлимлен.

13 мая 1958 года тысячи жителей столицы Алжира вышли на демонстрацию протеста. Толпа, предводительствуемая председателем Союза алжирских студентов Пьером Лагайярдом²⁵⁶ и четырьмя его вооруженными телохранителями, заполнила Форум и окружила Монумент павшим. Под одобрительный рев толпы Лагайярд призвал собравшихся сражаться за французский Алжир.

Мятежники ворвались в здание Летнего дворца — резиденции эмиссара французского правительства — и устроили там погром. Вскоре к дворцу прибыли командир армейского корпуса генерал Ж. Аллар и командир 10 парашютно-десантной дивизии, герой Второй мировой войны, генерал Ж. Массю. Собравшиеся на площади скандировали: «Да здравствует Массю!», «Армию — к власти!». Лагайярду удалось уговорить Массю сформировать Комитет общественного спасения, в который вошли как представители гражданского крыла мятежников, так и офицеры из тайной организации «Большое О», возглавляемой генералом Шеррьером.

На следующий день Сержан записал в своем дневнике: *«Это — мечта! Этого просто не может быть... Я не верю собственным глазам и ушам... Чудо — настоящее, конкретное, реальное! Таким образом, все спасено! Алжир останется французским. Массю хочет этого. Салан хочет этого, армия этого хочет. Ничто и никто не заставит их теперь отступить. Париж вынужден будет покориться!»*²⁵⁷

Париж действительно покорился: спустя две недели престарелый президент Четвертой республики

256. Сам Лагайярд к этому моменту уже давно не был студентом. Он уже отслужил в армии (как и Сержан, он был парашютистом) и вышел в отставку в звании лейтенанта.

257. Pierre Sergeant, *Ma peau au bout de mes idées*, La Table Ronde, 1967., p.164

Рене Коти обратился к парламенту и заявил, что «Перед угрозой для родины и республики... решил обратиться к самому знаменитому из французов, к тому, кто в самые трудные часы нашей истории стал нашим руководителем с тем, чтобы отвоевать свободу, и который, объединив вокруг себя нацию, отказался от диктатуры ради установления республики». Вечером того же дня (29 мая) де Голль встретился с Коти и согласился взять на себя руководство правительством. Мятежники могли считать себя победителями – особенно Ж. Сустьель, благодаря усилиям которого путч 13 мая 1958 г. привел к власти де Голля. Однако сам генерал не собирался быть обязанным мятежникам. «У меня нет желания появляться из армейского обоза, – заявил он эмиссарам генерала Салана. – Я хочу остаться арбитром. Для меня предпочтительнее прийти к власти законно, через формирование правительства».

Сразу же после избрания де Голля премьер-министром Пятой республики он совершил поездку в Алжир и заявил бывшим мятежникам: «Я понял вас». Но в глубине души де Голль понимал, что проблема гораздо сложнее, чем представлялось колонистам и армейским офицерам, и по-видимому, уже тогда решил для себя, что Франции придется отказаться от Алжира.²⁵⁸

Тем не менее, в 1956-1959 гг. французские войска добивались в Алжире одного успеха за другим. В феврале 1959 г. началось обещанное де Голлем наступление, которым руководил командующий войсками в Алжире генерал Морис Шалье. В результате серии операции, продолжавшихся до весны 1960 г. силы

258. Иван Бло (см.) полагает, что за освободительным движением Алжира стояли США. Если это так, то у де Голля действительно не было шансов выиграть эту войну.

ФНО были разбиты и рассеяны. По советским данным, в 1959 г. ФНО потерял убитыми до 50% командного состава, были выведены из строя командующие всеми военными округами. Согласно французской статистике, за год (конец 1958-конец 1959) противник потерял больше людей, чем за четыре года войны до этого. К 1960 г. французская армия, по существу, одержала в Алжире военную победу.

Но 16 сентября 1959 г., на фоне непрекращающихся успехов армии в борьбе с ФНО, произошло событие, коренным образом изменившее как судьбы Франции и Алжира, так и отношение офицеров колониальных войск к своему недавнему кумиру.

Пьер Сержан, только что вернувшийся из Кабилии, где он на протяжении нескольких недель руководил операцией «Бинокль» по уничтожению рассеявшихся партизанских отрядов ФНО, ужинал в компании полковника Анри Дюфура, когда в 20.00 по парижскому времени по радио передали речь генерала де Голля, в которой он признал право алжирцев на самоопределение. Для Сержана — как и для многих солдат и офицеров колониальных войск — это стало колоссальным психологическим потрясением. Генерал де Голль, на которого военные Алжира возлагали большие надежды, оказался в их глазах предателем.

14 января 1960 г. генерал Жак Массю (герой путча 1958 г.) дал интервью немецкой газете *Sueddeutsche Zeitung*. Массю признался, что часть армии пожалела о том, что снова попросила де Голля прийти к власти, не поняла его политику и была разочарована тем, что он остался «человеком левых».

Из интервью прямо следовало: армия ошиблась в де Голле и, возможно, откажется ему подчиняться в будущем. Массю заявил: «Армия — это сила. Она ее еще не продемонстрировала, поскольку не возникало по-

вода для подобной демонстрации. Но армия использует вскоре свою власть в одном конкретном случае (...) поощряя поселенцев создавать военизированные организации и предоставляя им оружие».

Массю немедленно вызвали в Париж, де Голль накричал на него и освободил от должности командующего танковым корпусом. Известие о том, что с генералом, которого в Алжире едва ли не боготворили, обошлись подобным образом, спровоцировало новый мятеж в колонии – так называемую «неделю баррикад» (24 января – 1 февраля 1960).

Под руководством Пьера Лагайярда, Жозефа Ортиза и Робера Мартеля восставшие построили баррикады. Однако на этот раз армия осталась лояльной правительству, не поддержав мятежников. 1й парашютно-десантный полк Иностранного Легиона перебросили в г. Алжир, чтобы подавить беспорядки. Капитан Сержан был вынужден выполнять приказ, сдерживая толпу, скандировавшую «Алжир останется французским!». Однако в душе и он, и многие другие солдаты и офицеры Легиона сочувствовали путчистам. Противостояние военных и горожан длилось неделю. 1 парашютно-десантный полк и 1 парашютный полк иностранного легиона отказались штурмовать баррикады, тогда власти вызвали жандармов и начались вооруженные столкновения, в ходе которых французы убивали французов – к вящей радости ФНО. Всего было убито 20 и ранено около 200 человек. 1 февраля восставшие сдались легионерам 1 парашютного полка, которые отдали им воинские почести.

Именно в эти дни Сержан установил контакты с Пьером Лагайяром и Жозефом Ортизом – алжирского кафе «Форум» где собирались идеологи движения за французский Алжир и основателем Французско-

го национального фронта (ФНФ, не путать с Национальным Фронтом, созданным в 1972 г.). Однако очень скоро он понял, что путчисты исходят из неправильной посылки: они предполагали, что новый путч в Алжире заставит де Голля пойти им на уступки. Но де Голль, как прекрасно понимал Сержан, сильно отличался от бесхребетных политиканов Четвертой республики. Шантажировать его было бесполезно.

«Неделя баррикад» закончилась поражением путчистов. Однако армия не отказалась от идеи сохранения французского Алжира, тем более, что для Иностранного Легиона Алжир был больше, чем колонией, которую требовалось защищать — он был домом. Ведь сам Легион был создан в 1831 г. именно для завоевания этой страны, и первые победы Легиона были одержаны в войне за Алжир, когда семь батальонов под командованием швейцарского наемника полковника Штоффеля отправились в Северную Африку сражаться с бедуинами Абд аль-Кадира. С тех пор — и до 1962 г. — штаб-квартира Иностранного Легиона располагалась в огромных казармах в Сиддибель Аббес.

Полагая, что только патриотически настроенные офицеры могут предотвратить позорную сдачу Алжира, Сержан вступил в тайную организацию военных, которые готовили новый мятеж — на этот раз куда более масштабный. Во главе заговорщиков стоял генерал Рауль Салан — в прошлом верный сподвижник де Голля, назначенный им после путча 1958 г. главнокомандующим французскими войсками в Алжире, но впоследствии отозванный в метрополию и назначенный военным губернатором Парижа. В июне 1960 г., когда де Голль начал переговоры с представителями ФНО, Салан вышел в отставку, а затем уехал в Испанию, где вступил в контакт с влиятельным поли-

тиком режима Франко Рамоном Серрано Суньером. В Испании, пользуясь покровительством Суньера, он и жил, как частное лицо, но лицо, обладающее огромным авторитетом среди французских военных. К нему в Мадрид приезжали алжирские заговорщики – Пьер Лагайярд и Жан-Жак Сюзини. В конце 1960 г., за несколько недель до назначенного на 8 января 1961 г. референдума о самоопределении Алжира, капитан Сержан осуществлял контакты между различными ветвями заговора, встречаясь с будущими участниками путча 1962 г. По-видимому, именно он вовлек в заговор генерала Жуо (будущий заместитель Салана по ОАС, «Солнце-2»).

Однако Сержан был неопытным конспиратором: военная контрразведка довольно быстро обратила внимание на его политическую активность и в январе 1961 г., сразу после референдума (на котором 75% населения проголосовало за предоставление Алжиру независимости) он был переведен в Шартр, с запретом возвращаться в Алжир.

В это же время, в Мадриде Рауль Салан, Жан-Жак-Сюзини и Пьер Лагайярд основали Секретную вооруженную организацию – ОАС, которой суждено было сыграть важнейшую роль в формировании французского националистического движения.

ОАС – Organisation de l'armée secrète – первоначально была создана, как структура для подготовки военного переворота, который, по замыслу ее отцов-основателей, должен был привести к отстранению от власти де Голля и возвращению к политике сохранения Алжира в составе Франции. Пьер Сержан, доказавший уже свою преданность делу французского Алжира, был назначен главой филиала организации в метрополии. Эта группировка получила название О.А.С.-Métropole (впоследствии из нее возникнет

группа «Метро-Молодежь», которая, свою очередь, даст начало Движению молодой революции главой которой станет Пьер Сержан).

Сержан, служивший в Шартре и занимавшийся подготовкой парашютистов, имел возможность часто ездить в Париж, не привлекая особого внимания военной контрразведки (по всей видимости, контрразведчики отслеживали в основном его контакты с Алжиром). Ему удалось склонить на сторону заговорщиков целый ряд друзей-офицеров, которые были переведены из Алжира в метрополию; весной 1961 г. все они вернулись в Северную Африку, где примкнули к восставшим. А 19 апреля 1961 г. покинул свой полк и сам Сержан. Он нарушил приказ, запрещавший ему возвращаться в Алжир, и принял непосредственное участие в «путче генералов» — том самом, в котором так и не удалось поучаствовать Жан-Мари Ле Пену (см. главу 2).

Путч начался в ночь с 21 на 22 апреля и поначалу события развивались удачно для мятежников: 1-му парашютному полку Иностранного легиона, в котором служил Сержан, удалось захватить мэрию, дворец генерал-губернатора, а главное — аэропорт. Танки полковника Годара блокировали здание адмиралтейства, и вице-адмирал Кервилль, командующий ВМС Франции в Средиземноморье, бежал в Оран.

Однако уже 22 апреля в Париже были арестованы офицеры, командовавшие силами путчистов в метрополии. Попытка поднять восстание в самом Париже была подавлена в зародыше.

В этот момент чаши весов еще пребывали в неустойчивом равновесии. Из Испании в Алжир прилетел генерал Салан («Солнце-один» в иерархии ОАС). Путчисты захватили еще несколько городов и взяли под контроль армейский корпус генерала Гуро.

Но 23 апреля в Париже боевики ОАС взорвали три бомбы – в аэропорту Орли, на Лионском вокзале и вокзале Аустерлиц. Вместо того, чтобы посеять панику среди населения, эти террористические акты вызвали неожиданно мощное противодействие. На следующий день на улицы французских городов вышли миллионы человек, протестовавших против действий мятежников. Была объявлена всеобщая забастовка. На волне народного гнева де Голль объявил, что вводит в действие 16-ю статью конституции, предоставлявшую ему неограниченные права.

С этого момента время стало работать против путчистов. 26 апреля генерал Шалль, командующий вооруженными силами мятежников, объявил о том, что сдается властям. Утром 27 апреля руководители мятежа оказались в тюрьме. Однако перед арестом Шалль успел передать генералу Жуо 300 тысяч франков – на продолжение борьбы. Эту тайную войну против «предателя» де Голля и Пятой республики возглавила ОАС.

Пьер Сержан стал одним из бойцов тайной войны. После разгрома мятежа он некоторое время скрывался в сельской местности, на вилле одного из поддерживавших путч винопромышленников. В июне 1961 г., когда страсти немного улеглись, он тайно проник на борт грузового судна и перебрался в Марсель, а оттуда – в Париж.

Июнь 1961 г. – официальное «рождение» группы О.А.С.- Métropole, создателем которой, согласно документу, подписанному Саланом, признан капитан Сержан. Однако в глазах генералитета Сержан – почти никто, у него нет ни аппаратного веса, ни подходящих для руководителя чинов. Поэтому Салан назначает Сержана начальником штаба группы О.А.С.- Métropole, и делает руководство группой кол-

легиальным, назначив ее соруководителями генерала Поля Вануксема и высокопоставленного чиновника Министерства финансов Анре Регарда.

Тем не менее, настоящим руководителем О.А.S.- Métropole был именно Сержан. Он сумел найти источник финансирования для своей группы, «завербовав» директора крупной компании по производству минеральных удобрений, Мориса Жинжембра. Помимо финансовой помощи, Жинжембр оказался бесценным приобретением для ОАС – он постоянно ездил в командировки в Алжир и Испанию, где встречался с людьми Салана. Сержан использовал его и как курьера для передачи важных документов.

7 сентября 1961 г. Жинжембр был арестован прямо у трапа самолета в аэропорту Алжира. При нем были обнаружены секретные документы, в том числе содержавшие шифры и ключи к ним – которые Сержан посылал начальнику штаба ОАС в Алжире. На следующий день ОАС совершило одно из своих многочисленных неудачных покушений на де Голля, взорвав бомбу на пути следования кортежа генерала. Полиция начала охоту за ОАС. На следующий день были арестованы Вануксем и еще несколько видных активистов О.А.S.- Métropole. Сержан был вынужден покинуть свою конспиративную квартиру в Париже и некоторое время «скрывался в зелени», то есть прятался в загородном домике одного из своих однополчан. Его фотографии появились в прессе, их показывали по телевизору: началась настоящая охота, подобная той, что в деталях описана Фредериком Фортсайтом в романе «День шакала».

Несмотря на то, что за ним охотилась вся французская полиция, капитан Сержан оставался неуловим. Он организовывал подпольную деятельность ОАС в самом сердце метрополии, вербуя все новых

сторонников, готовя из них тренированных командос, владеющих всеми видами оружия, специалистов взрывного дела. В назначенный час эта подпольная армия должна была выйти на поверхность и дать решающее сражение силам Пятой республики. Но ее выход на сцену планировался после того, как лидер ОАС, генерал Салан, поднимет новое восстание в Алжире.

Этому не суждено было случиться. В апреле 1962 г. Салан был арестован в результате предательства кого-то из своего окружения. Вскоре ОАС прекратила террористические атаки, как на территории Алжира, так и в метрополии. Ее руководящее ядро было разгромлено и рассеяно. И когда в июне 1962 г. боевики ФНО устроили резню в Оране²⁵⁹, возглавить восстание в Алжире было уже некому. В апреле 1963 года листовки известили, что созданный Жоржем Бидо «комитет национального спасения» преобразован в «национальный совет сопротивления» (СНР) и его возглавил капитан Пьер Сержан. В июле оасовцы объявили о реорганизации совета и о намерении «снова начать действовать». Листовка была подписана бывшими полковниками Ивом Годаром, Роланом Водрэ, Анри Дюфуром, бывшими капитанами Пьером Сержаном и Рене Суэтром. В перечне не упоминаются такие крупные главари французских фашистов, как Жорж Бидо и Жак Сустель. Очевидно, в руководстве ОАС из-за личных распрей произошли значительные изменения.

Но во Франции капитан Сержан продолжал свою борьбу. В какой-то момент он стал фактическим ли-

259. В июне 1962 г. в населенном преимущественно европейцами алжирском порту Оран боевики Армии народного освобождения – вооруженного крыла ФНО – напали на мирных жителей и вырезали несколько тысяч человек (согласно последним исследованиям, более 3500). В ряде случаев убийства сопровождалась жестокими пытками.

дером ОАС. После ареста Салана организацию возглавил Жорж Бидо, создавший «Комитет национального спасения». Но уже в апреле 1963 г. в листовках, подписанных полковниками Годаром, Водрэ, Дюфуром, капитанами Сержаном и Суэтром говорится о том, что КНС преобразовывается в Национальный совет сопротивления, во главе которого стоит... капитан Пьер Сержан. А в июле 1963 Сержан объявляет, что НСС отныне именуется Национальным советом Революции, и что бойцы ОАС готовы «снова начать действовать».

Один из его молодых сподвижников – Николас Кайянакис – организовал группу ОАС-Метро-Молодежь (сетевую организацию, объединявшую более 400 студентов и лицеистов). После арестов лидеров и активистов ОАС брата Кайянакисы, Николас и Жорж, бежали в Бельгию, где организовали Движение Молодой революции. Идеологией этого движения был солидаризм, и именно из его рядов вышли такие видные деятели Национального Фронта 1970х – 1980х гг. как Жан-Пьер Стирбуа (см), Мишель Коллино и Ален Буане.

Капитан Сержан так и не попал в руки французской полиции. Осужденный (заочно) и приговоренный к смертной казни, он скрывался от французской Фемиды в Швейцарии и Бельгии. На родину Сержан вернулся лишь в октябре 1968 г., после вступления в силу закона об амнистии от 31 июля 1968 г.

В 1985 г. Сержан присоединился к Национальному Фронту. Уже на парламентских выборах 1986 г., осуществлявшихся по пропорциональной системе, он был избран депутатом Национальной Ассамблеи от департамента Восточные Пиренеи. На проводившихся одновременно региональных выборах Сержан был избран региональным советником Лангедок-

Руссильона (тоже от НФ). Однако на выборах в Европарламент в 1989 г. четырнадцатое место в списке НФ, возглавляемом Ж.-М. Ле Пенем, не позволило Сержану занять кресло евродепутата (всего от НФ тогда было избрано 10 человек).

Заслуги Пьера Сержана перед французским националистическим движением чрезвычайно велики. Именно он был главным проводником идеологии французского Алжира – и, в значительной мере, звеном, связующим ветеранов ОАС с молодежными студенческими группировками, такими, как GUD, и экстремистскими объединениями, такими, как группа «Запад», а в конечном итоге, и с Национальным Фронтом.

Кроме того, Пьер Сержан был весьма одаренным литератором. Его книги об Иностранном Легионе до сих пор читаются с неослабевающим интересом и служат бесценным источником информации о повседневной жизни и приключениях солдат и офицеров колониальных французских войск.

Сержан – последняя легенда ОАС – умер в Париже в 1992 г., в возрасте 66 лет.

14. **Сораль, Ален** (*Alain Soral*, 1958), настоящее имя Ален Бонне, также встречается вариант Ален Бонне де Сораль, – франко-швейцарский писатель, эссеист, режиссер, социолог, директор издательского дома «Kontre Kulture». Один из видных европейских интеллектуалов современности, оказавший значительное влияние на взгляды Марин Ле Пен и ее соратников по Национальному Фронту.

Родился в г. Экс-Ле-Бен во франко-швейцарской семье. Окончил Национальную высшую школу изящных искусств, затем – Высшую школу социальных

наук. Одним из его учителей был французский философ и экономист Корнелиус Касториадис, теоретик левокоммунистической группы «Социализм или варварство», под влиянием которого сформировались политические взгляды молодого Соралья.

Первые литературные опыты Соралья посвящены социологии моды. Сораль также опубликовал автобиографический роман «День и ночь, или жизнь повесы», который, однако, не имел особенного успеха. Также пробовал себя в кинематографе, снимая короткометражные фильмы.

В 90-е годы Сораль вступает в ряды Французской коммунистической партии. В это же время выходит его книга «Sociologie du Dragueur» («Социология бабника»), которая, в отличие от предыдущих книг, имеет успех и даже становится «социологическим бестселлером» того времени.

Снимается в нескольких художественных фильмах, посвященных проблемам взаимоотношений между полами и сексуальности. В 1996 г. публикует эссе «На пути к феминизму? Разоблачение антидемократического заговора», которое становится манифестом его антифеминистской философии.

После коммерческого провала экранизации собственной книги «Социология бабника» Сораль полностью сосредотачивается на литературной деятельности. Из-под его пера выходят эссе «Куда мы катимся? Азбука общественной глупости», «Сократ в Сен-Тропе», «Ничтожество желания», и другие. В этот период Сораль становится одним из самых влиятельных нон-конформистских интеллектуалов Франции.

С конца 90-х гг. происходит сближение Соралья с некоторыми праворадикальными активистами, в том числе, **Фредериком Шатийоном** (см.) В 2005 г. вступает

в ряды Национального Фронта. В период предвыборной кампании он отвечает за направление социальной политики и политики в отношении французских пригородов под руководством Марин Ле Пен. В 2007 г. Сораль избирается членом центрального комитета Национального Фронта, но покидает ряды партии в 2009 г. из-за идейных разногласий с руководством партии – в частности, из-за критического отношения НФ к исламу. В 2007 г. совместно с бывшими активистами Группы Совместной Обороны (GUD) Жильдазом О'Шиналем и Фредериком Шатийоном основал политическую ассоциацию «Равенство и Примирение» (*Egalité et Reconciliation*), которую и возглавил. Сам Сораль позиционирует «Равенство и Примирение» как политический экспертно-аналитический центр, «фабрику мыслей» (*think-tank*), «примиряющий» «экономические идеи» левых и «культурные ценности» правых. Активно поддерживает внешнюю политику России, в том числе, в Сирии (Сораль является приверженцем президента Башара Асада) и на Украине. «Равенство и Примирение» проводит демонстрации и митинги в поддержку Донбасса, организуют сбор средств для помощи Новороссии.

15. **Стирбуа, Жан-Пьер** (*Jean-Pierre Stirbois 1945 – 1988*), французский политик, соратник и один из главных идеологов Национального Фронта.

Один из организаторов президентской кампании **Жан-Луи Тиксе-Виньякура** (см). Убежденный солидарист²⁶⁰. Совместно с Мишелем Коллино основал в 1975 г. Солидаристский союз (*Union solidariste*).

260. Солидаризм – теория примирения противоречий между классами, обосновывающая необходимость социального сотрудничества и духовного доверия среди различных слоев общества.

В 1977 г. вступил в Национальный Фронт, в 1981 г. стал генеральным секретарем партии. После гибели **Франсуа Дюпра** (см.) стал главным идеологом и стратегом НФ. Возглавляемая Стирбуа группировка солидаристов противостояла оставшимся от «Нового порядка» экстремистским элементам в партии. Будучи убежденным сторонником Израиля, как «щита» белой цивилизации в арабском мире, Стирбуа проводил агрессивную антииммигрантскую политику. В 1983 г. добился сенсационного (для тогдашнего НФ) результата на повторных муниципальных выборах в Дре: 16,7% в первом туре. Во втором туре объединился с кандидатом от ОПР, и в итоге занял место вице-мэра Дре. Первым из руководителей НФ понял стратегическое значение союза крайне правых с правыми (который смогла отчасти реализовать только Марин Ле Пен).

В 1984 г. был избран в Европарламент по списку Национального Фронта. В 1986 г. был избран депутатом Национальной Ассамблеи (парламента) Франции от О-де-Сен.

Стирбуа был главным соперником Бруно Мегре в его карьере восхождения. Их соперничество прервалось с трагической гибелью Стирбуа, который погиб в автокатастрофе, возвращаясь с митинга НФ в Дре (ноябрь 1988).

16. **Сустель, Жак** (*Jacques Soustelle*, 1912-1990) — французский ученый и политик, в 1955-1956 гг. генерал-губернатор Алжира. Антрополог, специалист по доколумбовым культурам Месоамерики. Активный участник Сопrotивления, один из ближайших соратников де Голля, возглавлявший его разведывательную службу DGSS (*Direction générale des services*

spéciaux). DGSS была образована в результате слияния двух армейских разведок, подчинявшихся генералам Шарлю де Голлю и Анри Жиро. Во главе новой службы де Голль предложил поставить антрополога Сустеля, который до этого был комиссаром по информации в «Сражающейся Франции». На возмущенное возражение Жиро — как можно ставить штатского (Сустель имел звание лейтенанта резерва, но никогда не служил в армии) во главе разведки, де Голль невозмутимо ответил: «Если вас это так беспокоит, мы наденем на него генеральский мундир». Существует интересная, но труднодоказуемая версия, что в этот момент Сустель был агентом нелегальной резидентуры советской военной разведки в Великобритании. После войны и до 1960 г. был одним из наиболее преданных соратников де Голля. Именно благодаря Сустелю в мае 1958 г. после путча генералов де Голль вернулся к власти и был избран президентом. Однако вскоре после этого дороги Сустеля и де Голля разошлись: как и многие сторонники генерала, Сустель не простил ему «предательства», выразившегося в предоставлении Алжиру независимости. Сустель присоединился к ОАС, где занимал одну из руководящих должностей. В 1961 г. после пресс-конференции, на которой он выступил с прямой поддержкой ОАС, вынужден был покинуть Францию, где против него возбудили уголовное дело. На протяжении ряда лет переписывался со своей женой, оставшейся во Франции, на языке науатль (индейский язык Центральной Мексики, на котором, в частности, говорили ацтеки) — так что контрразведка де Голля, которая перлюстрировала его письма, оставалась в недоумении. После амнистии 1968 г. вернулся во Францию, вел активную политическую жизнь. Симпатизировал го-

сударству Израиль и идеологии сионизма, из-за чего неоднократно обвинялся в «жидомасонстве».

17. **Тиксье-Виньянкур, Жан-Луи Жильбер** (*Jean-Louis Gilbert Tixier-Vignancour*; 1907-1989), французский политик крайне правого толка, юрист. В молодости был монархистом, активистом молодежного боевого крыла Action française «Королевские молодчики», затем примкнул к Французской народной партии **Жака Дорио** (см). Был главным пропагандистом режима Виши. Во время войны несколько раз арестовывался то немцами — за антигерманские взгляды — то союзниками — за службу Виши. Поэтому после войны не был признан коллаборационистом, и продолжал профессиональную юридическую и политическую деятельность. Сотрудничал с **Морисом Бардешем** (см). Выступал за сохранение французской колониальной империи, в европейской политике был сторонником идеи «Европы наций». Был одним из тех французских правых, кто возлагал большие надежды на де Голля, и кто жестоко разочаровался в генерале после предоставления независимости Алжиру. По-видимому, был как минимум идейно близок ОАС, защищал (как адвокат) активистов этой организации, спас от смертного приговора Рауля Салана, одного из создателей ОАС и главного путчиста 1961 г. Однако руководителя покушения на де Голля Бастьена Тири спасти не сумел, после чего возненавидел генерала еще больше²⁶¹.

261. Первоначально де Голль собирался помиловать Бастьена Тири, но отказался от этой мысли, узнав, что подполковник в ходе покушения находился на безопасном расстоянии от места событий и нисколько не намеревался рисковать своей жизнью. По-видимому, де Голль посчитал своего несостоявшегося убийцу трусом, а трусов генерал не терпел.

В 1964 г. создал Ассоциацию комитетов сторонников ОАС и удержания Алжира. Его активная политическая позиция, энергия, с которой он защищал бойцов ОАС, снискали ему авторитет среди разнообразных правых и крайне правых партий и движений Франции. Выдвинул свою кандидатуру на выборах президента Франции в 1965 г., руководителями его предвыборной кампании были Ж.-М. Ле Пен и **Жан-Поль Стирбуа** (см.) Получил 5,27% голосов, во втором туре призвал голосовать за Миттерана (чтобы не дать победить де Голлю). После этого Ж.-М. Ле Пен и ряд других крайне правых покинули Комитет в поддержку Тиксье-Виньянкура.

В 1974 г. принял участие в создании Партии новых сил (PFN) **Алена Робера** (см.) и Паскаля Гошона, отличительной чертой которой был воинствующий антикоммунизм. На первых выборах в Европарламент (1979 г.) Партия новых сил вошла в блок «Европравые», который был создан по инициативе лидера Итальянского социального движения **Джиорджио Альмиранте** (см.) Тиксье-Виньянкур баллотировался первым номером партийного списка, но получил 1,2% голосов и не был избран.

18. **Шатийон, Фредерик** (*Frédéric Chatillon*, 1968) — французский предприниматель и политический активист, советник Марин Ле Пен. Бывший президент Группы Совместной Обороны (GUD), в настоящее время — глава PR-агентства «Riwal», занимающегося, в частности, информационным и рекламным обеспечением Национального Фронта и микропартии «Жанна» (Jeanne), основанной в 2010 г. близкими к Марин Ле Пен активистами.

Будучи студентом университета Париж-Асса — традиционной вотчине крайне правой интеллектуальной молодежи — стал активным участником, а затем и президентом Группы Совместной Обороны, созданной в 1968 г. Вместе со своим другом Жильдазом О'Шиналем организовал ассоциацию боевых искусств «Молот Тора», где студенты из GUD обучались приемам рукопашного боя, впоследствии применяя их в уличных стычках с политическими противниками.

Один из авторов книги «Чумные крысы: история студентов-националистов с 1965 по 1995 г.) — уникального исследования становления крайне правых движений во французской университетской среде. В начале 90х годов познакомился с Марин Ле Пен и вскоре женился на ее подруге детства, Мари д'Эрбе де Тун, впоследствии работавшей в партийных структурах НФ.

В 1995 г. Шатийон создал PR-компанию Riwal, ставшую преемником издательства *Monts d'Arrée*, опубликовавшем книгу «Чумные крысы». Riwal стала предоставлять «информационные и рекламные» услуги Национальному Фронту, а сам Шатийон впоследствии занял в иерархии НФ место неофициального, но крайне влиятельного советника Марин Ле Пен. В 2011-2012 гг., по мнению Каролин Фуре, он был для Марин Ле Пен тем же, кем был **Франсуа Дюпра** (см.) для ее отца, Жан-Мари Ле Пена: близким советником, идеологом, разделяющим приблизительно те же взгляды. Как и Дюпра, Шатийон является представителем ревизионистского подхода к истории Второй мировой войны, и неготианистом (отрицателем Холокоста). Одной из важнейших функций, выполняемых Шатийоном, является налаживание связей между ядром НФ и крайне правыми

интеллектуалами, не связанными с определенными партиями и движениями. Так, через Шатийона осуществлялись первоначально контакты Марин Ле Пен и Алена Сораля. Товарищ Шатийона по GUD и «Молоту Тора» О"Шиналь вместе с Соралем и еще одним бывшим активистом Союза Совместной Обороны Филиппом Пененком, основал политическую лево-консервативную ассоциацию «Равенство и примирение», которая, в частности, неоднократно выступала в поддержку российской политики, в том числе, на Украине и на Балканах. Летом 2006 г. Шатийон, вместе с А. Соралем и Дъедонне М'бала М'бала посетил Ливан и Сирию, где завязал контакты на очень высоком уровне (в том числе, называются имена Мустафы Тласа, бывшего министра обороны при Хафезе Асаде, и Манафа Тласа, отставного генерала президентской гвардии (впоследствии перешедшего на сторону мятежников). PR-агентство Riwal имеет сирийский филиал, «специализирующийся на продвижении интересов сирийских компаний и общественных институтов во Франции». Французская пресса подчеркивает, что Шатийон является горячим сторонником сирийского президента Башара Асада, участвовал в демонстрациях в поддержку сирийского лидера, проводил информационные кампании против предателей, перешедших на сторону антиасадовских сил (например, Манафа Тласа). Шатийон создал специальный сайт InfoSyrie (<http://www.infosyrie.fr/>) занимающийся распространением информации, альтернативной той, которую французские пользователи интернета могут получить в официальных СМИ.

Отделение Riwal также имеется в Италии (Riwal Italia SRL). Через это отделение Шатийон связан с КасаПаунд, крайне правым итальянским движением, основанном в 2003 г. и получившим свое имя в честь

американского писателя и интеллектуала Эзры Паунда. Шатийон организовывал поездки Марин Ле Пен в Италию в 2011-2012 гг.

Фредерик Шатийон и несколько его доверенных лиц приняли непосредственное участие в создании и раскрутке микро-партии «Жанна», созданной в конце 2010 г. Лидером «Жанны» является Флоренс Лагард – жена ближайшего соратника Шатийона, Жильдаза Мае О’Шиналя. Казначеем «Жанны» является другой выходец из GUD Аксель Лусто.

19. Шевенман, Жан-Пьер (*Jean-Pierre Chevènement, 1939*), французский политический деятель, лидер партии Республиканское и гражданское движение.

Жан-Пьер Шевенман (произносится как Шевенман) родился 9 марта 1939 г. в городе Бельфор (территория Бельфор, небольшой департамент на востоке Франции, входящий в регион Франш-Конте) в семье школьных учителей. Семья Шевенмана имеет швейцарские корни: его фамилия изначально писалась как Schwennemann, и только в 18 веке была переделана на французский манер.

Семейные традиции определили успехи юного Шевенмана. Еще лицеистом он стал победителем национального конкурса (что-то вроде нашей Олимпиады) по греческому языку и географии. Блестяще окончил факультет политических наук Сорбонны, а затем Национальную школу администрации (ENA), выпускники которой – «энархи» – по праву считаются интеллектуальной элитой Франции. Его однокашниками (курс 1963-1965) были, в частности, Лионель Жоспен (впоследствии глава правительства во время первого президентства Ж. Ширака) и Жак Тубон (занимавший несколько министерских постов при

Миттеране и Шираке). Однако именно Шевенман в 1967 г. опубликовал (правда, под псевдонимом) книгу, разоблачавшую многие мифы о Национальной школе администрации – «Энархия, или Мандарины буржуазного общества». Кроме дипломов Сорбонны и ЕНА, Шевенман может похвастаться дипломом Венского университета (специализация – немецкий язык).

После окончания ЕНА Шевенман занимал посты в министерстве экономики и финансов, а также в гражданской администрации Алжира (г. Оран, тот самый, где произошла печально известная Оранская резня 5 июля 1962 г.). В 1964 г. Шевенман вступает в SFIO – Французскую секцию рабочего интернационала (Section Française de l'Internationale Ouvrière), как называлась до 1969 г. Социалистическая партия Франции. А через два года Шевенман и несколько его однокурсников из ЕНА – Дидье Мочан, Пьер Гидони и Жорж Сарр – основали Центр социалистических исследований, разработок и просвещения (CERES), фактически – левое крыло французского социалистического движения.

Шевенман не рвался к лидерству в SFIO, но с самого начала показал себя сторонником системного обновления социализма. Большие надежды в этом плане он возлагал на Франсуа Миттерана, который был избран первым секретарем Социалистической партии в 1971 г. – не без поддержки CERES. Шевенман активно работал в Руководящем комитете и Национальном совете партии, не раз избирался национальным секретарём СП по тем или иным вопросам. В годы, предшествовавшие взятию социалистами власти, Ж.-П. Шёвенман был избран депутатом Национального Собрания и мэром родного Бельфора, который он возглавлял с перерывами на протяжении

20 лет. Одновременно он принимал личное участие в разработке всех программных документов своей партии и Совместной программы Союза левых сил, опираясь на поддержку своего старшего товарища Франсуа Миттерана, не забывшего, какую помощь оказал ему CERES. Миттеран весьма высоко оценивал способности Шевенмана, называя его «главным интеллектуалом французского социализма» своего времени.

После избрания Миттерана на пост президента Республики (1981 г.) Шевенман был назначен на пост министра научных исследований и технологии. С 1981 по 2000 г. пять раз входил в состав левых правительств, занимая посты министра промышленности, министра просвещения, министра национальной обороны и министра внутренних дел. Мало кто из действующих политиков Франции может похвастаться таким послужным списком. При этом верность принципам была для него важнее карьеры: например, в 1983 г. он оставил пост министра промышленности после того, как его многолетний товарищ Франсуа Миттеран приостановил реализацию социально-экономических реформ, план которых они готовили вместе. Еще более демонстративным был уход Шевенмана с поста министра обороны в 1991 г., после того, как Миттеран принял решение поддержать англосаксонских союзников в войне против Саддама Хусейна и отправил французские войска в Ирак. В 2000 г. Шевенман ушел в отставку с поста министра внутренних дел в знак протеста против курса Лионеля Жоспена на предоставление особых полномочий Корсике, считая это опасным потаканием сепаратизму.

При всей своей «левизне», Шевенман всегда оставался убежденным государственным, что

выгодно отличает его от нынешних социалистов-«общеевропейцев» типа Олланда. При том, что Шевенман был одним из авторов французской концепции самоуправленческого социализма, горячим сторонником объединения всех левых сил и национализации ключевых секторов экономики, он всегда заявлял о верности республиканским принципам французской политики, выступал в защиту национального суверенитета, подчеркивал опасность вмешательства в жизнь государства международной финансовой олигархии. После того, как Миттеран и большинство социалистов выступили в поддержку Маастрихтского договора и интеграции в Евросоюз, Шевенман решительно осудил этот пакт и перед референдумом 1992 г. вёл открытую агитацию против Договора о Европейском Союзе. Именно отрицательное отношение к европейской интеграции послужило главной причиной его разрыва с Социалистической партией в 1993 г. Порвав с СП, Шевенман преобразовал созданное им за некоторое время до этого Движение граждан (МДС) в политическую партию, и возглавил ее. Главной идеей Движения граждан (позже ставшей Республиканским и гражданским движением) был синтез левых идей с идеей нации.

Как пишет российский франковед, один из ведущих специалистов по истории международного левого движения, Руслан Костюк, «социал-патриотическая идеология Шёвенмана никогда не относилась во Франции к своего рода «мейнстриму». Либеральные газетчики ещё в 80-е гг. называли Ж.-П. Шёвенмана «неоякобинцем» или «последним якобинцем», намекая на его верность принципам унитарной республики».²⁶² Но именно это «неоякобинство» и делало взгляды Шевенмана привлекательными для

262. <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2011/11/22/11950.html>

многих французских суверенистов, таких, например, как **Поль-Мари Куто** (см.) Неудивительно, что несколько видных деятелей РГД впоследствии перешло под знамена Марин Ле Пен, чьи взгляды порой парадоксальным образом совпадают с идеями Шевенмана.

В частности, во многом близки концепции внешней политики Марин Ле Пен и Жан-Пьера Шевенмана. Как и Марин, Шевенман выступает за «выход из либеральной глобализации» и отказ от подчинённых отношений с США. При этом следует иметь в виду, что Шевенман осуждал американский империализм еще в 70-х годах прошлого века, продолжает критиковать Вашингтон за его попытки установить мировое доминирование и сегодня. Шевенман также выступает против федеративной перспективы для Евросоюза, делая упор на конфедеративной парадигме кооперации суверенных государств.

Шевенман относится к той части французского политикума, которая возлагает большие надежды на потенциальный союз с Россией. В личных беседах с российскими политологами и историками не раз выражал убеждение в том, что «Европа нуждается в более справедливой системе, включающей в себя сильную Россию... Если Запад будет игнорировать Россию — это будет путь в тупик».²⁶³

В октябре 2012 г. был назначен специальным представителем МИД Франции по связям с Россией в рамках т.н. «экономической дипломатии». В 2014 г. несколько раз посещал Москву, выполняя возложенную на него миссию по улучшению франко-российских отношений в условиях санкций, введенных ЕС в связи с украинским кризисом. Резко высказывался против продления санкций, указывая, что продол-

263. <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2011/11/22/11950.html>

жение санкционного давления на Россию после того, как Украина отказалась осуществлять часть Минских соглашений, является цирком²⁶⁴. Подчеркивая роль Франции в восстановлении «нормандского формата», который привел к двум Минским соглашениям о прекращении огня, Шевенман заявил: «Однако вторые Минские соглашения не реализуются из-за Украины, отказывающейся от политической части, которая подразумевает выборы в восточных русскоязычных регионах и конституционную реформу, дающую широкую автономию. И теперь наказывают Россию! Это настоящий цирк!». Санкции против России, отмечает Шевенман, были продлены без реального обсуждения Европейским советом. Политик считает, что подобная система подчинения США должна быть оспорена.

«Внутри ООН все государства в принципе равны, кроме, естественно, Совета Безопасности, где находятся пять постоянных из пятнадцати членов. Эта законная схема разрушилась. «Западничество», превалирующее отныне, — это система лояльности американскому сюзеру», — заявляет Шевенман.

В июне 2015 г. Шевенман оставил пост почетного президента Республиканского и гражданского движения, мотивировав это тем, что хочет «вернуть свою свободу». Решение было связано с тем, что руководство РГД отвергло предложение Шевенмана о сближении с правой суверенистской партией «Вставай, Республика!» Николя Дюпона-Эньяна. Более 88% делегатов съезда РГД высказались за сохранение верности левым принципам партии. На следующий день после сложения с себя полномочий почетно-

264. http://www.chevenement.fr/Nous-sommes-passes-dans-l-allegiance-au-suzerain-americain_a1737.html

го президента РГД Шевенман объявил о создании альянса с Дюпон-Эньяном.

20. **Шоню, Пьер** (*Pierre Chaunu*, 1923-2009) французский историк, основатель и яркий представитель квантитативной истории (подхода, при котором количественные методы изучения истории являются определяющими). Занимался изучением проблем цивилизаций, в частности, влиянию демографических процессов на развитие и взаимоотношения цивилизаций. Россия, по Шоню, относится к европейской цивилизации («Цивилизация классической Европы», 1966), являясь ее «пионерской зоной».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
<i>Глава первая</i>	
Маленькая девочка из Монтрету	23
<i>Глава вторая</i>	
«Время дубинок и железной руки»: рождение НФ	47
<i>Глава третья</i>	
Изгнание старых демонов	77
<i>Глава четвертая</i>	
Мадам президент	107
<i>Глава пятая</i>	
Королеву играет свита	143
<i>Глава шестая</i>	
Битва за Европу	171
<i>Глава седьмая</i>	
«Мадам Фрекзит»	201
<i>Глава восьмая</i>	
О России — с любовью	223
* * *	
<i>Приложение</i>	
Политические деятели, активисты и интеллектуалы, упомянутые в тексте	245

Кирилл БЕНЕДИКТОВ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЖАННЫ Д'АРК
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ
МАРИН ЛЕ ПЕН**

Книга издана при содействии Фонда ИСЭПИ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 10.
Тираж 1000 экз.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru